ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

9
выпуск (864)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MSLU
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITIES

9
Issue (864)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 9 (864)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 69 (864)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK **Doctor of Philology, Professor**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Изучение фоносемантической матрицы S.K во французском языке
АЛЬРИФАИ Ф. 9

Некоторые особенности терминосистемы библиотечно-информационного дискурса
(на материале специализированной французской литературы)
АФОНИНА-ТЕРЗИЙСКА Е. А. 15

Заключительные этикетные формулы итальянского делового письма:
структурный и коммуникативно-прагматический аспекты
БОРИСОВА Е. С., ГОВОРУХО Р. А. 22

Стереотипизация образа юриста в американском обществе
(на основе анализа юмористических высказываний)
ВИКУЛИНА М. А. 32

Вербализация мимики и жестов в русском и испанском языках на материале корпусных данных
ГОЛУБЕВА А. С. 39

Социальная реклама как жанр медиатекста
ДЕДЮРИНА Е. Ю. 49

Влияние ключевых концептов немецкоязычного юридического дискурса
на формирование личности будущего специалиста
ДУМИНА Е. В. 54

Государственный и региональные языки Испании: союзники или соперники?
ЕВДОКИМОВА А. А. 61

Базовые принципы практической фонетики французского языка
КОГАЛОВА Е. А. 68

Репрезентация концептов «колокол» и «звон» в русских, немецких и французских фразеологизмах
КУНИЦЫНА О. М., ПЕРВОЗВАНСКИЙ Р. И. 74

Когнитивный подход к концептуальным метафорам и его применение при анализе сложных
абстрактных понятий в юридическом дискурсе
ЛЮБИМОВА О. Ю. 80

Турнир между Раем и Адом: символическое в воинской лирике *Chansons de Croisade*
(на материале анонимных песен северофранцузских труверов XII–XIII веков)
МАНУХИНА А. О. 86

Особенности юридической лексики на примере темы: «Судебная система Франции»
МЕЛЬНИК И. К. 91

СОДЕРЖАНИЕ

Вариативность синтаксических структур
(на материале атрибутивных словосочетаний в испанском и русском языках)
МОИСЕЕНКО Л. В. 98

Интердискурсивность как отражение и осмысление дискурсивного пространства кинофильма в профессиональной прессе (на материале журналистских статей о детективном телесериале «Капитан Марло»)
СЕМИНА И. А. 104

Дискурсивные характеристики политической коммуникации во Франции в период Фронды (1648–1653)
ТУЛУБЕЕВА Е. В. 112

Культурно-специфические особенности языка медиации
УСКОВА Т. В. 119

Синергия когнитивно-стилистического потенциала артефактов Высокого Возрождения Микеланджело Буонарроти
ШПЕТНЫЙ К. И. 127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Что способствует изнеженности души? К вопросу об интерпретации фрагмента «ea quae ad effeminandos animos pertinent» (Цезарь. Записки о галльской войне 1.1.3)
ГОЛИКОВА М. С. 136

Сравнительный анализ «Автобиографии» Б. Франклина и «Автобиографии» М. Твена
ТИТОВА О. А., КИРДЯЕВА О. И. 143

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Эволюция цивилизационной идентичности в приграничных государствах Евразии и Латинской Америки
ЕМЕЛЬЯНОВ А. И. 151

Культурная грамотность как необходимое условие межъязыковой коммуникации
КУЛИКОВА К. С. 156

LINGUISTICS

The Study of Phono-Semantic Matrix S.K in the French Language
ALRIFAAI F. 9

Features of the Library and Information Discourse Term System
(based on specialized French literature)
AFONINA-TERZIYSKA E. A. 15

Final Etiquette Formulas of Italian Business Letters:
Structural and Communicative-Pragmatic Aspects
BORISOVA E. S., GOVORUKHO R. A. 22

Formation of a Stereotype of a Lawyer in the American Society (the analysis of the humorous statements)
VIKULINA M. A. 32

Verbalization of Mimic and Gestures in Russian and Spanish on the Material of Corpus Data
GOLUBEVA A. S. 39

Social Advertising as a Genre of Media Text
DEDIURINA E. Iu. 49

The Influence of the Key Concepts of the German Legal Discourse on Forming Future Lawyers' Identity
DUMINA E. V. 54

State and Regional Languages of Spain: Allies or Rivals?
EVDOKIMOVA A. A. 61

Basic Principles of French Practical Phonetics
KOGALOVA E. A. 68

Representation of the Concepts "Bell" and "Ringing" in Russian, German
and French Phraseological Units
KUNITSYNA O. M., PERVOZVANSKIY R. I. 74

Cognitive Approach to Conceptual Metaphors and Its Usage
in the Analysis of Complex Abstract Notions in Legal Discourse
LYUBIMOVA O. Yu. 80

A Tournament between Heaven and Hell: the Symbolic in Military Lyrics *Chansons de Croisade*
(based on anonymous songs of Northern French trouveurs of the 12th – 13th centuries)
MANUHINA A. O. 86

Features of Legal Vocabulary on the Example of the Topic: "Judicial System of France"
MELNIK I. K. 91

CONTENTS

Variability of Syntactic Structures (based on attributive phrases in Spanish and Russian)
MOISEENKO L. V. 98

Interdiscursivity as Reflection and Interpretation of Discursive Space of a Film in Professional Press (based on journalistic articles about the detective drama television series 'Capitaine Marleau')
SEMINA I. A. 104

Discursive characteristics of political communication in France in the Fronde period (1648–1653)
TULUBEEVA E. V. 112

Cultural and Specific Features of the Mediation Language
USKOVA T. V. 119

Synergy of Cognitive-stylistic Potential in the Artefacts of High Renaissance Underlying in Michelangelo Buonarroti
SHPETNY C. I. 127

LITERARY STUDIES

What makes the soul weak? Interpretation of «ea quae ad effeminandos animos pertinent» (Caesar. Commentaries on the Gallic War 1.1.3)
GOLIKOVA M. S. 136

"Autobiography of Benjamin Franklin" and "Autobiography" by Mark Twain: a Comparative Study
TITOVA O. A., KIRDYAEVA O. I. 143

CULTURAL STUDIES

Evolution of Civilizational Identity in the Border States of Eurasia and Latin America
EMELIANOV A. I. 151

Cultural Literacy as a Necessary Condition for Inter-Language Communication
KULIKOVA X. S. 156

Научная статья
УДК 81.133.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_9

Изучение фоносемантической матрицы S.K во французском языке

Ф. Альрифаи

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
fato3arr@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается форма S. K, реализующая фонологическую матрицу, базовое значение которой восходит к «удар»и «разрез». S. K считается одной из вариантных форм фоносемантической матрицы, выявленных в исследовании П. Гиро. Он изучал, в частности, форму T. K, реализующую преимущественно вышеозначенную матрицу; затем он обнаружил существование других альтернативных форм. Цель данной работы – изучить форму S. K, составляющую вариант фоносемантической матрицы, на французской лексической основе.

Ключевые слова: фоносемантическая матрица, фоноэкспрессивные формы, общее значение, семантическое поле, фонологические и семантические свойства

Для цитирования: Альрифаи Ф. Изучение фоносемантической матрицы S.K во французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 9–14. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_9

Original article

The Study of Phono-Semantic Matrix S.K in the French Language

Fatema Alrifaai

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
fato3arr@gmail.com

Abstract. The article deals with the form S. K, which implements the phonological matrix, the basic meaning of which goes back to the semes of “movement”, “blow” and “cut”. S. K is considered one of the variant forms of the phonosemantic matrix identified in the study of P. Giro, who studied, in particular, the form T. K, which implements mainly this matrix, then he discovered the existence of other alternative forms. The purpose of this work is to study the form S. K, which is a variant of the phonosemantic matrix based on French words.

Keywords: phonosemantic matrix, phono-expressive forms, common meaning, semantic field, phonological and semantic properties

For citation: Alrifaai, F. (2022). The study of phono-semantic matrix S.K in the French language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 9–14. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_9

ВВЕДЕНИЕ

Гиро обнаружил семантическую связность между такими формами, как T. K, CH. K, P. K, T. CH, KR. K, H. K и т. д. Они реализуются в словах «toquer», «chiquer», «piquer», «toucher», «croquer», «hoquer» и т. д. Базовое значение перечисленных лексем – «движение», «удар» или «разрез» [Guiraud, 1967, с. 134]

Гиро обнаружил однородность лексических единиц, составляющих единый набор слов, благодаря чему стало возможным построение матрицы, согласно которой слова, наделенные сходными фоносемантическими свойствами, отчётливо группируются и составляют единый фоносемантический ряд. Гиро считает, что данный тип формы обеспечивает артикуляционное звукоподражание (onomatoppée articulatoire), которое отражает очевидный образ «ударное движение» и «результат этого движения» [Guiraud, 1967, с. 66, 131]. Артикуляционное звукоподражание, о котором говорит Гиро, имеет форму двустороннего корня с переменными гласными элементами и связывается с устойчивой группой значений: «ударное движение» и производные от него метафорические значения, такие как «объект или инструмент, используемый для выполнения действия», или причинно-следственная связь «удар, разбить на части, раздробить, малые части» и т.д. Таким образом, в единой лексической группе, выявляются примитивные значения и вторичные по отношению к ним переносные или иносказательные значения. Для анализа примитивных значений, составляющих языковую матрицу, в статье будет также использоваться теория Джоржа Богаса [Bohas, 2000; Bohas, Serhane, 2003], разработавшего семантическое поле вышеозначенной матрицы.

Цель статьи – выявить форму S. K, рассматриваемую как вариант матрицы. В списке французских лексем изучаемой матрицы Гиро нашел форму ST. K, реализованную в таких лексемах, как estoc, estoquer. В нашей работе зафиксировано существование другой формы S. K. Она составляет один из вариантов той же фоносемантической матрицы. Эта матрица способна включить в себя значительное количество лексем, что и показано в данной работе.

Для изучения формы S. K нами было исследовано значительное количество лексем, взятых из лексикографических источников: словарей Le Petit Robert [Robert, 2009], Nouveau dictionnaire étymologique et historique [Dauzat, Dubois, Mitterand, 1964], Dictionnaire étymologique de la langue française. Huitième éd., ouvrage couronné par l'Académie française [Brachet, 1872].

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ И ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМЫ S. K

П. Гиро обнаружил в своем исследовании корень ST. K как вариант матрицы T. K. Форма ST. K составлена из таких лексем, как *estoc, estoquer, esnocade* [Guiraud, 1967, с. 71]: *Il semble qu'avec cette famille se soit recroisé un étymon ST.K, d'origine vraisemblablement germanique et qui désigne diverses sortes de bâtons et de pieux…* [там же, с. 75].

В исследовании П. Гиро среди выявленных лексем, реализующих матрицу T.K., примечательно этимологическое происхождение слова *tocsin*. Слово *tocsin* изначально составлено из двух частей (из двух существительных *toc* и *sin*). Гиро называет это морфологическое явление «la composition advocative» (адвокативной композицией) [там же, с. 27–32]. Два соседствующих слова семантически близки, отсюда и полученное значение: «piquer les cloches». Le Robert ясно показывает происхождение: *tocsin* (из *touquesain* 1379 г.; *tocar* «frapper») и *senh* «cloche» (от *лат.* signum), из этимологического семейства: *signe*, *toucher*. Гиро [там же, с. 68] представил значение *tocsin* «bruit» (шум), это значение создано из сочетания двух значений слов *toc* и *sin* (signe): «porter un coup et sonner» (*удар* и *звенеть*) и в результате получается «Bruit» (*шум*). Действительно, *toquer* выражает значение «porter un coup» (*удар*) и особенно «sonner» (*звонить*) или «piquer les cloches» (*бить в колокола*), а *tocsin* вербализует сему «heurter, frapper» (*ударить*) [там же, с. 74].

Очевидно, значение *tocsin* тесно связано со значениями слов *toquer* или *toucher*, поскольку эти слова принадлежат к одной этимологической семье. *Tocsin* состоит из *toque* и *sign*, поэтому необходимо рассмотреть происхождение слова *signe*, которое является второй частью слова *tocsin*: слово *signe* происходит от латинского *signnum*, по отношению к *secare* в смысле «couper» (резать) (*scier*), и «les marques étant faites par incision» (*следы, сделанные надрезом*), *signum* приобрели значение «cloche» (*колокол*) в эпоху поздней латыни. Итак, происхождение *signe* – от *secare* в значении «couper» (*вырезать*), как поясняется в словаре Le Robert.

Исследование этимологического происхождения слова *signe* показало, что значение лексемы *signe* относится к семантическому полю изучаемой матрицы «удар» или «разрез», имеется тесная связь слова *signe* со словом *scier* «резать, разрезать». *Scier*, этот глагол происходит от латинского *secare* в смысле «couper, découper, diviser, partager» («резать», «разделять», «делить»), восходящего к индоевропейскому корню *sek* «couper» (*резать*).

Следовательно, от корня *sek-* «резать» возникла форма S. K. Латинская семья дала слова, связанные с действием разрезания, деления или разделяемой формы и т. д.

Значительное количество французских слов, включенных в изучаемую здесь фоносемантическую матрицу, составляет форму S.K. В следующем разделе некоторые слова будут представлены и изучены в соответствии с методологией Гиро.

ИЗУЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ЛЕКСЕМ С ФОРМОЙ S. K.

Рассмотренные в этой части лексемы взяты из словаря Le Petit Robert и засвидетельствованы в словарях Dauzat Brachet. Между данными лексемами обнаруживается фонетико-семантическая связь, которая позволяет объединять слова в список, называемый матрицей. Матрицу порождает сочетание фонологических и семантических свойств слова, т. е. форма S.K связанная с примитивным смыслом «удар» или производными метафорическими смыслами, «которые воспроизводят движение или звук удара; из которого, выводятся предмет, характеристика действия удара (удар палкой, ножом, рукой, зубами) и предмет, возникающий в результате этого удара (кусок, оторвавшийся от удара) и т. д.» [Guiraud, 1967, с. 131][1].

Проанализируем некоторые лексемы, составляющие матрицу S. K; начнем со следующих слов, которые составляют фоносемантическую серию:

– **saccade** [**s**a**k**ad]. *Étym.* 1534, de *saquer* ; forme dialectale de l'ancien français *sachier* « secouer ».
  1. Brusque secousse donnée aux rênes d'un cheval.
  2. (1617) Mouvement brusque et irrégulier (à-coup, heurt, secousse). *La voiture avançait par saccades,* par bonds successifs.

– **saccader** [**s**a**k**ade]. *Étym.* 1532, de *saccade*
  1. Donner des saccades à (un cheval).
  2. Rendre saccadé. *« Le tremblement nerveux de la tête saccadait ses paroles ».*

– **saccage** [**s**a**k**aʒ]. Étym. 1596, de *saccager.* Pillage commis en saccageant. *Saccage d'un lieu public par des vandales. « Quel saccage au jardin de la beauté ! ».*

– **secouement** [s(ə)kumɑ̃]. *Étym.* 1538, de *secouer.* Fait de secouer.

– **secouer** [**s**(ə)**k**we]. *Étym.* 1532, réfection de *secourre* (xve), d'après les formes *secouons, secouez;* de l'ancien français *sequeurre,* latin *succutere.* Famille étymologique : *casser.*
  1. Remuer avec force, dans un sens puis dans l'autre (et généralement à plusieurs reprises).
  2. Mouvoir brusquement et à plusieurs reprises (une partie de son corps).

– **secousse** [**s**(ə)**k**us]. *Étym.* 1460, de l'ancien français *secourre* « secouer ». Famille étymologique : *casser.*
  1. Mouvement brusque qui ébranle un corps (choc, commotion, ébranlement).
  2. Fig. Choc psychologique. *Ça a été pour lui une terrible secousse* (bouleversement).

Все приведенные лексемы содержат форму S. K., которая включает в себя общее значение «движение удара», а также детализацию способов движения: «внезапное движение», «движение, повторяющееся несколько раз и по разным поводам» (особенно в словах *saccade*, *saccader* и *secouement*). Слово *secouer* имеет значения, также производные от той же общей идеи с указанием действия: «перемешивать и двигаться с силой и многократно».

Этимологическое происхождение слова *secouer* показательно: оно принадлежит к этимологической семье слова *casser*. Глагол *casser* (сломать) происходит от латинского *quassare* «secouer», оно имеет значение «frapper violemment» («сильно ударять»). Производные от этого латинского семейства организованы вокруг значения: «сильно ударить», следовательно, «сломать». Эти смыслы и эти слова реализуют семантическое поле матрицы следующим образом: «движение удара → сильно ударить → сломать → раздавить → разбить и т. д.».

К данной группе примыкают слово *saccage*, которое косвенно реализует смысл матрицы и выражает последствие действия движения удара, и слово *secousse,* которое имеет конкретное значение: «действие движения удара, сотрясающее тело». В данном случае подразумевается и собственно шок, и психологический шок (удар в переносном значении).

Теперь рассмотрим следующие слова, которые также реализуют семантическое поле матрицы S. K, но в переносном смысле:

– **sacré**, **-ée** [**s**a**k**ʀe] *adjectif. Étym.* xiie, participe passé de *sacrer,* pour traduire l'adj. latin sacer. Qui appartient à un domaine séparé, interdit et inviolable et fait l'objet d'un sentiment de révérence religieuse.

[1] См. также работы Дж. Богаса, разработавшего семантическое поле этой матрицы: [Bohas, 2000; Bohas, Serhane, 2003].

– **sacrifier** [**s**a**k**ʀifje] *verbe. Étym.* xiie ; latin *sacrificare,* de *sacrum facere* « faire un acte sacré ». Offrir en sacrifice (immoler).
(xvie) Perdre, abandonner ou négliger (qqch., qqn) par un sacrifice (2°), au bénéfice ou en considération de ce qu'on fait passer avant.

Эти лексемы имеют значение «разделение». Оно описывается как следствие действия («удар»). Таково одно из метафорических значений семантического поля матрицы. Схематично его можно представить в виде следующей модели: «удар → вырезать → отделить (кем-то пожертвовать, отделить), «разделять».

Перейдем к другой группе лексем, содержащих форму S. K, проверив их значения в словаре:

– **sec** [**s**ɛ**k**] *adjectif. Étym.* fin xe, au sens I, A, 3° ; du latin *siccus* « sec » et « froid, indifférent ». Qui n'est pas ou est peu imprégné de liquide.

– **sécable** [**s**e**k**abl]. *Étym.* 1691 ; du latin *secabilis,* de *secare* « couper ». Famille étymologique *scier*. Qui peut être coupé, ou divisé.

– **sécant** [**s**e**k**ɑ̃]. *Étym.* 1542, latin *secans,* de *secare* « couper ». Famille étymologique *scier*. Qui coupe (une ligne, un plan).

– 1. **secret**, -**ète** [**s**ə**k**ʀɛ, ɛt] *adjectif. Étym.* v. 1175 ; latin *secretus* « séparé, secret », de *secernere* « écarter ». Famille étymologique *certes*. Qui n'est connu que d'un nombre limité de personnes ; qui est ou doit être caché des autres, du public.

– 2. **secret** [**s**ə**k**ʀɛ] *nom. Étym.* début xiie ; du latin *secretum* « lieu écarté, retraite » et « pensées secrètes, secret ». Ensemble de connaissances, d'informations qui doivent être réservées à quelques-uns et que le détenteur ne doit pas révéler.

– **secréter** [**s**ə**k**ʀete] *verbe. Étym.* 1776 ; de *secret*, nom de la préparation utilisée dans cette opération. Techn. Frotter avec le secret (solution de nitrate de mercure) pour faciliter le feutrage. Secréter des peaux, des poils.

– **sécrétion** [**s**e**k**ʀesjɔ̃]. *Étym.* 1711 ; « séparation » 1495, latin *secretio* « séparation, dissolution ». Famille étymologique *certes*.

– **secteur** [**s**ɛ**k**tœʀ]. *Étym.* 1542 ; *secteur d'une sphère* ; latin *sector* « coupeur », puis terme de géom., de *secare* « couper ». Famille étymologique *scier*.

– **section** [**s**ɛ**k**sjɔ̃]. *Étym.* 1564; « action de couper » 1380; « scission » 1366, latin *sectio*. Famille étymologique *scier*.

– **sectionner** [**s**ɛ**k**sjɔne]. *Étym.* 1871; sectionniser 1793 ; de *section*
1. Diviser (un ensemble) en plusieurs sections.
2. Couper net. Sectionner un tendon. Sectionner des barbelés avec une pince.

– **sicaire** [**si**k**ɛ**ʀ]. *Étym.* v. 1300 ; latin *sicarius*, de *sica* « poignard ». Vx ou littér. Tueur à gages.

Значения лексем *sec, sécable, section*, *sectionner* принадлежит семантическому полю изучаемой матрицы. Они связываются с указанием действия и результата удара. Глаголы со значением «couper, diviser, séparer» (разрезать, разделить, отделить) по значению родственны глаголам *sec* и*secable. «Qui peut être coupé»* (что-то можно разрезать или разделить)*; section* «diviser en plusieurs sections, couper net» *(*разделить на несколько частей, вырезать). Слова *secret* (1) и *secret* (2) дают общее представление о «séparation» (разделение), но метафорически: «le secret est une séparation (être séparé) dans un lieu écarté» (секрет есть разделение (разлука) в отдаленном месте). Остается добавить, что эти слова принадлежат к этимологической семье слова *certes*, происходящего от популярного латинского *certas*, от старой глагольной формы *cernere* в значении «séparer» (отделять, разделить). Таким образом, идея «отделения» подтверждается архаичным происхождением французских лексем *secret* и *séparation*. Слово *secréter* придает специфическое значение движению удара:

> Frotter avec le secret (solution de nitrate de mercure) pour faciliter le feutrage. Secréter des peaux, des poils. – «Натирать секретом (раствором нитрата ртути) для облегчения валяния. Выделение кожи, волос».

Наконец, слова *sécant* и *secteur* и последнее слово *sicaire* обозначают значение «человека, совершающего действие удара»: *sécant* «qui coupe» (кто режет); *secteur* «coupeur» (резак); *sicaire* «tueur» (убийца).

Наконец, проанализируем лексемы, которые также содержат форму S.K и имеют значение матрицы «действия удара», но это значение заметно варьируется, присутствует в языке по-другому:

– **sac** [**s**a**k**]. Étym, fin xiie, du latin *saccus* « sac » et « vêtement de crin grossier », du grec *sakkos* « étoffe de poil de chèvre », « cilice » puis « sac ».

- **sacolève** [**sak**ɔlɛv]. *Étym.* 1829; n. f. 1823 ; grec moderne *sagolaiphea,* du grec ancien *sakos* « étoffe grossière » et *laiphos,* ou *laiphê* « voile de vaisseau ».

- **soc** [**sɔk**]. *Étym.* v. 1170, gaulois *succos;* cf. irlandais *socc* « ruisseau ». Pièce de charrue composée d'une lame métallique triangulaire qui tranche horizontalement la terre.

- **sacrum** [**sak**ʀɔm]. *Étym.* 1793 ; *os sacrum* avant 1478 « os sacré », parce qu'il était offert aux dieux dans les sacrifices d'animaux. Os formé par la réunion des cinq vertèbres sacrées, à la partie inférieure de la colonne vertébrale, articulé avec le coccyx.

Все эти слова принадлежат одной и той же матрице S. K, семантическая реализация которой здесь относится к типу причинно-следственной связи: «удар → разрезать на части (две или более) части → мелкие части (отсюда и смысл «малость)». Таким образом, все они имеют сходное, почти одинаковое значение с несколькими различительными нюансами. Мы имеем дело с частичными синонимами, посредством которых результат относительно единого действия по-разному воспроизводится метафорическими отношениями причины к следствию. Они убедительно описаны П. Гиро [Guiraud, 1967, с. 80]. Классик европейской лингвистики связывал значение части со значением целого, уподобляя взаимоотношения части и целого взаимоотношениям головы и тела в психофизической структуре человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье был проанализирован набор лексем французского языка, имеющих форму S. K в соответствии с теорией фоносемантических матриц Гиро. Отдельно была рассмотрена работа Ж. Бохаса в семантическом поле, семантическом контексте изучаемой матрицы. Проанализированный материал представляет собой перечень лексем, имеющих общее значение «удар и разрез» или «результат, который можно получить из действия удара». Некоторые из проанализированных лексем включают в себя общее значение матрицы «движение удара» и одновременно – частные значения, присущие как способам удара, так и последовательности действия «удар → разрез». Значения действия выражают, например, лексемы *saccade, saccader, saccage, secouement, secouer, secousse*. Проанализированная матрица включает в себя также лексемы, наделенные метафорическим значением, вытекающим из общей идеи «причина имеет следствие». К кругу упомянутых лексем относятся *sécable, sécant, secret, section* и т. д.

В целом проведенный анализ прямых и косвенных синонимов во французском языке дает основания воспринимать ряд французских лексем согласно общей матрице, которая предусматривает взаимодействие двух уровней языка: фонетического и семантического. Одна из вариантных форм вышеупомянутой матрицы – это форма S. K. Она образует значительное количество французских лексем, имеющих однородную семантику «удар и разрез».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Guiraud P. Structures étymologiques du lexique français. Paris : Larousse, 1967.
2. Bohas G. Matrices et étymons, développements de la théorie. Lausanne : Editions du Zèbre, 2000.
3. Bohas G. et Serhane R. Conséquences lexicales de la décomposition du phonème en traits, dans Angoujard, J.-P. et Wauquier-Gravelines, S. Phonologie champs et perspectives. Lyon : ENS éditions, 2003. P. 131–155.
4. Robert P. Le nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, version électronique [CD-ROM], texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Bureau Van Dijk, 2009.
5. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris VI : Librairie Larousse, 1964.
6. Brachet A. Dictionnaire étymologique de la langue française. Huitième éd., ouvrage couronné par l'Académie française. Paris : Bibliothèque d'éducation, 1872. URL: Source Gallica. Bnf. fr/ Bibliotheque nationale de France.

REFERENCES

1. Guiraud, P. (1967). Structures étymologiques du lexique français. Paris: Larousse.

2. Bohas, G. (2000). Matrices et étymons, développements de la théorie. Lausanne: Editions du Zèbre.
3. Bohas, G., Serhane, R. (2003). Conséquences lexicales de la décomposition du phonème en traits. Dans Angoujard, J.-P., Wauquier-Gravelines, S. Phonologie champs et perspectives (pp. 131–155). Lyon: ENS éditions.
4. Robert, P. (2009). Le nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, version électronique [CD-ROM], texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Bureau Van Dijk.
5. Dauzat, A., Dubois, J., Mitterand, H. (1964). Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris VI: Librairie Larousse.
6. Brachet, A. (1872). Dictionnaire étymologique de la langue française. Huitième éd., ouvrage couronné par l'Académie française. Paris: Bibliothèque d'éducation. Source Gallica. Bnf. fr/ Bibliotheque nationale de France.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Альрифаи Фатима
соискатель кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alrifaai Fatema
External PhD Student of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 81'362:375
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_15

Некоторые особенности терминосистемы библиотечно-информационного дискурса (на материале специализированной французской литературы)

Е. А. Афонина-Терзийска
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elena_terziyska@bk.ru

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям терминосистемы библиотечно-информационного дискурса. Материалы для проведения исследования взяты из специализированной французской литературы, а именно из пособия по библиотечно-информационной сфере деятельности Франции, с интернет-сайта Национальной библиотеки Франции «Bibliothèque nationale de France» (http://www.bnf.fr), а также других франкоязычных интернет-ресурсов ассоциаций, библиотек и каталогов.

Ключевые слова: дискурс, библиотечно-информационная деятельность, библиотечный дискурс, терминосистема, термин

Для цитирования: Афонина-Терзийска Е. А. Некоторые особенности терминосистемы библиотечно-информационного дискурса (на материале специализированной французской литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 15–21. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_15

Original article

Features of the Library and Information Discourse Term System (based on specialized French literature)

Elena A. Afonina-Terziyska
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elena_terziyska@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of some features of the library and information discourse term system. The materials for the study were taken from specialized French literature: manuals on the library and information sphere of activity in France, materials from the National Library of France "Bibliothèque nationale de France" (http://www.bnf.fr) and other French-language Internet resources associations, libraries and directories.

Keywords: discourse, library and information activity, library discourse, term system, term

For citation: Afonina-Terziyska, E. A. (2022). Features of the library and information discourse term system (based on specialized French literature). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 15–21. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_15

ВВЕДЕНИЕ

Терминология всегда играла важную роль в формировании всех видов профессиональной коммуникации и профессиональной деятельности.

Целью данного исследования является анализ и формирование терминосистемы в современном библиотечно-информационном дискурсе французского языка.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью данного феномена в библиотечно-информационной среде.

В настоящей статье аббревиация рассмотрена на материале специализированной французской литературы, библиотечно-информационной деятельности ассоциации библиотечных работников Франции «Association des bibliothécaires de France» и интернет-сайта Национальной библиотеки Франции «Bibliothèque nationale de France».

Теоретической основой исследования являются труды О. С. Ахмановой, В. В. Богданова, А. А. Реформатского, А. В. Суперанской, Л. В.Щербы, В. Н. Ярцевой и др.

Эмпирическую основу исследования составляют следующие источники: материалы официальных сайтов библиотек Франции; библиографические указатели библиотек; библиографические списки библиотек Франции; специализированная французская литература по библиотечно-информационной деятельности.

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Коммуникативный подход к языку определяет дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения. Институциональный дискурс определяется, в свою очередь, типами исторически сложившихся социальных институтов.

Институциональный дискурс характеризуется лингвистическими релевантными признаками, главными из которых являются цель, направленность общения, коммуникативная функция участников дискурса, и фиксированными типовыми обстоятельствами общения [Карасик, 2004].

С позиций социолингвистики наиболее приемлемым следует признать такой подход к дискурсу, который учитывает и текст, и коммуникативные обстоятельства общения. Их можно разделить на два типа: определяющие персональное (личностно-ориентированное) либо институциональное (статусно-ориентированное) общение [там же].

Социолингвистика характеризует дискурс как общение людей мыслимое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или с позиций их участия в той или иной речеповеденческой ситуации. Коллективному началу соответствует институциональная коммуникация.

Институциональный дискурс противопоставляется персональному по признаку участников коммуникации. Институциональность имеет градуальный характер. Например, можно создать условную шкалу, на которой могут быть расположены типы институционального дискурса.

В библиотечно-информационном дискурсе мы наблюдаем ***статусно-ориентированное общение***, коммуниканты имеют определенные общественные роли в лице библиотекаря, который предоставляет библиографическую услугу, и пользователя, который делает запрос. В данном случае мы наблюдает общение посредством системы «клиент – агент».

В библиотечно-информационном дискурсе мы можем наблюдать сценарии речевых жанров, проиллюстрируем их на примере простых актов речи с приветствием и просьбой.

Наблюдая клишированность общения в системе библиотекарь-пользователь, мы можем отнести библиотечно-информационный дискурс к ***инстуциональному***. Не зная друг друга, коммуниканты ставятся в определенные условия общения и вынуждены общаться в соответствии с нормами системы «агент – клиент». Библиотека как социальный институт дает возможность каждому индивидууму через библиотечные фонды удовлетворить свои информационные потребности.

Мы проанализировали особенности современной институциональной коммуникации библиотечно-информационной деятельности в виртуальной среде.

Мы выявили то, что виртуальная система поиска книг отличается от своего традиционного эквивалента рядом признаков:

1. канал связи (сеть Интернет) – пространство сайта библиотек, чат с библиотекарем или официальное письмо запрос через форму на сайте;
2. коммуникативная цель – поиск необходимой информации, логичный точный письменный запрос через ранее указанные каналы связи;
3. типы коммуникантов – система «адресат – адресант», но с анонимным общением со стороны библиотеки;
4. хронотоп – асинхронизация из-за разных часовых поясов, часов работы специально обученных сотрудников библиотеки для работы по сети Интернет.

Библиотечно-информационный дискурс – институциональный дискурс, устные и письменные

дискурсивные практики которого ведутся в рамках библиотечно-информационной профессиональной коммуникации в системе «агент – клиент».

Библиотечно-информационный дискурс изобилует аббревиатурами, разного типа заимствованиями и имеет свою терминосистему.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Терминология всегда играла важную роль в формировании всех видов профессиональной коммуникации и профессиональной деятельности. Во Франции вопросом терминологии занимались такие ученые, как К. Дюбуа, А. Рей, Л. Гильбер и др.

Л. Гильбер отмечал то, что социальная функция термина играет неотъемлимую роль в формировании терминологии. Именно она показывает нам то, что термин невозможно рассматривать без учета личности специалиста и вне контекста его профессиональной деятельности. Гильбер утверждал, что в коммуникации специалистов любой термин связан со всей совокупностью профессиональных терминов, употребительных в той или иной сфере человеческой жизнедеятельности [Guilbert, 1973].

А. Рей считал объектом терминоведения знак – единицу лингвистики и семантики. Однако он подчеркивал, что в отличие от лингвистики и семантики терминоведение расположено противопоставлять имя слову, а слово – «это знак, принадлежащий лексике общего языка» и «анализируется как любой знак: и как обозначающее и обозначаемое неразрывно от его узуса в функционировании языка, к которому он принадлежит…» [Rey, 1992, с. 21].

А. Рей утверждал, что «имя – это объект по сути дела терминоведения, имя, определяемое внутри связной и структурированной системы, есть термин» [Rey, 1992, с. 22].

А. А. Реформаторский говорил, что терминами являются специальные слова, ограниченные особым назначением, слова, которые стремятся быть однозначными [Реформаторский, 1996].

Ж. Дюбуа взаимно противопоставлял слово и термин, так как «термин предполагает моносемичное употребление (обладая единственным значением), он образуется от лексической единицы общего языка в той или иной науке, стремясь установить соответствие между понятиями и терминами … слово, которое является в данном противопоставлении лексической единицей общего языка, как правило, полисемично (может иметь различные значения)» [Dubois, 2002, с. 327].

Основоположниками русской терминологической школы можно назвать Д. С. Лотте, А. А. Реформаторского, Г. О. Винокура.

Термин должен иметь наличие дефиниции, системность, стилистическую нейтральность, моносемичность и отсутствие экспрессии.

В своем исследовании мы исходим из того, что ***термин*** – слово или словосочетание, которое служит для точного обозначения специального понятия в системе специальных понятий.

Исследование терминологии профессиональных деятельностей способствует обмену знаниями в мире и является важным этапом ускорения научно-технического прогресса.

Терминоведение сегодня – это научная дисциплина, в сферу которой входят терминосистемы и термины, употребительные в коммуникативном контексте. Терминоведческие исследования влияют на формирование профессиональной коммуникации в рамках инстуционального дискурса.

Это не случайно. Именно в рамках институционального дискурса термин может раскрыть свое значение полностью и неисчерпаемо.

В нашем исследовании мы даем следующие базовые определения традиционному библиотечно-информационному дискурсу: *библиотечно-информационный дискурс* – институциональный дискурс, устные и письменные дискурсивные практики которого ведутся в рамках библиотечно-информационной профессиональной коммуникации. В свою очередь, библиотечно-информационный дискурс имеет свою терминосистему [Терзийска, 2021].

ТЕРМИНОСИСТЕМА БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

В сфере библиотечно-информационной деятельности человека терминологическое поле объединяет термины на непосредственно родовых связях. В данной деятельности родовым является термин «bibliothèque», вокруг которого объединены следующие термины: *la Bibliothèque nationale de France, bibliothèques municipales, bibliothèques départementales*.

В самой терминосистеме библиотечно-информационной деятельности можно выделить подсистемы. В качестве примеров можно рассмотреть типы библиотек. Библиотеки разнятся:

1) по уровню образования:
   - для школ (bibliothèques scolaires): bibliothèques centres documentaires, centres de documentation et d'information;
   - для высшего образования (bibliothèques de l'enseignement supérieur):

services communs de la documentation et les bibliothèques universitaires
bibliothèques de grands établissements
bibliothèques universitaire

2) по территориальной принадлежности:

- les bibliothèques municipals
- les bibliothèques départementales
- les bibliothèques de ville
- les bibliothèques hospitalières
- Bibliothèques de prison
- Bibliothèque municipale à vocation régionale
- Bibliothèques françaises à l'étranger

Особо значим термин «document». В сфере библиотечной деятельности он, в свою очередь, подразделяется на следующие разновидности (typologie des documents):

livres
documentation
presse
magazines
revues
musique
cinéma
documents graphiques
jeux

Вся информация в электронном виде в библиотеках, может быть разделена на четыре большие группы, причем каждой из них присущи свои технические характеристики:

- Les documents numériques
- Les textes numérisés
- Les images numériques
- Les documents sonores et audiovisuels

Les documents sonores et audiovisuels
Ils seront, de même, transférés et conservés en formats numériques sans perte d'informations – les formats recommandés sont respectivement WAV (Waweform Audio Format) ou BWF (Broadcast Wave Format), et MJPEG (Motion-JPEG) pour les films –, et diffusés dans un format de compression qui, sans compromettre l'écoute ou le visionnement global, soit connu des ordinateurs personnels: MP3 (MPEG Audio Layer 3) pour le son, MPEG (Moving Picture Experts Group) ou AVI (Audio Video Interleave) pour les films.

У родового понятия *archive*, мы выделяем следующие разветвления:

- archives ouvertes
- archives du périodique en question
- archives de périodiques électroniques
- archives nationales
- archives sonores
- archives françaises du film (AFF)
- archives départementales
- archives d'Outre-mer
- archives de presse
- archives numériques
- archives de France
- interassociation archives bibliothèques documentation (IABD)
- archives publiques
- archives de la revue
- archives des manifestations culturelles
- service des Archives de France.

У термина *fichier* (*картотека*) есть два основных подвида: *fichier d'autorite*, *fichier bibliographique*. При возникновении вопросов на запрос пользователя, библиотекарь может задать уточняющий вопрос. Для *fichier d'autorité*:

- Jean Martin (spécialiste de l'Asie moderne) ou Jean Martin (spécialiste de la littérature grecque antique)?

Для *fichier bibliographique*:

- Le fabuleux destin d'Amélie Poulain version longue ou courte?
- En DVD ou en Blu-ray?
- Avec ou sans bonus?

La notice bibliographique (библиографическое описание) состоит из семи областей (*zones*):

1) *titre et mention de responsabilité*, что в русском языке объединяет четыре области: заголовок, основное заглавие, сведения, относящиеся к заглавию, первые сведения об ответственности, последующие сведения об ответственности;
2) *édition*, что в русском языке соответствует области «сведения об издании»;
3) *adresse*, что в русском языке соответствует области «место издания»;
4) *collation*, что в русском языке соответствует области «количественная характеристика документа»;
5) *collection*, что в русском языке соответствует области «книжная серия»;
6) *notes*, что в русском языке соответствует области физической характеристики;
7) *numéro d'identification et prix*, что в русском языке соответствует области ISBN (международного стандартного номера).

Так, например, следующее библиографическое описание (см. илл. 1) мы можем разделить на области [Le Métier de Bibliothécaire, © Electre

Le catalogage : métodes et pratiques: 1, Monographies et publications en série [Texte imprimé] / par Isabelle Dussert-Carbone et Marie-Renée Cazabon. – Nouv. éd. – Paris: Éd. du Cercle de la Librairie, 1994. – 1 vol. (493 p.) : ill. ; 24 cm. – (Collection Bibliothèques, ISSN 0184-0886).
Bibliogr. p. 493. Index. – ISBN 2-7654-0458-5

Илл. 1

1. Titre et mention de responsbilité	Le catalogage : métodes et pratiques: 1, Monographies et publications en série [Texte imprimé] / par Isabelle Dussert-Carbone et Marie-Renée Cazabon
2. édition	Nouv. éd.
3. Adresse	Paris: Éd. du Cercle de la Librairie, 1994
4. Collation	1 vol. (493 p.) : ill. ; 24 cm.
5. Collection	Collection Bibliothèques, ISSN 0184-0886
6. Notes	Bibliogr. p. 493. Index
7. Numéro d'identification et prix	ISBN 2-7654-0458-5

Илл. 2

– Éditions du Cercle de la Librairie, 2013] (см. илл. 2). На основании изученных источников был составлен словник основных французских терминов, формирующих корпус библиотечно-информационного дискурса в виртуальной среде (см. табл.).

Таблица

Термин	Перевод	Примечание
Archives de périodiques électroniques	Электронный архив периодических изданий	
Archives numériques	Электронный архив	
Bases de données	База данных	
Bibliographie électronique	Электронная библиография	
Bibliothécaires À Distance	Удаленный библиотекарь	
Bibliothèque électronique	Электронная библиотека	
Catalogue Electronique	Электронный каталог	
Classification / Classement	Классификация	
Document Electronique	Электронный документ	
Données bibliographiques	Библиографические данные	
Format	Формат	Caractéristiques d'une unité numérique (notice catalographique, document) qui déterminent son usage et son interopérabilité
Hybride	Гибридная библиотека	Terme appliqué depuis quelques années aux bibliothèques offrant sur place et à distance des collections et services matériels et dématérialisés
Indexation	Индексирование	Concept largement utilisé en Europe du Nord, où une bibliothèque se doit d'être « inspirante », et pas seulement par ses collections.
Livre Electronique	Электронная книга	

Термин	Перевод	Примечание
Médiathèque	Медиатека	
Médiation	Посредник	En revisiter le modèle et les outils pour la transmission de l'information, du patrimoine et de la création à l'ère numérique
Métadonnées	Метаданные	OAI- PMH, SRU/SRW
Notice d'emprunteur sur Internet	Памятка читателя в интернете	
Numéro d'exemplaire	Номер экземпляра	En général un numéro de code à barres
Service des Archives de France	Межбиблиотечный архив Франции	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный профессиональный библиотечно-информационный дискурс постоянно эволюционирует под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, особенно в эпоху глобальной цифровизации всех сфер деятельности человека.

Библиотечно-информационный дискурс – институциональный дискурс, устные и письменные дискурсивные практики которого ведутся в рамках библиотечно-информационной профессиональной коммуникации в системе «агент – клиент».

Библиотечно-информационный дискурс изобилует аббревиатурами разного типа, заимствованиями и имеет свою терминосистему.

В сфере библиотечно-информационной деятельности терминологическое поле объединяет термины на непосредственно родовых связях. В данной деятельности родовым является термины: «bibliothèque» (*la Bibliothèque nationale de France*, *bibliothèques municipales*, *bibliothèques départementales*), «document» (*typologie des documents*: *livres, documentation, presse, magazines, revues, musique, cinéma, documents graphiques, jeux*), «archive» (*archives ouvertes; archives du périodique en question; archives de périodiques électroniques; archives nationales; archives sonores; archives françaises du film* (*AFF*)*; archives départementales; archives d'Outre-mer; archives de presse; archives numériques; archives de France; interassociation archives bibliothèques documentation* (*IABD*)*; archives publiques; archives de la revue; archives des manifestations culturelles; service des Archives de France*), «fichier» (*fichier d'autorité, fichier bibliographique*).

Изучив материалы официальных сайтов библиотек Франции, библиографические указатели библиотек, библиографические списки библиотек Франции, специализированную французскую литературу по библиотечно-информационной деятельности и интернет-сайты библиотек Франции, мы можем выделить основные модели сочетаемости, свойственные терминам библиотечно-информационной деятельности французского языка. Таким образом, мы видим, что формулы «существительное + предлог + существительное и существительное + прилагательное» являются наиболее часто используемыми в данной сфере французского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». М.: ГНОЗИС, 2004.
2. Guilbert L. La spécificité du terme scientifique et technique // Langue française. 1973. No 17.
3. Rey A. La terminologie, noms et notions. Paris: PUF. Que sais-je? 1992.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
5. Dubois J. Dictionnaire de linguistique générale. Paris: Larousse, 2002.
6. Терзийска Е. А. Дискурсивные особенности аббревиации в сфере библиотечно-информационной деятельности в эпоху цифровизации (на материале специализированной французской литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 115–127.
7. Le Métier de Bibliothécaire, Electre – Éditions du Cercle de la Librairie, 2013.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: GNOZIS. (In Russ.)
2. Guilbert, L. (1973). La spécificité du terme scientifique et technique // Langue française. No 17.
3. Rey, A. (1992). La terminologie, noms et notions. Paris: PUF. Que sais-je?
4. Reformatsky, A. A. (1996). Vvedenie v yazykovedenie = Introduction to linguistics. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
5. Dubois, J. (2002) Dictionnaire de linguistique générale. Paris: Larousse.
6. Terziyska, E. A. (2021). Discursive features of abbreviations in the field of library and information science in the digital era (in language for special purpose). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12 (854), 115–127. (In Russ.)
7. Le Métier de Bibliothécaire. (2013). Paris: Electre. Éditions du Cercle de la Librairie.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афонина-Терзийска Елена Александрова
помощник декана факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Afonina-Terziyska Elena Alexandrova
Assistant Dean of the French Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 811.131.1+81'42+81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_22

Заключительные этикетные формулы итальянского делового письма: структурный и коммуникативно-прагматический аспекты

Е. С. Борисова[1], **Р. А. Говорухо**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
borisova.es@linguanet.ru

[2]*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*
govorroman@mail.ru

Аннотация. В силу особенностей национального речевого поведения заключительные этикетные формулы в итальянской деловой корреспонденции многословны и витиеваты. В русской языковой культуре они, напротив, не предполагают развернутых форм и практически сводятся к одной номинативной конструкции *С уважением*. В связи с этим представляется необходимым провести анализ структуры, функций и модальности ЗЭФ итальянского делового письма в сравнении с их переводом на русский язык.

Ключевые слова: ЗЭФ, итальянское деловое письмо, прагматика, синтаксис

Для цитирования: Борисова Е. С., Говорухо Р. А. Заключительная этикетная формула итальянского делового письма: структура и прагматика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 22–31. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_9_864_22

Original article

Final Etiquette Formulas of Italian Business Letters: Structural and Communicative-Pragmatic Aspects

Elena S. Borisova[1], **Roman A. Govorukho**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
borisova.es@linguanet.ru
[2]*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*
govorroman@mail.ru

Abstract. Due to the peculiarities of national speech behavior, final etiquette formulas in Italian business correspondence are verbose and ornate. In the Russian language culture, on the contrary, they do not assume expanded forms and are practically reduced to one nominative construction *С уважением* (*With respect*). In this regard, it seems necessary to analyze the structure, functions and modality of the final etiquette formulas in Italian business letters in comparison with their translation into Russian.

Keywords: final etiquette formulas, Italian business letters, pragmatics, syntax

For citation: Borisova, E. S., Govorukho, R. A. (2022). Final etiquette formulas of Italian business letters: structural and communicative-pragmatic aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 22–31. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_22

ВВЕДЕНИЕ

Значимым элементом строя любого языка и культуры языкового общения являются формы вежливости. Изучение итальянских заключительных этикетных формул (далее – ЗЭФ) делового письма представляет интерес с точки зрения как описания итальянского языка, так и общего языкознания, поскольку «за последние годы произошел резкий сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского» [Кронгауз, 2011, с. 244].

Этикетная формула – это одна из форм вежливости. Она передает социальные отношения между адресантом и адресатом высказывания. Понятие «формула» в лингвистическом смысле предполагает как наличие устойчивых языковых элементов, так и лексических или грамматических переменных. Всякий деловой документ обладает специфическим набором таких формул.

В рамках лингвопрагматического анализа в данной статье будет представлен разбор итальянских ЗЭФ, обладающих парадигматической (изменяется один из элементов, который не влияет на строение конструкции и значение формулы) и синтагматической (переменная величина – добавочные синтаксические обороты-распространители, влияющие на строение формулы) вариативностями. Эти особенности конструкций актуализируют формулы для конкретной деловой ситуации.

Актуальность изучения ЗЭФ итальянского делового письма обусловлена несоответствием этикетных норм в итальянском и русском языках, важной ролью деловой корреспонденции в современном обществе, отсутствием исследований на данную тему в отечественной итальянистике.

Прагматическая цель ЗЭФ – установление и поддержание контакта с адресатом сообщения, поэтому их основная функция – фатическая.

Теоретической и методологической основой работы служат диссертационные исследования О. А. Усковой и В. А. Желамской по языку бизнеса и статьи, включенные в сборник материалов Международной научной конференции РГГУ 2018 г. [Ускова, 2008; Желамская, 2017; Вежливость и «антивежливость» в языке и коммуникации, 2018]. При анализе грамматических особенностей конструкций мы опирались на Большую консультативную грамматику итальянского языка Л. Ренци и пр. [Renzi, Salvi, Cardinaletti, 2008].

Цель данного исследования – определение прагматической роли ЗЭФ в современной итальянской деловой корреспонденции.

Для осуществления поставленной цели предполагается выполнение следующих задач:

1) определение синтаксической структуры ЗЭФ;
2) выявление формульных элементов в рамках парадигматической и синтагматической вариативности на грамматическом и лексическом уровнях;
3) выделение лингвопрагматических характеристик, влияющих на вид и стилистические и структурные свойства ЗЭФ;
4) сравнительный анализ ЗЭФ в итальянском и в русском языках.

Материалом для данного исследования послужили сто ЗЭФ из руководства по составлению деловой переписки Л. Альбани «Деловые письма для традиционной и электронной корреспонденции» [Albani, 2011].

СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗЭФ

ЗЭФ чаще всего образует отдельный абзац в конце письма.

В 99 проанализированных писем из 100 ЗЭФ являются номинативные синтагмы и / или чаще всего распространенные предложения, в которых содержится устойчивый формульный элемент прощания с корнем *salut-*. Единственное письмо, в котором он отсутствовал, имеет категоричную модальность. Его ЗЭФ – *Tanto Vi dobbiamo* с эллипсисом смыслового глагола *informare* – является не чем иным как констатацией факта последующего обращения в компетентные органы за незаконное присвоение товара. Это выражение чрезвычайно формально и практически не используется в электронной корреспонденции, ср.:

Vi chiameremo quindi a rispondere di quanto sopra nelle sedi competenti.	В связи с изложенным выше считаем своим долгом уведомить Вас о том, что мы вынуждены обратиться в компетентные органы.
Tanto vi dobbiamo.	С уважением,[1]

Эта ЗЭФ представляет собой иллокутивный акт ультимативного предупреждения. Отсутствие ее в современном русском языке вынуждает завершить письмо подобного содержания стандартной формулой *С уважением*.

Наша классификация ЗЭФ будет построена по лексико-грамматическому принципу с выделением двух подгрупп: простые и распространенные ЗЭФ.

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Е. Б.*

1. Простые ЗЭФ

Прежде всего, следует отметить различие пунктуационного оформления простых ЗЭФ в итальянской и русской переписке: наиболее распространенное итальянское прощание оформляется как независимое предложение, в то время как в русском языке эквивалентная формула отделяется запятой от имени отправителя, ср.:

pl: Agg + S	пред. С + S тв. п.
Distinti saluti.	С уважением,

Итальянские ЗЭФ весьма разнообразны с точки зрения как содержания, так и грамматического оформления и в большинстве своем представляют собой полноценные предложения с выраженной предикативной структурой.

Только 18 проанализированных писем завершала формула *Distinti saluti*. Она встретилась в письмах следующего содержания: повторное предложение о встрече, о санкциях и штрафах, о наступлении правовых последствий, о подаче заявления в суд за клевету, о подаче искового заявления, выставление тратты, о бракованном и несоответствующем товаре, о задержке возврата доработанного товара и пр. Как видно из перечисленных тем писем, все они связаны с конфликтной ситуацией или находятся на грани конфликта, в связи с этим понятен выбор «сухой», но вежливой ЗЭФ, фатическая функция которой заключается в необходимости продолжения коммуникации.

Однако следует обратить внимание на то, что в подобных случаях ЗЭФ предшествует объяснение ситуации, цель которого – смягчить категоричность письма, например, за счет эмоционального элемента *ci duole = нам жаль, нам тяжело* при информировании об отказе поставки товара:

Anche se ***ci duole*** negare forniture, siamo costretti a causa della inosservanza degli impegni assunti.	Несмотря на то, что ***нам жаль отказывать*** Вам в поставке, мы вынуждены это сделать по причине неисполнения обязательств с Вашей стороны.

При переводе переписки с итальянского языка на русский становится очевидным факт количественной ограниченности русских ЗЭФ, это наблюдение подтверждается в работах В. А. Желамской [Желамская, 2017, с. 83] и В. А. Дмитренко, Н. В. Ушаковой, Е. Е. Гребенщиковой [Дмитренко, Ушакова, Гребенщикова, 2018, с. 13]. Попытка переводчика буквально передать заказчику намерения отправителя может потерпеть неудачу именно из-за несоответствия современным культурным традициям: ЗЭФ будет выглядеть либо вычурной, либо фамильярной, либо косвенно-агрессивной.

Простой ЗЭФ *Distinti saluti* довольно часто предшествуют фразы, в которых в краткой форме выражена суть письма, например, смягченное требование исполнения обязательств поставки товара надлежащего качества. Категоричность сообщения может быть смягчена заключительными клишированными оборотами, отсылающими к обстоятельствам, не зависящим от участников коммуникации:

Certi che ***l'errore sia dovuto a una svista***, attendiamo, con sollecitudine, un prodotto privo dei difetti descritti.	Certi che ***il disguido sia del tutto fortuito***, Vi chiediamo di rimetterci al più presto la stessa quantità di merce.

В первом варианте отправитель, вторично ожидающий скорой поставки товара надлежащего качества, пишет, что ошибка, возможно, произошла по недосмотру, во втором – по непредвиденным обстоятельствам. Модальность вероятности, несмотря на управляющее прилагательное *certi* (= *уверены*), передана конъюнктивом в обоих предложениях.

К форме выражения вежливости следует отнести и упоминание о возможности собственной ошибки отправителя, при выявлении которой произойдет *незамедлительный отзыв претензии*:

> Se si accerterà un nostro errore, provvederemo immediatamente al ritiro e alla soluzione.

Директивная модальность заключительной части письма может смягчаться определением *cortese*, которое опускается в переводах. Например, при необходимости незамедлительной оплаты просроченного векселя:

> Vi preghiamo pertanto di provvedere al saldo con ***cortese sollecitudine***. = Просим Вас незамедлительно произвести оплату.

Или же при благодарности за оказанное внимание:

> Ringraziamo per la ***cortese attenzione*** e rimaniamo in attesa per qualsiasi Vostra richiesta.

Клишированным оборотом, предшествующим ЗЭФ, выражающим почтение, может быть просьба

подтверждения вышеизложенного с герундиальным оборотом доверительного характера с надеждой на взаимопонимание:

> ***Confidando nella Vostra comprensione***, rimaniamo in attesa di Vostra conferma.

Парадигматическое варьирование простой ЗЭФ может происходить за счет изменения ее адъективного компонента: *Cordiali / cordialissimi saluti = букв.* '(огромный) сердечный привет'. В проанализированном нами материале эти случаи составили всего 3 %. Появление прилагательного *cordiale* и его суперлатива возможно только в ситуациях, не связанных с конфликтом, и при повторном письменном обращении или ответе. Например, в приглашении на встречу и в сообщении о подарке за покупку:

La ringraziamo per l'attenzione e le diamo appuntamento presso il negozio di___. ***Cordiali*** saluti.	Благодарим за проявленный интерес и приглашаем Вас на встречу в ___. *С уважением*,
È davvero un'occasione unica, da non perdere! ***Cordialissimi*** saluti.	Не упустите эксклюзивное предложение! С (***глубоким***) уважением,

С одной стороны, эмоциональность не свойственна деловой корреспонденции, с другой – нельзя забывать о том, что «бизнес-деятельность – это, прежде всего, партнерство, а следовательно, умение установить контакт» [Ускова, 2008, с. 24], что невозможно без применения экспрессивных языковых средств.

Более многословной, но менее распространенной формулой в контексте деловой корреспонденции является *Con i (coi) nostri migliori saluti = С наилучшими пожеланиями*. Она использовалась в письмах о продаже товара с условием о его принятии покупателем в определенный срок как ответ на письмо о задержке товаров с уверением, что товар будет доставлен в запрашиваемый срок, о подтверждении покупки, о требовании задатка, а также в письмах, которые касаются трудоустройства. В случае отклонения резюме адресант обнадеживает адресата в том, что его кандидатура будет учитываться в будущем:

In ogni caso archivieremo la pratica, che terremo in considerazione per eventuali future nostre esigenze.	В любом случае мы передадим в архив документы, которые по необходимости будут учитываться в дальнейшем.
Coi nostri migliori saluti.	С наилучшими пожеланиями,

Из 100 проанализированных случаев всего девять ЗЭФ включают словосочетание *migliori saluti*. Помимо указанных выше случаев оно встретилось в письмах следующего содержания: претензия – *porgiamo migliori saluti*, пробная продажа – *gradite i nostri migliori saluti*, предложение каталога коллекции – *cogliamo l'occasione per porgerLe i migliori saluti*.

Хотя «в современной русской деловой корреспонденции наметилась тенденция к замене официальной и безличной формулы *С уважением* различными видами концовок, содержащих субъективный компонент отношения пишущего к адресату послания» [Карабань, 2006, с. 17], в большинстве случаев итальянские ЗЭФ входят в состав распространенного предложения, которое довольно редко имеет прямое соответствие в русском языке. Например, в уведомлении о назначении нового директора:

> Con l'occasione porgiamo cordiali saluti. = С уважением.

Вариант *Пользуясь случаем, передаем наши сердечные пожелания* может возникнуть только в случае сокращения этикетной дистанции между отправителем и получателем.

2. Распространенные ЗЭФ

Распространенные ЗЭФ состоят из предикативного ядра и расширяющих их значение определительных или обстоятельственных предикативных оборотов.

Предикативное ядро ЗЭФ

Предикативное ядро ЗЭФ – это тоже устойчивый синтаксический оборот, который в подавляющем большинстве случаев представлен глаголом в личной форме (*porgere / salutare / gradire*) и его распространителями – дополнением или обстоятельством.

В 51 случае в ЗЭФ встретилось словосочетание *distinti saluti*, которое использовалось либо самостоятельно, либо входило в предикативные синтагмы с глаголом *porgere*. **V + Agg + S**: *porg-iamo / -o* (*gradite*) *distinti / migliori saluti*. Причем в 29 ЗЭФ этот глагол стоял в 1-м лице мн. ч. *porgiamo distinti saluti* и только в извинении по причине отсутствия на встрече и в заявлении о приеме на работу имел форму 1-го лица ед. ч.:

> Sicuro della Sua comprensione, / Augurandomi di avere presto un incontro conoscitivo diretto, ***porgo***

distinti saluti. = Надеюсь на Ваше понимание. / Буду рад личной встрече. С уважением .

30 проанализированных ЗЭФ заканчивались предикативной формулой **Avv + V**:

Certi della Vostra comprensione, / Dolenti dell'accaduto, distintamente salutiamo. = Надеемся на Ваше понимание. / Приносим свои извинения. С уважением.

В 100 проанализированных письмах только единожды встретилась ЗЭФ с глаголом *salutare* в инфинитиве при предложении организации праздничных мероприятий:

Lieti di poterLa servire, cogliamo l'occasione per salutare distintamente. = Мы рады предоставить Вам наши услуги. С уважением (**Мы рады возможности быть Вам полезными и, пользуясь случаем, выражаем Вам наше почтение*).

Тематика писем обусловила выбор распространителя глагола *salutare*: в 31 случае им было наречие *distintamente* и лишь в одном случае – *cordialmente* (в письме о продаже товара по образцу):

Sicuri della qualità della merce per le Vostre esigenze, ***cordialmente salutiamo***.	Уверены в том, что качество нашего товара соответствует Вашим требованиям. С искренним уважением

Определительные обороты

Распространители ЗЭФ могут быть выражены определительным оборотом со значением уверенности: *sicuri* – 14, *sicuro* – 1, *certi* – 12; сожаления: *dolenti, spiacenti*; радости: *lieti*.

Agg (pl / sn) **+ *di* + S**:

Certi (-o) / sicuri (-o) della Vostra / Sua comprensione… – Надеемся (-юсь) на Ваше понимание.

Эта формула встретилась в письмах следующего содержания: извинение по причине отсутствия на встрече, визит представителя, несоответствие товара образцу, положительный или отрицательный ответ на письмо-претензию, продажа в рассрочку, повторное требование оплаты, поврежденный груз или испорченный товар, несоответствие заказанному товару и пр.

Необходимо понимать, что если в итальянском языке категоричная модальность уверенности либо компенсируется предикативным ядром ЗЭФ, либо в самом определительном обороте присутствует лексема, сглаживающая категоричность (например, *cortese*), то в русском языке, где самой распространенной концовкой является формальная и безличная номинативная синтагма *С уважением* во фразе, ей предшествующей, степень уверенности снижается именно в целях вежливости, таким образом в следующих примерах эквивалентом *Sicuri* = *Надеемся*:

Sicuri	***Уверены***
di un sollecito intervento…	…на скорое решение проблемы.
dell'accoglimento della nostra richiesta…	…что наша просьба будет удовлетворена.
della convenienza della nostra proposta…	…что Вас устроит наше предложение.
della reciproca convenienza dei rapporti…	…на дальнейшие взаимовыгодные отношения.

Certi di un Vostro (***cortese*** e) sollecito riscontro…

1) Надеемся на Ваш скорый ответ.
2) С нетерпением ждем Вашего (*любезного) ответа.
3) *Уверены в получении Вашего скорого ответа.

При составлении деловых писем следует понимать, что «использование речевого этикета одной культуры … по отношению к представителю другой культуры может вызвать непредвиденные негативные последствия, в частности восприниматься как своего рода агрессия» [Кронгауз, 2011, с. 244–245], а выражение уверенности в том, что думает и чувствует адресат в русской культуре может восприниматься как антивежливое, «поскольку не соответствует представлениям адресата о том, как должно выглядеть первое деловое письмо от незнакомого человека» [Буторина, 2018, с. 51]. Поэтому любая категоричность, которая компенсируется в итальянском языке за счет развернутых этикетных формул, скорее всего будет неуместна в русском переводе.

Однако в деловой переписке рекламного характера или в случае заверения адресата в его профессионализме модальность уверенности в русском варианте, на наш взгляд, может присутствовать:

Sicuri	***Уверены***
della qualità della merce per le Vostre esigenze…	в том, что качество нашего товара соответствует Вашим требованиям.
della Vostra calorosa accoglienza…	что нашему сотруднику будет оказан радушный прием.

Определительный оборот со значением радости в нашем корпусе встретился один раз в письме о предложении услуг:

Lieti di poter La servire… .

Agg $_{pl / sn}$ **+ *di* + V**$_{inf}$:

Sicuri / Certi di avere definitivamente chiarito questo malinteso… / di aver fatto cosa gradita… = Надеемся, что нам удалось прояснить возникшее недоразумение / что Вам понравилось наше предложение.

Следует обратить внимание на то, что при использовании данной формулы инфинитивный оборот имеет ретроспективное значение, а категоричная модальность итальянского письма, как и раньше, сглаживается в русском переводе. Такие ЗЭФ встретились в письмах об оспаривании требования оплаты, о запуске новой коммерческой деятельности и при предложении каталога.

Agg / PP$_{pl / sn}$ **+ *che* + V**$_{fut}$:

Sicuri (certi) che	*Надеемся, что*
comprenderete le ragioni del nostro comportamento…	Вы поймете причины нашего поведения.
provvederete alla cosa con sollecitudine…	Вы в скором времени уладите этот вопрос.
questi errori non si verificheranno in futuro…	подобные ошибки не повторятся в будущем.
provvederete all'immediato ritiro delle tratte che aveste già messo in circolazione…	в ближайшее время Вами будут изъяты выпущенные в обращение тратты.
vorrete evitare tali conseguenze…	Вы хотите избежать подобных последствий.
i nostri rapporti commerciali non subiranno flessioni…	наши торговые отношения не изменятся.

Интересно, что в этой разновидности формул с изъяснительным придаточным, в отличие от приведенных выше инфинитивных оборотов, глаголы во всех примерах стояли в будущем времени. На наш взгляд, это указывает на различную степень уверенности, выражаемой управляющим ими прилагательным: при совпадении субъекта главной и подчиненной клауз она выше, так как можно быть уверенным в своих предыдущих действиях. В случае с будущим временем подчиненной клаузы – ниже, так как нельзя быть уверенным в действиях субъекта-адресата, ср. с письмами о запрете на выставление тратты, о товаре ненадлежащего качества, об изменении цен и с последним напоминанием о необходимости оплаты.

Все эти ЗЭФ можно рассматривать как настойчивую попытку урегулирования конфликта. Следующие ниже формулы завершают неконфликтные письма и в этом случае степень уверенности в ИЯ и в РЯ совпадает:

Certi che	*Уверены, что*
la qualità dei nostri prodotti sarà di Vostro gradimento…	Вы останетесь довольны качеством нашей продукции.
riceverete le merci prima della data da Voi indicata…	заказанные Вами товары будут доставлены ранее обозначенной Вами даты.

Модальность сожаления в определительных оборотах была представлена причастиями прошедшего времени (PP) *dolenti / spiacenti*, которые управляли либо субстантивированным причастием прошедшего времени (S) в письме о переносе встречи на неопределенный срок, либо инфинитивным оборотом в письмах о переходе к правовым действиям и отказе:

PP$_{pl / sn}$ **+ di + S**:

Dolenti dell'accaduto… = Приносим свои извинения

PP$_{pl / sn}$ **+ di + V**$_{inf}$:

Spiacenti di	…
essere stati costretti a passare a vie legali…	С сожалением сообщаем, что обращение в суд было вынужденным действием.
non potere intrattenere rapporti commerciali con Voi…	К нашему сожалению, мы не сможем поддерживать с Вами торговые отношения.

Обстоятельственные обороты

Ожидание скорого ответа в деловой переписке обусловливает частое использование временного обстоятельственного оборота ***In* + S**, где S = отглагольному существительному *attesa* (22 из 100). Самый простой случай, состоящий только из обстоятельства времени и прощальной формулы: *In attesa distinamente salutiamo. = Ожидаем Вашего ответа. / С уважением* – встретился в письмах

о срочной продаже товара, о требовании двойного задатка и о выплате неустойки.

Обстоятельственный оборот ***In attesa* + *di* + S** (*conferma*, *risposta*, *decisione*) входил в ЗЭФ писем следующего содержания: встречи, опоздания, положительный ответ, снижение цен, открытие новой торговой точки, несоответствие товара образцу, напоминание об оплате, условия продажи, пробная продажа, ответ с поправками и пр.:

In attesa di	...
conferma...	Ожидаем / ждем Вашего подтверждения.
Vostra disposizione... Vostra risposta...	Ожидаем Вашего ответа. Ждем Вашего ответа.
Vostra ricevuta...	Ждём от Вас уведомления о получении платежа.
Vostri ordini...	Ждем Ваших заказов.
Vostre comunicazioni in merito...	Ждем Вашего решения (этого вопроса).
una Vostra visita...	Будем рады Вас видеть!
una Vostra rimessa a saldo...	Ожидаем перевода оставшейся суммы платежа.
la Vostra decisione...	Ждем Вашего решения.

Всего в двух случаях из 100 отглагольное существительное предварял определенный артикль:

Nell'attesa di Vostra risposta / confermazione ... = Ждем Вашего ответа / подтверждения.

Герундиальный оборот как распространитель ЗЭФ встретился 10 раз в сочетании с существительными (G + S), наречиями (G + Avv), изъяснительными эксплицитными (G + *che* + P) и имплицитными (G + *di* + P) придаточными.

G + **S** с проспективным значением (ожидания):

Attendendo una Vostra cortese risposta... = Ждем Вашего ответа (*предложение образцов*).

Rendendoci conto delle difficoltà... = Мы учитываем создавшуюся проблемную ситуацию. / Мы учитываем (понимаем) сложность создавшейся ситуации (*ответ на претензию со значением включенности в конфликтную ситуацию*).

G + *in* + S при отказе с предложением альтернативы и просьбе предоставления отсрочки:

Confidando nella	...
Vostra ordinazione...	Надеемся, что Вы сделаете заказ. Ждем Вашего заказа.
Vostra comprensione...	Надеемся на Ваше понимание.

G + Avv со значением благодарности:

Ringraziando anticipamente... = Заранее благодарим Вас (*о запросе образцов*).

В русском языке выражение *заранее благодарен* может вызывать раздражение как «не вполне вежливое и достаточно агрессивное действие», поскольку «выражение благодарности за еще не совершенное действие воспринимается как навязывание этого действия, т. е. ... как агрессия, спрятанная за этикетной формой благодарности» [Кронгауз, 2011, с. 244]. В итальянской формуле такая коннотация отсутствует и это выражение вовсе не лишает адресата возможности выбора и не обязывает его следовать навязанной стратегии, **G + che + P_{S+V}** со значением надежды в конфликтных ситуациях:

Confidando che l'accaduto possa non turbare i nostri rapporti commerciali...	Надеемся, что произошедшее не отразится на нашем деловом сотрудничестве.
Sperando che tale inconveniente non alteri la correttezza dei nostri rapporti...	Надеемся, что данное недоразумение не повлияет на развитие наших отношений.

Герундиальный оборот **G + *di* + P** встретился в многоступенчатой формуле, завершающей письмо об отказе поставки товаров из-за приостановки их производства:

Nella speranza che la situazione si normalizzi al più presto, ***rischiando*** di divenire pregiudizievoli nei rapporti con i nostri clienti...	Надеемся на скорейшее улучшение ситуации, поскольку мы ни в коей мере не хотим нанести ущерб отношениям нашими клиентами.

В ЗЭФ при помощи отглагольного существительного *speranza* и изъяснительного придаточного выражается надежда на урегулирование конфликтной ситуации.

Довольно вычурный распространитель ЗЭФ встретился в напоминании о поставке товара. За счет использования номинализации *l'invitare*

и инфинитивного оборота со значением цели избегается директивная модальность повторного напоминания о поставке:

> Nell'invitar Vi a provvedere con sollecitudine… = Просим Вас как можно скорее заняться нашим заказом.

Однородные члены предложения

Помимо определительных и обстоятельственных оборотов распространять ЗЭФ могут однородные члены предложения:

> In attesa di conferma, ***ringraziamo*** e / risposta, Vi ***ringraziamo*** anticipatamente per l'attenzione e distintamente ***salutiamo***. = Ждем Вашего подтверждения и заранее благодарим / ответа и заранее благодарим за внимание! С уважением .

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ синтаксической структуры итальянских ЗЭФ показал, что они могут быть как простыми, в большинстве своем они выражены номинативной синтагмой, соответствующей «сухому» безликому бюрократическому стилю, *pl*: *Agg* + *S* ***Distinti saluti***, так и распространенными, в которых в зависимости от контекста переписки тем или иным образом чаще всего выражается надежда на продолжение коммуникации. Простым этикетным формулам предшествуют фразы, в которых в краткой форме выражена суть письма.

Распространенные ЗЭФ состоят из предикативного ядра V + Agg + S или Avv + V, с глаголом в 1-м лице мн. ч. и корнем *salut-* в составе S или V. В единичных случаях глагол с данным корнем входит в состав инфинитивного придаточного клишированных выражений. Распространителями ЗЭФ могут быть определительные или обстоятельственные обороты: $Agg_{pl / sn}$ + *di* + S, $Agg / PP_{pl / sn}$ + *di* + V_{inf}, $Agg / PP_{pl / sn}$ + *che* + V_{fut}; *In attesa* + *di* + S, герундиальные обороты G + S, G + *in* + S, G + Avv, G + *che* + P_{S+V}, G + *di* + P. Сравнительно редко ЗЭФ осложняется однородными членами предложения.

Парадигматическое варьирование формул происходит за счет изменения адъективного компонента или лица адресанта, указывающих на сокращение дистанции между коммуникантами *distinti / migliori / cordiali / cordialissimi saluti*; *porg-iamo / -o*.

Лингвопрагматические характеристики делового письма влияют на синтагматическую вариативность ЗЭФ, в которых отправитель просит адресата принять заверения в своем почтении, искренней благодарности, преданности, хорошем отношении к нему и т. п. В зависимости от целеполагающих установок категоричность содержания переписки может быть смягчена заключительными клишированными оборотами, отсылающими к обстоятельствам, не зависящим от участников коммуникации. В любом случае в количественном и содержательном отношениях итальянские ЗЭФ превосходят ЗЭФ в русском тексте. Это надо учитывать в международной деловой корреспонденции особенно в конфликтных ситуациях, где в итальянском тексте выражается надежда на их урегулирование, снимается директивная модальность, смягчается категоричность письма за счет эмоциональных лексических и / или грамматических элементов, говорится о возможности собственной ошибки отправителя или же о непредвиденных обстоятельствах.

ЗЭФ делового письма отнюдь не ограничиваются рассмотренными в данной статье, многие из них вследствие цифровизации и ускорения темпов корреспонденции постепенно выходят из употребления, например, *L'occasione è gradita per porgere distinti saluti*. = *Пользуясь случаем, выражаю Вам свое уважение*. Тем не менее они представляют интерес для дальнейшего исследования как в синхронном, так и в диахронном срезах для обеспечения соответствующего перлокутивного эффекта в международной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: АСТ, 2011.
2. Желамская В. А. Лингвистическая структура деловой документации на материале французского и итальянского языков: дис. … канд. филол. наук. М., 2017.
3. Ускова О. А. Становление метаязыка бизнеса в русском языковом пространстве: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008.
4. Вежливость и «антивежливость» в языке и коммуникации // Материалы Международной научной конференции ИЛ РГГУ / под ред. Г. Е. Крейдлин, Л. Л. Федорова, И. А. Шаронов. М.: Росснэп, 2018.
5. Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. I–III. Bologna: Mulino, 2008.

6. Albani L. Lettere commerciali per corrispondenza tradizionale e via internet. Milano: FAG, 2011.
7. Дмитренко В. А., Ушакова Н. В., Гребенщикова Е. Е. Коммерческая корреспонденция и деловое общение на итальянском языке. М.: МГИМО-Университет, 2018.
8. Карабань Н. А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: 2006.
9. Буторина Е. П. Вежливость и антивежливость в деловом дискурсе // Вежливость и «антивежливость» в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции ИЛ РГГУ. М.: Росснэп, 2018. С. 45–52.

REFERENCES

1. Krongauz, M. (2011). Russkij yazy`k na grani nervnogo sry`va. 3D. = The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. Moscow: AST. (In Russ.)
2. Zhelamskaya, V. A. (2017). Lingvisticheskaya struktura delovoj dokumentacii na materiale franczuzskogo i ital`yanskogo yazy`kov = Linguistic structure of business documentation based on the material of French and Italian languages: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Uskova, O. A. (2008). Stanovlenie metayazy`ka biznesa v russkom yazy`kovom prostranstve = The formation of the metalanguage of business in the Russian language space: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Krejdlin, G. E., Fedorova, L. L., Sharonov, I. A. (eds.). (2018). Vezhlivost' i «antivezhlivost'» v jazyke i kommunikacii = Politeness and "anti-politeness" in language and communication. Materials of the International Scientific Conference IL RSUH. Moscow: Rossnep. (In Russ.)
5. Renzi, L., Salvi, G., Cardinaletti, A. (2008). Grande grammatica italiana di consultazione. Vols. I–III. Bologna: Mulino. (In Ital.)
6. Albani, L. (2011). Lettere commerciali per corrispondenza tradizionale e via internet. Milano: FAG. (In Ital.)
7. Dmitrenko, V. A., Ushakova, N. V., Grebenshhikova, E. E. (2018). Kommercheskaya korrespondenciya i delovoe obshhenie na ital`yanskom yazy`ke = Commercial correspondence and business communication in Italian. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)
8. Karaban`, N. A. (2006). Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty` realizacii kategorii vezhlivosti v oficial`no-delovom stile russkogo yazy`ka = Communicative and pragmatic aspects of the realisation of the category of politeness in the official business style of the Russian language: abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Butorina, E. P. (2018). Vezhlivost' i antivezhlivost' v delovom diskurse = Politeness and impoliteness in business discourse. Politeness and "anti-politeness" in language and communication. Materials of the International Scientific Conference IL RSUH (pp. 45–52). Moscow: Rossnep. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Елена Сергеевна
кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой итальянского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Говорухо Роман Алексеевич
кандидат филологических наук, доцент, директор Российско-итальянского учебно-научного центра
Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borisova Elena Sergeevna
PhD (Philology), Acting Head of the Italian Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Govorukho Roman Alekseevich
PhD, Associate Professor, Head of the Russian-Italian Center for Education and Research,
Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 81'27
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_32

Стереотипизация образа юриста в американском обществе (на основе анализа юмористических высказываний)

М. А. Викулина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
vikulina_maria@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена сформированному в американском обществе стереотипу юриста. Материалом исследования послужили многочисленные юмористические высказывания и шутки в адрес представителей юридической профессии, а также фрагменты художественных произведений, позволяющие проследить концептуализацию образа юриста. Автор предпринял попытку выделить и систематизировать наиболее характерные свойства представителей юридической профессии, закрепившиеся в соответствующем стереотипе, равно как и средства их репрезентации.

Ключевые слова: стереотип, юрист, социальный опыт, когнитивная структура, этнокультура

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-012-00466.

Для цитирования: Викулина М.А. Стереотипизация образа юриста в американском обществе (на основе анализа юмористических высказываний) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 32–38. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_32

Original article

Formation of a Stereotype of a Lawyer in the American Society (the analysis of the humorous statements)

Maria A. Vikulina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vikulina_maria@mail.ru

Abstract. The current research aims at studying the stereotype of a lawyer typical of the American society. The study was based on jokes and humorous statements about representatives of legal profession as well as abstracts from books and stories helping to trace the conceptualization of the image of a lawyer. The author undertakes to reveal and systemize characteristics of the object that are fixed in the relevant stereotype as well as the means of their representation.

Keywords: stereotype, lawyer, social experience, cognitive structure, ethnic culture

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00466.

For citation: Vikulina, M. A. (2022). Formation of a stereotype of a lawyer in the American society (the analysis of the humorous statements). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 32–38. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_32

ВВЕДЕНИЕ

Профессия юриста является одной из самых интересных, востребованных и одновременно – неоднозначных. Функционирование любого социума напрямую связано с областью права, а потому на каком-то этапе своей жизни каждый представитель социума непосредственно сталкивается с представителями юридической профессии. Граждане, постоянно нуждающиеся в консультациях по юридическим вопросам в разных сферах жизни, приобретают определенный и не всегда одинаковый опыт общения с юристом. В дальнейшем этот опыт анализируется сообществом, структурируется и закрепляется в виде стереотипа, в последствие находящем свое отражение в народном творчестве, юморе и художественной литературе.

СТЕРЕОТИП КАК РЕЗУЛЬТАТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО ОПЫТА

В современной науке существует множество подходов к стереотипам (В. С. Агеев, Н. Ф. Алефиренко, Е. Батминьский, Т. Ф. Дельская, Н. Л. Дмитриева, Р. Г. Загидулина, С. Е. Никитина, В. А. Пищальникова, Ю. Е. Прохоров, Н. А. Рождественская, А. Н. Ростова, В. А. Рыжков, Т. М. Пермякова, С. В. Федотова, П. Н. Шихирев и др.). Зачастую понимание и определение стереотипа зависит от вектора и задач того или иного конкретного исследования. Они, в свою очередь, предопределяются тем или иным ментальным контекстом. Начиная с У. Липманна, который понимал под стереотипом отражение знаний об объекте реальности и определял его как «упорядоченные, детерминированные культурой картинки мира в голове человека, которые экономят усилия при восприятии сложных социальных объектов» [Уфимцева Н. В. и др., 1988, с. 97], ученые не раз обращались к феномену стериотипа. В результате сформировалось немало классификаций данной структуры знания, в частности, социальные стереотипы (упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей), ментальные стереотипы (связанные с мыслительными процессами), культурные стереотипы (отражающие обыденный уровень концептуализации культурной специфики), этнические стереотипы (обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ, стереотипы общения и др.).

Находясь на позициях этнолингвистики, Ежи Бартминьски, в частности, допускает узкое и широкое понимание слова «стереотип». В узком смысле это «некоторое приращение значения, эмотивная коннотация» [Бартминьский, 2005, с. 162], тогда как в широком смысле термин «стереотип» близок к термину «значение». По научному убеждению Е. Бартминьского, используя термин «стереотип», мы выбираем «наиболее полное представление смыслового содержания слова, стараемся уловить связь значения с говорящим субъектом <…> подчеркиваем субъективность категоризации и прагматические функции знака» [там же, с. 163]. С точки зрения Е. Бартминьского, стереотип передает определенный способ восприятия мира субъектом и реализуется в рамках некой познавательной модели. При этом, являясь продуктом языка, стереотип напрямую связан с носителем языка (или субъектом речи), с его мировидением.

Продолжая и развивая идеи Е. Бартминьского, Н. Ф. Алефиренко понимает стереотипы как субъективно обусловленные образы, воспроизводящие характерные свойства объекта или явления, различающиеся результатом интерпретации объекта или явления и, в конечном счете, определяющие характер и содержание коннотативного значения слова [Алефиренко, Жаркынбекова, 2014]. Стереотипы создают культурно обусловленную этносемантическую атмосферу языка и этнолингвистического мышления, соотносятся с заложенной в языке системой ценностей и отражают специфику лингвокультуры. Уникальность этнокультуры создается той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре, и сознание человека всегда этнически обусловлено: видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа [там же].

В. А. Косяков, сторонник биокогнитивной теории, рассматривает стереотип как когнитивно-языковой феномен, понимает его как упрощенный и эмоционально окрашенный шаблон, используемый человеком в случае нехватки опыта при взаимодействии с каким-либо объектом или явлением [Косяков, 2009]. Стереотип формируется и тиражируется в языке и благодаря языку: представители языкового сообщества сначала создают, а затем передают из поколения в поколение стереотипы — опосредованные языком знание или опыт. Стереотипы выполняют ориентирующую функцию: они упрощают процесс познания благодаря своей краткости, схематичности и предполагаемой объективности. В создании и функционировании стереотипа используются различные языковые средства (лексические, грамматические,

фонетические), однако вербализация и актуализация сформированных стереотипов происходит в основном за счет лексических средств.

Развивая лингвокогнитивный подход, О. К. Ирисханова исходит из того, что категоризация социокультурного пространства осуществляется согласно универсальному принципу ядра-периферии, одновременно подчеркивая, что в категории объединяются не любые, а социально релевантные объекты, которые встраиваются в систему ценностей того или иного общества. По научному убеждению О. К. Ирисхановой, стереотип в наибольшей степени приближен к традиционному когнитивному пониманию прототипа как некоего «максимально обобщенного нежесткого набора базовых категориальных свойств группы объектов» [Ирисханова, 2012, с. 20]. Среди характеристик стереотипов можно выделить следующие: обобщенность, абстрактность, устойчивость для группы людей, объективность для группы людей, концептуализация по ряду признаков (внешних и внутренних), непреднамеренность, частичная контролируемость, эксплицитность / имплицитность, положительная и отрицательная оценочность, заданность [там же].

Таким образом, несмотря на определенные различия в подходах к изучению данной структуры, можно отметить, что все они сводятся к пониманию стереотипов как соотносимого с системой ценностей и национальным менталитетом результата структурирования социально значимого опыта, разделяемого всеми или большинством представителей некоторого общества и выполняющего ориентирующую функцию.

АНЕКДОТ КАК «КВИНТЭССЕНЦИЯ» ВОСПРИЯТИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЮРИСТА

Стереотипы возникают в том случае, когда в качестве реакции на слово-стимул (название некоторой реалии) формируется ассоциативное ядро в виде определенных реакций. В данном исследовании мы акцентировали анекдоты, связанные с юридической профессией, поскольку именно шутки остро, точно и своевременно «высвечивают» наиболее типичные (в том числе негативные) черты, часто приписываемые представителям данной профессии. Анекдоты в наиболее краткой и выразительной форме концептуализируют образ юриста. Являясь элементом народного творчества и, значит, обретая широкое распространение в американском обществе, анекдоты способствуют формированию и тиражированию стереотипов, относящихся к юридической профессии.

Анекдот передает значительно большее количество информации, чем можно было бы предположить, опираясь на составляющие его лексемы. Мы присоединяемся к исследователям (Т. Ю. Чубарян, Ю. В. Латышев и др.), полагающим, что юмор является способом передачи не только фактической информации об объекте, но и информации интенсионального плана. В частности, любая шутка содержит в себе эмоциональное отношение к объекту, его оценку и по сути является результатом структурированного социального опыта.

Более того, анекдот как сообщение предполагает использование специфического способа передачи информации. Она транслируется в виде «отсылки», намека, ассоциации, которая способствует нарастанию информации внутри сознания получателя [Латышев, 2003]. Означенные свойства передачи информации, в принципе сопровождающие хождение всякой смеховой сентенции, высокую скорость распространения кратких форм юмора (анекдотов, частушек, шуток) и их высокую суггестивную силу [там же]. С нашей точки зрения, понимание и анализ информации, заключенной в шутке, возможен именно благодаря сформированному у реципиента стереотипу.

Вслед за О. К. Ирисхановой, мы понимаем стереотип как максимально обобщенный набор базовых категориальных признаков предмета или явления, поэтому в данной статье нам представляется целесообразным выявить черты, которые общественное сознание приписывает американским юристам [Ирисханова, 2012].

Наиболее частотной чертой образа юриста, высмеиваемой в американском социуме, является *лживость*:

> "You are a cheat!" – shouted the attorney to his opponent. – "And you're a liar!" – bellowed the opposition. Banging his gavel loudly, the judge interjected: "Now that both attorneys have been identified for the record, let's get on with the case". – «Вы мошенник», – прокричал адвокат своему оппоненту. «А вы лжец!» – прорычал в ответ тот. Громко стукнув молотком, судья подытожил: «Теперь, когда оба юриста идентифицированы для протокола, мы можем начать процесс».

> How can you tell when a lawyer is lying? – His lips are moving. – «Как можно узнать, что юрист лжет? – Его губы шевелятся».

> What do you call an honest lawyer? – An impossibility. – «Как вы называете честного юриста? – Невозможностью».

> What do honest lawyers and UFOs have in common? – You always hear about them, but you never see them. – «Что общего между юристами и НЛО? – Вы всегда о них слышите, но никогда их не встречаете»[1].

Приведенные выше речевые примеры иллюстрируют то, что в представлении американских граждан юрист никогда не говорит правду. Многочисленные наблюдения американских граждан над представителями юридической профессии могут быть подытожены закрепившимся в обществе высказыванием: «Lawyer even sounds like liar» («Юрист даже звучит, как лжец») – произношение лексем *lawyer* и *liar* очень близко по звучанию.

С образом юриста в американском общественном сознании прочно ассоциируется лживость, с которой тесно связываются еще некоторые негативные этические качества. Служителям Фемиды с большими или меньшими основаниями приписываются *склонность к мошенничеству, воровству, продажность и беспринципность*:

> «Lawyers are a bad lot.... They cheat their living out of honest people» / «Юристы – плохие люди... Они мошенничеством вытягивают деньги из честных людей».

> «A lawyer with his briefcase can steal more than a hundred men with a gun» / «Юрист с портфелем может украсть больше, чем сотня бандитов с пистолетом»

> «Lawyers are men who will swear black is white if they are paid for it» / «Юристы – это люди, которые будут клясться, что черное – это белое, если им за это заплатить»[2].

Американское общество отличается высоким уровнем доверия к судебной системе и склонно решать большинство спорных вопросов через суд. В результате общение с представителями юридической профессии не является редкостью для рядовых граждан, и остроты в адрес юристов, отражающие «наболевшие» вопросы деятельности юристов, легко подхватываются, перепечатываются и передаются в обществе «из уст в уста». Постоянная отсылка к лживости и вероломству представителей данной профессии прочно закрепляется в соответствующем стереотипе, формируя его ассоциативное ядро.

Интересно отметить, что представителей юридической профессии нередко сравнивают в анекдотах с животными и другими представителями фауны, которые не вызывают и не могут вызывать в сознании обычного человека положительных эмоций: это опасные, скользкие, кровожадные существа (змеи, крысы, акулы, шакалы и т. д.), изначально олицетворяющие «*зло*» в народном творчестве.

> «Lawyers are **the jackals** of commerce»

> «Why won't **sharks** attack lawyers? – Professional courtesy» / «Почему акулы не нападают на юристов? – Профессиональная этика».

> «Why did God make **snakes** just before lawyers? – To practice» – «Почему Бог создал змей непосредственно до юристов? – Попрактиковаться».

> «Why are there so many lawyers in the U.S.? – Because St. Patrick chased the **snakes** out of Ireland» / «Почему в США столько юристов? – Потому что Святой Патрик выгнал змей из Ирландии».

> «Why are scientists turning to lawyers, instead of **rats**, for laboratory experiments? – 1. Lawyers are plentiful. 2. Scientists don't get as emotionally attached to them. 3. There are some things even a rat won't do» / «Почему ученые начинают использовать юристов вместо крыс в лабораторных опытах? – 1. Юристов много; 2. Ученые к ним не привязываются эмоционально; 3. Есть вещи, которые даже крыса не сделает»[3]

Последний пример, представляет с нашей точки зрения особый интерес, поскольку вербализует сразу три аспекта: 1) многочисленность представителей юридической профессии; 2) «утомленность» общества от их переизбытка; 3) потенциальную склонность юристов к низким и неблаговидным поступкам. Все это порождает непосредственно эмоциональное отношение американцев, не предполагающее теплых чувств, уважения или сострадания.

Более того, в подобных случая мы имеем дело с двумя соотносимыми друг с другом стереотипами: стереотип, основанный на восприятии некоторого животного и имеющий определенные характеристики («крыса = зло, вред, разрушение, зараза, научные опыты и т. д.»), «экстраполируется» на «неживотное» (образ юриста), усиливая, по сути, юмористический эффект.

Некоторые шутки, обобщающие разделяемое всеми или большинством американцев отношение к юристам, характеризуются определенной жестокостью. Часто реакции на представителя

[1] URL: http://www.anvari.org/shortjoke/I

[2] URL: https://www.scarymommy.com/lawyer-jokes

[3] https://www.scarymommy.com/lawyer-jokes

юридической профессии вербализуется в анекдоте как некий акт расправы и репрезентируется глаголами «убить», «застрелить», «зарезать» и т. д.:

> What's the difference between a lawyer and an onion? – **No one cries when you slice up a lawyer**. – «Какая разница между юристом и луком? – Никто не плачет, когда режут юриста».
>
> If you are stranded on a desert island with Adolph Hitler, Atilla the Hun, and a lawyer, and you have a gun with only two bullets, what do you do? – **Shoot the lawyer twice**. – «Если вы оказались на необитаемом острове с Адольфом Гитлером, гунном Атиллой и юристом, и у вас всего две пули, что вы будете делать? – Дважды выстрелю в юриста».
>
> What's black and brown and looks good on a lawyer? – **A doberman**. – «Что черно-коричневое хорошо смотрится на юристе? – Доберман».[1]

Юрист как олицетворение зла – тема, широко эксплуатируемая в юмористических высказываниях, распространенных среди американцев. Вот почему среди американцев становится едва ли не модным прямое сравнение представителей юридической профессии с вампирами и монстрами:

> What is the difference between a lawyer and **a vampire**? A vampire only sucks blood at night.
>
> I think we may class the lawyer in the natural history of **monsters**.[2]

Однако стереотип юриста может модифицироваться в ходе социальных, политических, психологических и других процессов, протекающих в обществе, равно как и в результате приобретения и структурирования нового опыта или появления новых реалий. Так, в современных американских шутках про юристов в американском обществе для вербализации названных выше свойств, олицетворяющих зло, все чаще встречаются лексемы, относящиеся к новейшим технологиям и называющие крайне вредоносные для человека объекты и явления:

> Why are lawyers like **nuclear weapons**? – If one side has one, the other side has to get one. Once launched, they cannot be recalled. When they land, **they screw up everything forever**. – «Почему юристы похожи на ядерное оружие? – Если он есть у одной из сторон, то должен быть и у другой. Если его запустили в действие, его уже не остановить. Когда он приземлится, он уничтожит все навеки».
>
> What's the difference between a lawyer and **a terrorist**? – You can negotiate with a terrorist. – «Какая разница между юристом и террористом? – С террористом можно договориться».
>
> Why does California have the most attorneys, and New Jersey have the most **toxic waste dumps**? – New Jersey got first pick. – «Почему в Калифорнии больше всего юристов, а в Нью-Джерси – токсичных ядерных отходов? – Нью-Джерси первым делал выбор»[3].

На фоне значительного количества шуток и анекдотов, «демонизирующих» юридическую профессию и ее представителей, целесообразно отметить небольшое число (менее 7% исследуемого материала) юмористических высказываний, содержащих относительно положительную оценку деятельности юристов. Интересно, что в этих юмористических высказываниях высмеиваются те же качества, что выделялись выше. Однако в данном случае они подаются, как достоинства: ловкость, ушлость и умение сбить с толку, навязав свою точку зрения, не вызывают негативной реакции. Напротив, они воспринимаются как профессиональные качества, необходимые любому американскому юристу:

> Good lawyers know the law. Best lawyers know the judge. – «Хорошие юристы знают закон. Лучшие юристы знают судью».
>
> What an amazing lawyer he was. Once he got a jury so confused, they sent the judge to jail. – «Каким он был замечательным юристом. Однажды он так запутал жюри присяжных, что они отправили судью в тюрьму».

Таким образом, среди базовых категориальных свойств объекта, закрепленных в стереотипе юриста, можно выделить следующие: *лживость, вероломство, беспринципность, продажность, жестокость,* и (выраженные в меньшей степени) *ушлость, ловкость, сообразительность.*

Черты, вербализуемые в шутках и с большими или меньшими основаниями приписываемые представителям юридической профессии, получают свое отражение в художественной литературе. Они активно используются авторами для формирования образа юриста. С целью создания определенной атмосферы автор может использовать непосредственное цитирование ходячего анекдота:

[1] URL: https://www.scarymommy.com/lawyer-jokes

[2] Там же.

[3] Там же.

> "So, you're really a lawyer?" – "Yup. Really. Got a diploma and everything." – "Oh, I didn't mean to suggest … It's just that you look so young. Hey, here's a joke for you. ***What do you need when you've got a lawyer up to his neck in sand?" – "I don't know," Ben said, suppressing a sigh. "What?" – "More sand!"*** Tidwell laughed heartily at his own joke. "Pretty good, huh?" – "Yeah." – "Oh, I've got more. ***Why don't sharks attack lawyers***?" – "I give up. Why?" "***Professional courtesy***." He erupted into laughter again»[1].

В данном случае У. Бернхардт завуалированно передает отношение общества к юридической профессии и акцентирует кровожадность юристов, сравнивая их с акулами. Параллельно черты, свойственные юристам, передаются и другими лексическими средствами, с помощью которых обыгрывается и тиражируется уже сформированный стереотип.

Так, У. Бернхардт в «Первичном правосудии» на контрасте с образом начинающего, полного надежд и иллюзий юриста Бена Кинкейда строит образ «типичного» опытного юриста, Ричарда Дерека[2]. Высказывания Р. Дерека о праве и профессии юриста в наставлениях юному коллеге отличаются цинизмом, меркантильностью, иронией и неискренностью. Р. Дерек не верит в высшие идеалы правосудия и воспринимает право как инструмент для исполнения прихотей клиентов:

> You probably went to law school because … you wanted to help people. – Well … as a matter of fact… – That's so sweet. Well, what's the point of being young if you can't believe in fairy tales? – «Ты, наверное, пошел на юридический факультет, потому что… хотел помогать людям. – Ну, в принципе…– Это так мило. Какой смысл быть молодым, если ты не веришь в сказки»[3].

Наилучшим качеством юриста Р. Дерек считает способность «продать себя» («*if you aren't adept at marketing, you don't have clients, and if you don't have clients, what good is knowing the law?*») и умение повернуть закон в ту сторону, которая наиболее выгодна клиенту («*It's mirrors and bubble gum. The only thing that's sacrosanct is your client*»).

Образ Р. Дерека не является абсолютно отрицательным в данном конкретном произведении, однако в целом он позволяет выявить те негативные черты, которые закреплены в коллективном стереотипе юриста: вероломность, определенную беспринципность и продажность, относительную жестокость. Их контрастно дополняют некоторые положительные черты юриста, также закрепившиеся в массовом восприятии:ловкость, сообразительность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стереотип современного юриста в американском обществе является результатом структурирования социально значимого опыта. Он возникает стихийно спорадически и затем хранится в долгосрочной памяти социума. Данный опыт получаетсвое отражение и в коллективных юмористических сентенциях (в шутках, анекдотах) как в наиболее острых формах«высвечивания» социальных проблем, и в художественной литературе.

В результате анализа юмористических высказываний можно сделать два вывода:

1) отрицательные черты, закрепленные в стереотипе, значительно преобладают над положительными чертами;
2) языковые средства актуализируют и тиражируют стереотип, имеющий такие характеристики, как лживость, вероломство, беспринципность, продажность, жестокость, ушлость, ловкость, сообразительность.

В дальнейшем сформированный стереотип как знание, разделяемое большинством представителей общества, находит свое отражение в художественной литературе, что способствует его последующему тиражированию.

[1] William Bernhardt. Primary Justice. Ballantine Books, 2005.
[2] Там же.
[3] Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: стереотипы и творчество: [сборник статей] / АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Уфимцева Н. В. (отв. ред.) и др.]. М.: ИЯЗ, 1988.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.
3. Алефиренко Н. Ф., Жаркынбекова Ш. К. Языковые стереотипы этнокультурного пространства // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. 2014. № 3 (100). С. 11–20.

4. Косяков В. А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен: на материалах СМИ, посвященных войне в Ираке: автореферат дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009.
5. Ирисханова О. К. Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2012. Вып. 638. С. 173–184. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17939056
6. Латышев Ю. В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии (Теоретико-методологический анализ): дис. … канд. филос. наук. Новосибирск, 2003.

REFERENCES

1. Ufimtseva N. V. Yazikovoe soznanie: stereotypy i tvorchestvo: [Sb.st.] (1988) = The Language concsiousness. AN SSSR, In-t yazykoznaniya; [Redkol.:]. Moscow: IYAZ, 1988. (In Russ.)
2. Bartminsky, E. (2005). Yazikovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike = The language worldview: essays on ethnolinguistics. Moscow: Indrik. (In Russ.)
3. Alefirenko, N. F., Zharkynbekova, Sh. K. (2014). Linguistic stereotypes of ethnocultural space. Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, 3(100), 11–20. (In Russ.)
4. Kosyakov, V. A. (2009). Stereotip kak kognitivno-yazikovoy fenomen: na materialah SMI, posvyaschonnih vione v Irake = Stereotype as a cognitiv and language phenomenon: basing on the Mass Media materials devoted to the war in Iraq: abstract of PhD in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
5. Iriskhanova O. K. (2012). Stereotypes, paragons and other social and cultural models in discourse: similarities and differences, 638, 173–184. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17939056 (In Russ.).
6. Latyshev, Yu. V. (2003). Fenomen yumora v sotsialno-informatsionnom vzaimodeystvii (teoretiko-metodologicheskiy analiz) = The phenomenon of humour in social and information interaction (theoretical and methodological analysis): abstract of PhD in Philosophy. Novosibirsk. (In Russ.)

ИТФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THA AUTHOR

Vikulina Maria Alexeevna

PhD (Philology), Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 811.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_39

Вербализация мимики и жестов в русском и испанском языках на материале корпусных данных

А. С. Голубева
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alinagolubeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы языковой репрезентации соматизмов. На примерах из национальных корпусов русского и испанского языков анализируются самые частотные кинесические единицы, выявляются коммуникативные ситуации и эмоциональные состояния, в которых они реализуются. Предполагается, что выделенные соматизмы в той или иной мере отражают невербальное поведение представителей разных этнокультур. В работе обозначена актуальность данной темы и возможность ее дальнейшего изучения с использованием сопоставительного метода.

Ключевые слова: соматизм, невербальные средства коммуникации, кинема, невербальное поведение, коммуникативная ситуация, эмоция

Для цитирования: Голубева А.С. Вербализация мимики и жестов в русском и испанском языках на материале корпусных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 39–48. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_39

Original article

Verbalization of Mimic and Gestures in Russian and Spanish on the Material of Corpus Data

Alina S. Golubeva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alinagolubeva@mail.ru

Abstract. The article deals with the ways of linguistic representation of somatisms. Using examples from the national corpora of the Russian and Spanish languages, the most frequent kinesic utterances are analyzed and the main communicative situations and emotional states in which they are realized are identified. It is assumed that the selected somatisms to a certain extent reflect the non-verbal behavior of representatives of different ethnic cultures. The paper indicates the relevance of this topic and its further in-depth study using a comparative method.

Keywords: somatism, non-verbal means of communication, kineme, non-verbal behavior, communicative situation, emotion

For citation: Golubeva, A. S. (2022). Verbalization of mimic and gestures in Russian and Spanish on the material of corpus data. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 39–48. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_39

ВВЕДЕНИЕ

Сфера общения всегда занимала большое место в жизни социума, что обуславливает актуальность проблемы коммуникации. Традиционно выделяют две ее формы: вербальную и невербальную.

Невербальное общение (невербалика или язык тела) – это передача информации через интонации, жесты, мимику, позы, дистанцию, визуальный контакт, прикосновения. Многие ученые полагают, что иногда посредством каналов невербальной коммуникации можно сказать гораздо больше, чем с помощью слов, поэтому невербалике отводится важная роль в коммуникации.

Так, американский социопсихолог Альберт Мехрабиан вывел знаменитую модель соотношения вербалики и невербалики в межличностной коммуникации: «7 % – 38 % – 55 %». Ученый установил, что с помощью слов передается только 7 % информации, звуковых средств (включая тон голоса, интонацию и т. п.) – 38 %, мимики, жестов, позы – 55 %[1].

Одним из главных инструментов невербального общения становится тело человека, обладающее широким диапазоном средств и способов передачи информации или обмена ею. Трудно себе представить, чтобы люди разговаривали, оставаясь неподвижными, совсем не жестикулируя и без всякого выражения на лице. Соматизмы (части тела, от др.-греч. soma – тело) играют значительную роль в дополнении, подчеркивании, усилении или «сглаживании» вербального смысла.

В современной лингвистике границы термина «соматизм» не определены, каждый исследователь принимает точку зрения, согласованную с целями своей работы. Согласно лингвистическому подходу, соматизмами являются наименования наружных, функционально значимых частей тела человека [Подгорная, 2016]. Лексику, служащую для обозначения частей и областей человеческого тела, называют сомонимической (от греч. soma – тело + onim – имя, название). В данную категорию входят:

- лексемы, обозначающие тело человека,
- названия головы и ее частей,
- названия шеи и туловища человека,
- названия верхних конечностей,
- названия нижних конечностей [Мугу, 2003].

Соматизмы составляют один из древнейших пластов лексики различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка. «Овладев инструментом формирования познания и способностью оперировать им, человек ранее всего облекал в слова и выражения те понятия, которые были ему наиболее близки. Человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [Бердникова, 2000, с. 19].

В. А. Плунгян указывает на то, что обязательная соотнесенность ощущений человека с различными органами его тела является универсальным свойством всех языков, «различие же между конкретными языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной «анатомической карте» человека» [Плунгян, 1991, с. 155].

Слова-соматизмы входят в состав фразеологических единиц, активно участвуют в формировании национального художественного образа человека, выявляют специфику мировосприятия носителей языка и культуры.

Соматизмы в динамике, т. е. части тела в движении, называются *мимикой* и *жестами*. Существует множество классификаций мимики и жестов по различным принципам. Нас же интересует деление на физиологические и коммуникативно значимые. Коммуникативно значимые жесты и мимика противопоставляются физиологическим. «Вот человек почесал в затылке, потому что чешется – это только физиология. Но вот он почесал в затылке в знак озадаченности, досады – это уже передача информации, жест “говорящий”» [Формановская, 2005, с. 180].

Наука, изучающая *мимику и жесты в коммуникации*, называется *кинесика*, а ее объекты – *кинесические средства общения* или просто *кинемы*. В поле исследования кинесики не попадают жестовые языки, символические, ритуальные жесты, жесты узких социальных групп и язык пантомимы, что обусловливается ограниченной сферой их применения, четко очерченной социокультурными и ситуативными контекстами [Крейдлин, 2002, с. 43–45].

Целью статьи является рассмотрение особенностей языковой репрезентации соматизмов в разных ситуациях общения на материале русского и испанского национальных корпусов, выявление сходства и различий в невербальной картине носителей русского и испанского языков.

Объектом исследования являются кинесические выражения, а также коммуникативные ситуации и эмоциональные состояния, в которых они реализуются. Для анализа выбраны кинесические речения с соматизмами *голова*, *глаза*, *брови*.

Предметом исследования выступает специфика вербализации мимики и жестов в данных языках и мимико-жестовые индикаторы коммуникации.

[1] Правило 7–38–55 сформулировано для неконсистентных коммуникаций, т. е. ситуаций, когда слова и невербальные сигналы не совпадали.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить значения соматизмов в разных ситуациях общения;
- выделить и классифицировать коммуникативные ситуации и эмоциональные состояния, в которых участвуют соматизмы;
- найти сходства и различия в вербализации кинесических единиц в испанском и русском языках.

Поиск примеров в национальных корпусах осуществляется с применением фильтра «художественная литература», так как, на наш взгляд именно в этой форме речи представлен самый широкий спектр эмоций и ситуаций общения, что делает данный функциональный стиль безграничным источником для определения поведенческого национального портрета.

СОМАТИЗМЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСАХ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Выбор соматизмов *голова* и *глаза* обусловлен их высокой репрезентативностью в художественных текстах. Также для сравнения был выбран малопредставленный соматизм *брови*.

Для достижения большей репрезентативности и валидности результатов выделенные соматизмы были проверены в следующих формализованных источниках корпусной лингвистики:

- Национальный корпус русского языка (НКРЯ);
- Корпус современного испанского языка Corpus de Referencia del Español Actual (CREA).

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЗМОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСАХ

Соматизм	НКРЯ	CREA
голова / cabeza	36 877	21 277
глаза / ojos	170 706	30 185
брови / cejas	11 170	937

В качестве инструмента исследования используются коммуникативные ситуации или коммуникативные ситуации в сочетании с определенным эмоциональным состоянием, которые сопровождаются невербальным кодом.

Следует отметить, что коммуникативная ситуация не обязательно подкреплена эмоцией. Например, в испанском языке соматизм *ojo* «глаз» часто выступает в коммуникативной ситуации предостережения со значением «осторожно, внимание, берегись» (*исп*. ¡ojo!), в которой эмоция отсутствует. При этом эмоция может существовать только в ситуации общения. Многие исследователи считают, что эмоциональный компонент является одной из составляющих коммуникативного намерения говорящего. У человека как у социального существа все эмоции изначально являются коммуникативными, так как они транслируются на других людей, а при их отсутствии – на сам субъект [Шаховский, 2011].

Поиск по национальным корпусам осуществляется следующим образом: анализируются соматизмы с предикатом (кинемы) в диалоговых и повествовательных репликах автора. В статье рассматриваются только те примеры соматизмов, которые привязаны к коммуникативной ситуации или эмоции. Выделяются типы эмоций и коммуникативных ситуаций, в которых данный соматизм встречается.

Рассмотрим описанный выше алгоритм действий на примере с использованием НКРЯ. Так, для соматизма «глаза» сначала выделяются предикаты «раскрыл», «закатил», «сверкнул» (в мужском и женском роде, в настоящем, прошедшем, будущем времени). Далее осуществляется поиск примеров с данными словосочетаниями в национальном корпусе. Для анализа выбираются примеры среди авторских реплик, в которых соматизм ‘заряжен’ эмоцией или коммуникативным намерением. Приведем несколько примеров употребления соматизмов в художественной литературе:

– Кто бы мог подумать?.. Мешков зло *сверкнул глазами*.

Сонечка *опустила глаза* и тихонько сказала: …

– Вот это да! – широко *раскрыл глаза* Карандаш.

Шувалов *закатил глаза*: – О Господи! Только этого не хватало!

Лиза *вытаращила глаза*. – Какой предатель? Среди нас предатель?

– Молчи, дурак! – громким шепотом вскрикнул Джакоб и испуганно *впился глазами* в щель.

Полученные данные сводятся в таблицу вербализации кинесических единиц (см. табл. 2). В таблице фиксируются кинесические речения и эмоционально наполненные коммуникативные ситуации, в которых встречается соматизм.

Таблица 2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КИНЕСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПО НКРЯ

Соматизм	Кинесическая единица	Коммуникативная ситуация / эмоциональное отношение
глаза	*сверкнул глазами*	злоба, гнев
	опустила глаза	смущение, стыд
	раскрыл глаза	удивление
	закатил глаза	возмущение, раздражение
	вытаращила глаза *впился глазами*	испуг

Таблица 3

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КИНЕСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПО CREA

Соматизм	Кинесическая единица	Коммуникативная ситуация / эмоциональное отношение
ojos	*bajó los ojos*	стыд
	abrió los ojos *levantó los ojos*	удивление, недоумение
	los ojos se clavaron	мольба, страх
	ojos resplandecían de amor	любовь

Таблица 4

СХОДСТВО В ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ПРИ ПОМОЩИ КИНЕСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ С СОМАТИЗМОМ *ГЛАЗ-А / OJO-S*

НКРЯ	CREA	Эмоция
опустила *глаза*	bajó *los ojos*	смущение, стыд
раскрыл *глаза*	abrió *los ojos*	удивление
вытаращила *глаза* впился *глазами*	*los ojos* se clavaron	испуг, страх

Далее рассматриваются примеры из CREA с соматизмом «глаза» (*ojos*). Они сопоставляются с примерами употребления того же соматизма из русского текстового корпуса (см. табл. 3).

Marta *bajó los ojos,* sonrojándose. – «Марта опустила глаза, покраснев»[1].

Don Júbilo *abrió los ojos* de inmediato. No podía creer lo que estaba escuchando. – «Дон Хубило сразу открыл глаза. Он не мог поверить в то, что слышал».

...y cuando *levantó los ojos*, como para efectuar una muda interrogación, se asombró al ver a la tía Clara, ... – «...и когда он поднял глаза, в которых читался немой вопрос, он удивился, увидев тетушку Клару...»

Aquellos *ojos se clavaron* en los suyos como una llamada de socorro, como un grito, como una súplica... – «В его глазах, впившихся в ее, она увидела крик о помощи...»

Pero ahora que sus *ojos resplandecían* de amor... – «Но теперь, когда ее глаза сияли любовью[2]...»

При сравнении примеров из корпусов обнаруживаются параллели в вербализации эмоций по оси *соматизм – языковая репрезентация – эмоциональное состояние* (см. табл. 4).

[1] Здесь и далее перевод автора. – *А. Г.*

[2] Здесь и далее примеры взяты из испанского корпуса CREA с применением фильтра «художественная литература» (ficción).

Таблица 5

ПЕРЕДАЧА ЭМОЦИЙ ПРИ ПОМОЩИ СОМАТИЗМА *БРОВЬ / БРОВИ*

Примеры из НКРЯ	Эмоция
– А зачем ты их таскаешь с собой? – недоуменно *вздернула брови* Лизавета.	*озадаченность*
Женя удивленно *подняла брови*. – Ты о чем?	*удивление*
– Чего врешь! – Ибрагим *насупил брови* и сердито ворочал белками.	*раздражение*
– Опять у соседей была! – *нахмурил брови* голодный муж. – Жрать давай!	*гнев*
– Мальчик из хорошей семьи? – Следователь скептически *приподняла брови*.	*сомнение*

Таблица 6

ПЕРЕДАЧА ЭМОЦИЙ ПРИ ПОМОЩИ СОМАТИЗМА *CEJAS / ENTRECEJO / CEÑO*

Примеры из CREA	Эмоция
La mujer *frunció el ceño*, pensativa. – *Женщина задумчиво нахмурила брови.*	*задумчивость*
Blanca *arrugó el entrecejo*, en un gesto adusto. – *Бланка угрюмо насупила брови.*	*недовольство*
El abogado *enarcó las cejas*, sorprendido. – *Адвокат удивленно поднял брови.*	*удивление*
...me doy cuenta perfectamente de lo que quieres decir – *levantó las cejas* en una enojosa pausa. – *...я отлично понимаю, что ты хочешь сказать – она вскинула брови, повисла неприятная пауза.*	*раздражение*
Adrián *levantó las cejas* con aprensión: – Es imprescindible. – *Адриан в ужасе поднял брови: – Это очень важно.*	*испуг*

Результаты исследования национальных корпусов

Работа с корпусами позволила сделать интересные наблюдения.

Соматизм *бровь / брови*

Как видно из таблицы 1, соматизм *бровь / брови* представлен незначительно в обоих корпусах. Тем не менее он является очень «говорящим», о чем свидетельствуют примеры из обоих корпусов. Кинемы с соматизмом *бровь / брови* передают эмоциональное отношение задумчивости, озадаченности, раздражительности, досады, злости, испуга и др. (см. табл. 5–6).

В испанском корпусе обнаруживаются следующие кинесические выражения: *fruncir el ceño*, *arrugar el entrecejo* (*нахмурить брови*), *enarcar*, *levantar las cejas* (*поднять брови*). Ниже приведена диаграмма, иллюстрирующая количество их употреблений (см. диаграмму 1).

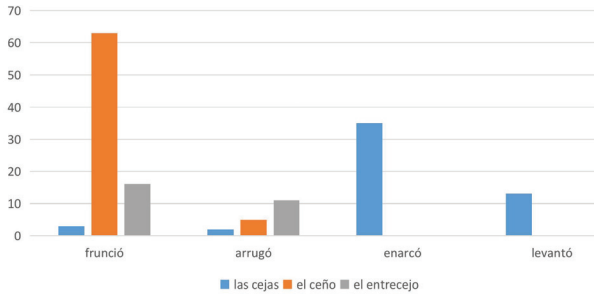

Диаграмма 1. Репрезентативность кинем с соматизмами *cejas*, *ceño* и *entrecejo*

В русском языке предикативный ряд разнообразнее (*поднять, нахмурить, приподнять, вскинуть, насупить, повести, вздернуть*[1]), но в вербализации эмоций участвует только соматизм *брови / бровь*, в то время как в испанском также

[1] Глаголы приведены в порядке убывания количества их употребления в корпусе, где «поднял брови» – 608 случаев, а «вздернул брови» – 26.

Таблица 7

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ КИНЕМЫ *ОТВЕСТИ ГЛАЗА / ВЗГЛЯД* В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСАХ

НКРЯ			CREA			
	глаза	взгляд		los ojos	la mirada	la vista
Отвел/-а	511/171	133/75	Desvió	10	50	28
			Apartó	17	20	15

активно используются соматизмы *межбровье*, *переносица* (*el ceño*, *el entrecejo*). В русском же эти соматизмы встречаются только в описании внешности персонажа.

Также интересно отметить, что в русском языке в вербализации эмоций работает как соматизм *брови* (*поднял брови*), так и *бровь* (*повел бровью*), а в испанском корпусе зафиксирован лишь один случай вербализации эмоции с использованием соматизма *бровь* (с глаголом *levantar*):

> ...y entonces su interlocutor sí levantó *la ceja*. – «...и тогда его собеседник приподнял бровь» (*эмоциональное состояние: интерес*).

Согласно российскому этологу и антропологу М. Л. Бутовской мы могли бы предположить, что соматизм *брови / бровь* используется чаще в вербализации эмоций в испанском языке, чем в русском, в силу исключительной выразительности мимики, которой характеризуются культуры Средиземноморья (итальянская, испанская) [Бутовская, 2004, с. 54]. По данным таблицы 1, соматизм встречается в испанских произведениях в 10 раз реже, чем в русских.

Соматизм *глаза*

Как показывает таблица 1, количество употребления соматизма *глаза* в русском корпусе превосходит частотность его использования в испанском в 6 раз. Данные таблицы 1 подтверждают, что «глаза» – важнейший концепт русской языковой картины мира. Вспомним пословицу: *глаза – зеркало души*. Русские писатели и поэты часто прибегают к данному соматизму в своих произведениях. Поэтому так разнообразен лексический ряд глаголов, сопровождающих данный соматизм, для вербализации эмоций: *поднял, опустил, отвел, вытаращил,*

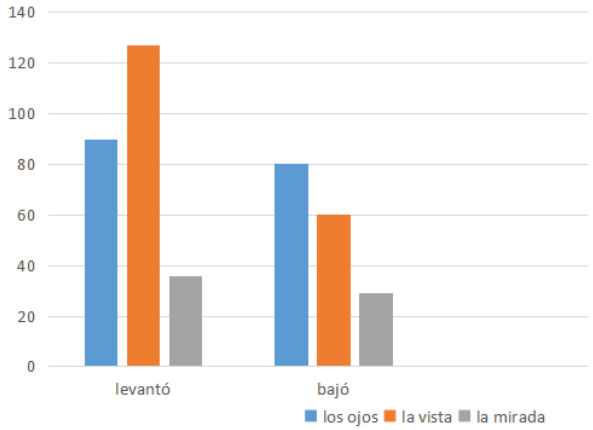

Диаграмма 2. Вербализации кинем в испанском языке с соматизмом *глаза* и лексемой *взгляд*

раскрыл, обвел, закатил, сверкнул, повел, потупил, спрашивал[1].

Показательно также то, что в русском корпусе кинесическое речение с соматизмом *глаза* и лексемой *взгляд* в сочетании с глаголом *отвести* встречается гораздо чаще, чем в испанском. Данная статистика может свидетельствовать о том, что русскому национальному характеру более присущи такие качества, как покорность и смирение, нежели испанскому (см. табл. 7).

Сходная статистика наблюдается в употреблении оборота «опустил глаза»: 755 случаев в НКРЯ против 80 случаев в CREA.

Логично предположить, что антонимичное выражение «уставиться глазами» должно преобладать в испанском корпусе, однако таких примеров мы находим крайне мало: *fijó los ojos* и *fijó la mirada* выявлено по шесть случаев, *fijó la vista* – 17, *clavó los ojos* – 26.

[1] Глаголы приведены в порядке убывания количества их употребления в корпусе, где «поднял глаза» – 1435 случаев, а «спрашивал глазами» – 4.

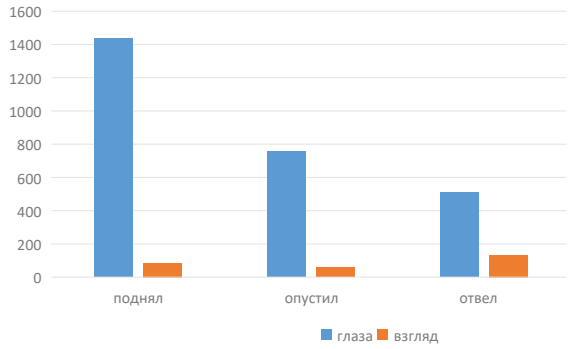

Диаграмма 3. Вербализации кинем в русском языке с соматизмом *глаза* и лексемой *взгляд*

В испанском языке вербализация кинем, содержащих соматизм «глаза», реализуется двояким путем: смыслоразличительную роль играет как соматизм *глаза* (*ojos*), так и два варианта лексемы *взгляд* (*vista* и *mirada*). Иногда соматизм уступает лексеме в частотности употребления:

Однако русский язык отдает предпочтение соматизму (см. диаграмму 3).

В НКРЯ выражение «спрашивал глазами / взглядом» встречается крайне редко, 4 и 2 раза соответственно. Аналогичная ситуация наличествует и в испанском корпусе: фраза **pidió con los ojos / con la mirada* не обнаружена.

Выражение «сверкнуть глазами» в испанском корпусе вербализуется другим способом: соматизм *глаза* присутствует, но вместо глагола «сверкнуть» используется глагол «смотреть»: *mirar con malos ojos*, *mirar de mal ojo*, либо соматизм полностью отсутствует: mirar atravesado. Исходя из того, что испанцы – нация высококинетическая [Крейдлин, 2002, с. 105], мы делаем предположение, что данных речений в испанском корпусе должно встречаться много, однако корпус обнаруживает всего лишь от одного до трех примеров употребления соматизма «глаза» с глаголом «сверкнуть», в то время как в НКРЯ «сверкнуть глазами» встречается 164 раза.

Кинесическое речение «сверкнуть глазами» чаще всего встречается в ситуации с эмоцией злобы. Выражение «сверкнуть глазами» часто сопровождается такими наречиями, как злобно, гневно, грозно, недобро, угрожающе, бешено, страшно. Например: «Он угрожающе *сверкнул глазами* в разные стороны, как мигалка милицейская».

Соматизм *голова*

В НКРЯ соматизм *голова* встречается гораздо реже соматизма *глаза*, но глагольный ряд для вербализации эмоций с соматизмом *голова* так же широко представлен.

Исследование сочетаний «соматизм + предикат» по НКРЯ позволило заключить, что соматизм *голова* чаще всего употребляется с глаголом «покачать» (5300 случаев для субъекта-мужчины и 2191 для субъекта-женщины), хотя имеются также словосочетания с глаголами *кивнуть*, *наклонить*, *качнуть*, *трясти*, *мотать*, *повертеть* и др. Следующее по частотности выражение «поднял голову» встречается 3295 раз. Приведем несколько примеров:

– Что это?
– Она *подняла голову* и недоуменно взглянула на Натана. – В деревню! – вдруг приказал Курцер и *вскинул голову*.

Он не мог смотреть мне в глаза, он *опустил голову* и всхлипнул.

– Нельзя же так! – укоризненно *покачала головой* Маша.

– Хотя… могло быть. – Она задумчиво *кивнула головой*.

– Понял. – Я кротко *наклонил голову*.

Соматизм *голова* участвует в реализации обширного спектра эмоций: *возмущение, озадаченность, досада, приказ, укор, стыд, сомнение, несогласие, неодобрение, сочувствие, внимание, интерес, смирение, покорность* и др.

В испанском корпусе для вербализации эмоций соматизм *голова* встречается с такими глаголами, как *ladear – наклонить*, *mover – покачать*, *мотать*, *asentir – утвердительно покачать*, *torcer – вертеть*, *negar – отрицательно качать*, *bajar – опускать*, *levantar – поднимать*, *sacudir – трясти*, *inclinar – наклонять*, *hundir – уткнуть* и др. Приведем несколько примеров:

– ¿Quieres tomar un café? – *asintió con la cabeza*. – «Не хочешь выпить кофе?» – она утвердительно кивнула головой.

Ladeó la cabeza, arrugó el entrecejo y no contestó. – «Он наклонил голову, нахмурился и ничего не ответил».

El Padre *bajó la cabeza* avergonzado. “Sólo están tratando de protegerla, Marianita…” – «Отец смущенно опустил голову. “Они просто пытаются защитить тебя, Марианита…”»

Con inesperada cortesía se quitó el sombrero, *inclinó la cabeza* y me dijo: – Adiós, señor. – «С неожиданной

Таблица 8

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ КИНЕСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛОМ *ПОДНЯТЬ* (в %)

Кинесическая единица	НКРЯ	CREA
поднял голову / levantó la cabeza	43	53
поднял глаза / levantó los ojos	57	56
поднял брови / levantó las cejas	93	100

учтивостью он снял шляпу, склонил голову и сказал мне: "До свидания, сеньор"».

Mara *movió la cabeza* de un lado a otro en un gesto de desaprobación. – «Мара неодобрительно покачала головой из стороны в сторону».

Рассматривая примеры из испанского корпуса, мы зафиксировали следующие эмоциональные состояния и коммуникативные намерения, передаваемые данными кинесическими единицами: *согласие, смущение, стыд, почтение, интерес, раздражительность, неодобрение* и др.

В отличие от соматизма *глаза* соматизм *голова* представлен примерно в одинаковом количестве в исследуемых корпусах (см. табл. 1). Однако несмотря на это, в испанском языке примеров использования данной лексемы во много раз меньше, нежели в русском. Так, *movió la cabeza* встречается 237 раз, *levantó la cabeza* – 189, *negó con la cabeza* –179, *asintió con la cabeza* – 160, *bajó la cabeza* – 96 раз. Приведенная статистика показывает, что в русском языке соматизм *голова* задействован в передаче эмоций больше, нежели в испанском. Однако испанский язык не уступает русскому в палитре эмоций, которые выражаются посредством соматизма *голова*.

Причем частотность употребления выделенных соматизмов с предикатом в обоих корпусах не является определяющим фактором. Ведь не все сочетания «соматизм + предикат» передают эмоциональное состояние человека. Многие отражают лишь физиологическое действие, лишенное коммуникативного намерения, например:

– Улетел он, что ли? – тоскливо спросил сержант и *поднял глаза* к потолку. В потолке зияла небольшая дыра.

В рамках статьи для сравнения были выбраны словосочетания с глаголом *поднять*, поскольку они могут использоваться как для реализации физического телодвижения, так и для передачи коммуникативного сигнала собеседнику. Результаты приводятся в сопоставительной таблице в процентах (см. табл. 8).

Как уже упоминалось выше, выражение *поднял голову* встречается 3295 раз в русском корпусе. Чуть менее половины этих выражений участвует в передаче эмоции. В испанском же корпусе случаев передачи эмоций посредством той же синтаксической фигуры значительно больше.

Коммуникативные показатели выражения *поднял глаза* в двух корпусах совпадают. Чуть более половины случаев использования данного выражения являются кинесическими, т. е. передающими коммуникативное намерение, эмоцию.

Выражение *levantó las cejas* во всех примерах, представленных в корпусе, подкреплено эмоцией. НКРЯ демонстрирует сходную ситуацию. Выражение *поднял брови* является кинемой в 93 % случаев: из 30 примеров только в двух данное выражение не передает эмоциональное состояние.

В результате подсчета видно, что оба корпуса демонстрируют сходную репрезентативность кинесических единиц с выделенными соматизмами и предикатом *поднял*.

На основании полученных статистических данных представляется возможным выявить некоторые закономерности и сформировать парадигмы телесного поведения, присущие каждому из взятых этносов, избранных для анализа.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- соматизмы *голова*, *глаза* и *брови* передают самый широкий спектр эмоций в разных ситуациях общения: *восхищение, гнев, удивление, недовольство, страх, интерес, досада, стыд* и др.;
- в обоих корпусах обнаруживаются как параллели, так и различия в вербализации кинесических единиц;

- в испанских произведениях соматизм *брови* встречается реже, чем в русских, но для него характерны те же закономерности, что и для двух других выделенных соматизмов: он участвует в кинесических процессах вербализации эмоций, реализуя когнитивные сценарии задумчивости, озадаченности, удивления, раздражительности, страха и др.;
- испанский язык отдает предпочтение парному соматизму *брови*;
- в испанском языке соматизм иногда уступает производной от него лексеме в частотности употребления, а в русском соматизм преобладает (*ojos* – *vista*, *глаза* – *взгляд*);
- среди выбранных в рамках статьи соматизмов соматизм *глаза* является доминантой для русской художественной литературы по результатам сравнения двух лингвистических корпусов, при этом в вербализации эмоций по количеству примеров доминирует соматизм *голова* (почти в 4 раза);
- в НКРЯ для субъекта-мужчины кинесических выражений с выделенными соматизмами зафиксировано в два раза больше, чем для субъекта-женщины;
- соматизм *голова* является более «говорящим» в русском языке, однако оба языка вербализуют широкий спектр эмоций через данный соматизм;
- некоторые кинесические единицы задействованы в равном объеме в обоих корпусах.

В дальнейшем планируется определить соматические доминанты, характерные для каждой этнокультуры, что позволит:

- реконструировать соматический код культуры, закрепленный в языке,
- выявить специфику мировосприятия носителей языка и культуры и составить представление о поведенческом национальном портрете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подгорная В. В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2016.
2. Мугу Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2003.
3. Бердникова Т. А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000.
4. Плунгян В. А. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 155–160.
5. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: ИКАР, 2005.
6. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
7. Шаховский В. И. Дискурсивность эмоций в человеческой коммуникации. 2011. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnost-emotsiy-v-chelovecheskoy-kommunikatsii
8. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004.

REFERENCES

1. Podgornaya, V. V. (2016). “Naivnaya anatomiya” v anglijskoj yazykovoj kartine mira = “Naive anatomy” in the English language view of the world: abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Mugu, R. Yu. (2003). Polisemantizm somaticheskoj leksiki (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov) = Polysemanticism of somatic vocabulary (on the material of the German and Russian languages): abstract of PhD in Philology. Maikop. (In Russ.)
3. Berdnikova, T. A. (2000). Leksiko-frazeologicheskoe pole somatizmov (na materiale arhangel’skih govorov) = Lexico-phraseological field of somatisms (on the material of the Arkhangelsk dialects): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Plungyan, V. A. (1991). K opisaniiu afrikanskoi “naivnoi kartiny mira” (lokalizatsiia oshchushchenii i ponimanie v iazyke dogon) = To the description of the African “naive picture of the world” (localization of sensations and

understanding in the Dogon language). In N. D. Arutyunova (ed.), Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty (pp. 155–160). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Formanovskaya, N. I. (2005). Kul'tura obshcheniya i rechevoj etiket = Culture of communication and speech etiquette. Moscow: IKAR. (In Russ.)
6. Krejdlin, G. E. (2002). Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyj yazyk = Non-verbal semiotics: Body language and natural language. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
7. Shakhovsky, V. I. (2011). Diskursivnost' emocij v chelovecheskoj kommunikacii = Discursiveness of emotions in human communication. https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnost-emotsiy-v-chelovecheskoy-kommunikatsii
8. Butovskaya, M. L. (2004). Yazyk tela: priroda i kul'tura = Body language: nature and culture. Moscow: Nauchnyj mir. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубева Алина Сергеевна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golubeva Alina Sergeevna

Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_49

Социальная реклама как жанр медиатекста

Е. Ю. Дедюрина
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
katerinadedyurina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальной рекламы как жанра медиатекста. Понятие «медиатекст» придает традиционному понятию «текст» новую трактовку. Одним из жанров медиатекста является социальная реклама. Целью статьи является выявление характерных особенностей социальной рекламы как жанра медиатекста. В ходе анализа были выделены следующие характерные признаки данного типа текста: динамичный характер, многомерность, аксиологический потенциал, отражение культуры и современных проблем общества.

Ключевые слова: медиатекст, реклама, социальная реклама, аксиологический потенциал, динамичный характер

Для цитирования: Дедюрина Е. Ю. Социальная реклама как жанр медиатекста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 49–53. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_49

Original article

Social Advertising as a Genre of Media Text

Ekaterina Iu. Dediurina
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
katerinadedyurina@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of social advertising as a genre of media text. Media text adds a new interpretation to the traditional concept of “text”. One of the media text genres is social advertising. The purpose of the article is to identify the characteristic features of social advertising as a genre of media text. During the analysis, the following characteristic features of this type of text were identified: dynamic nature, multidimensionality, axiological potential, reflection of culture and modern problems of society.

Keywords: media text, advertising, social advertising, axiological potential, dynamic nature

For citation: Dediurina, E. Iu. (2022). Social advertising as a genre of media text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 49–53. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_49

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день наблюдается повышенный интерес к функционированию текстов в СМИ. В связи с появлением новых информационных технологий традиционные СМИ претерпели существенные изменения, а в поле зрения исследователей, в том числе лингвистов, появились новые понятия, такие как «медиалингвистика» и «медиатекст». Согласно научному убеждению Т. Г. Добросклонской [Добросклонская, 2005], одним из видов медиатекста является реклама. Реклама, в свою очередь, включает в себя такой жанр рекламного текста, как социальная реклама (СР). СР является одним из инструментов формирования социальных ценностей, так как она привлекает общественное внимание к значимым социальным проблемам. В настоящей статье социальная реклама будет рассмотрена сквозь призму медиатекста с целью выявления характерных признаков медиатекста.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ТИПЫ МЕДИАТЕКСТА

Прежде чем дать определение и рассмотреть основные характеристики медиатекста, обратимся к понятию «средства массовой информации».

Т. Г. Добросклонская определяет средства массовой информации (СМИ) как «совокупность технических средств, общественных организаций и человеческих ресурсов, которые задействованы в массовом распространении информации» [Добросклонская, 2005, с. 15]. Соответственно, массовая коммуникация является «процессом распространения этой информации» [там же].

Понятие «медиатекст» появилось в конце XX века в связи с возрастающей ролью средств массовой информации в обществе [Чичерина, 2008]. Медиатекст является объектом исследования журналистики, медиалингвистики, социологии и многих других наук ввиду своей многоплановости. Согласно концепции Н. В. Чичериной, принадлежность медиатекста к массовой коммуникации придает понятию «текст» новую трактовку [там же].

И. В. Рогозина предлагает следующее определение медиатекста, подчеркивая его социальный аспект: медиатекст представляет собой «достаточно подвижное, регулируемое социально-речевое образование, обеспечивающее решение как коммуникативных, так и иных задач, а также как инструмент формирования общественного мнения внутри данного социума и за его пределами» [Рогозина, 2003, с. 127]. Из данного определения следует, что медиатекст играет заметную роль в жизни общества и имеет своей целью не только информировать массовую аудиторию о тех или иных событиях и явлениях, но также оказывать разного рода воздействие на социум. Данное определение видится нам важным для нашего исследования, так как оно позволяет рассматривать социальную рекламу именно как медиатекст в связи с тем, что тексты СР направлены на решение не только коммуникативных задач, но и задач, связанных с изменением поведенческих установок представителей социума.

Так как выделить единую и универсальную типологию медиатекстов представляется сложным, обратимся к классификации Г. С. Мельник, которая подтверждает вышеизложенную идею воздействия медиатекста на общество. Г. С. Мельник выделяет следующие типы медиатекстов по степени воздействия на аудиторию:

1) тексты, рассчитанные на одновременное воздействие и на конкретные социальные институты или конкретных лиц, и на сознание массовой аудитории;
2) тексты, целью которых является воздействие на сознание массовой аудитории, принципиально рассчитанные на немедленный отклик какого-либо лица или социального института;
3) тексты, рассчитанные на немедленную реакцию, требующие вмешательства в реальную действительность и не рассчитанные на воздействие на сознание массовой аудитории;
4) тексты нейтральные, информирующие, просвещающие и не рассчитанные на немедленную реакцию [Мельник, 1996, с. 136].

На наш взгляд, тексты СР могут относиться как к первой рубрике вышеупомянутой классификации, так и к четвертой. СР нацелена воздействовать на определенную категорию лиц (например, реклама против курения обращена в первую очередь к курящим людям) и на сознание массовой аудитории (реклама, посвященная экологии или семейным ценностям обращена к массовой аудитории). Также СР относится к просвещающим текстам, действие которых рассчитано на длительную перспективу и которые не требуют незамедлительной реакции. Долгосрочный характер достижения некоторых целей, которые преследует СР, объясняется тем, что изменение человеческих привычек является довольно долгим и осознанным процессом.

ДИНАМИЧНЫЙ ХАРАКТЕР МЕДИАТЕКСТА

Помимо возрастающей роли СМИ в обществе Т. Г. Добросклонская, а также ряд других исследователей (Н. В. Чичерина, Я. Н. Засурский) отмечают

динамичный характер средств передачи информации. На сегодняшний день передача информации осуществляется не только посредством классической печатной прессы или теле- и радиовещания, но и с помощью Интернета.

Я. Н. Засурский подчеркивает, что текст СМИ существует «в нескольких средах – и в бумажном виде, и в звучащем, и в визуальном» [Засурский, 2007, с. 6]. Из наблюдения Я. Н. Засурского остается заключить, что семиотические границы рекламного текста подвижны не только на уровне канала передачи информации, но и на уровне форм, которые принимают средства массовой информации. Таким образом, помимо теле- и радиотекста и прессы к средствам массовой информации относят кинематограф, рекламные щиты и панели. Социальная реклама принимает такие формы, как рекламные афиши на улицах города и в Интернете, видеоролики на телевидении и в Интернет-пространстве. Особенно важно отметить тот факт, что рекламные щиты являются частью СМИ. Данное обстоятельство дает нам возможность рассматривать рекламные афиши, которые располагаются на городских рекламных щитах, как медиатекст.

Я. Н. Засурский рассматривает медиатекст как «новый коммуникационный продукт» [Засурский, 2007, с. 6], опираясь на вышеописанные изменения, происходящие в текстах СМИ. Данный подход к анализу медиатекста позволяет нам заключить, что система медиатекстов, в том числе и текст социальной рекламы, находится в постоянной динамике: текст проходит через различные каналы и с развитием технологий получает все новые и новые способы для распространения, в связи с чем претерпевает различные изменения.

МНОГОМЕРНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА

Одной из важных особенностей медиатекстов является их многомерность, т. е. «интеграция разнородных компонентов (вербальных, визуальных и др.) в едином смысловом пространстве текста» [Чичерина, 2008, с. 12]. Из наблюдения Чичериной следует, что медиатекст представляет собой гибридную структуру, состоящую из разнотипных элементов, которые объединяются в единое целое для передачи информации.

Такая особенность медиатекста объясняется ускорением ритма жизни, следовательно, возникновением необходимости передачи большого объема информации в сжатом виде, что позволяет затрачивать меньше времени на обработку получаемой информации. Т. Г. Добросклонская считает, что «концепция медиатекста выходит за пределы системы вербального уровня, приближает к семиотическому толкованию понятие текст, которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков» [Добросклонская, 2005, с. 29].

Афиши социальной рекламы являются примером креолизованного текста, так как на плакате в равной степени важную роль играет как изображение, так и вербальная составляющая плаката (слоган), которые формируют целостное восприятие информации. Стоит отметить, что плакаты обладают ограниченным потенциалом, если сравнивать их с видеороликами, в связи с чем задача сделать плакат максимально информативным с использованием минимальных средств воздействия видится нам достаточно сложной.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАТЕКСТА

Рассмотрим функции медиатекста. Согласно научному убеждению В. В. Варченко, «первичной функцией медиатекста является информирование населения и формирование общественного мнения, а вторичными – развлекательная, образовательная, рекламная и идеологическая» [Варченко, 2012, с. 7]. Всю информацию, которую человек получает о том, что происходит в мире, он получает с помощью медиатекста. К примеру, медиатекст может информировать население о событиях, происходящих в стране или за рубежом (новости), о предстоящих мероприятиях (анонсы) и т. д.

На наш взгляд, функции, отмеченные как вторичные, не стоит воспринимать как второстепенные, так как они являются неотъемлемой частью медиатекста и могут выходить на первый план в отдельных типах медиатекста, например такого, как социальная реклама. СР выполняет не только информативную функцию, оповещая население о проблемах социума, но также воспитательную и образовательную функции. Образовательная функция заключается в объяснении существующей социальной проблемы и предложении путей ее решения. Воспитательная функция связана с формированием определенных взглядов и убеждения человека.

И. В. Еврофеева отмечает, что медиатекст – это не только «инструмент для хранения и передачи информации», но и «средство трансформации ценностей» [Ерофеева, 2010, с. 21]. В связи с дефиницией Ерофеевой можно говорить о том, что медиатекст, в том числе текст социальной рекламы, обладает определенным аксиологическим потенциалом, отражает ценностные ориентиры общества. Ценностные ориентиры обусловливают

отношение личности к окружающей ее действительности. Таким образом, социальная реклама ставит перед собой целью изменение отношения общества к общественно важной социальной проблеме, а также формирование новых социальных ценностей. К ценностям, которые формирует СР, можно отнести следующие: общечеловеческие ценности (*добро*, *жизнь*), морально-этические ценности (*порядочность*), социальные ценности (*равенство*, *солидарность*) и т. д. Однако стоит отметить, что процесс формирования ценностей является достаточно долгим, в связи с чем можно утверждать: результаты воздействия социальной рекламы могут быть видны только через несколько лет после запуска той или иной рекламной кампании.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

Стоит отметить, что одной из характеристик медиатекста является отражение современных проблем общества. Так как СМИ транслируют актуальную для общества информацию, тематика медиатекстов тесно связана с конкретным социально-историческим периодом. Социальная реклама также реагирует на различные изменения, происходящие в том или ином социуме или на мировой арене. К примеру, круг социальных проблем, отраженных в социальной рекламе, с каждым годом растет, вовлекая в поле зрения проблемы, которые ранее оставались в тени. Так, в связи с пандемией коронавируса во всем мире резко возросло количество медиатекстов, посвященных данной проблеме. Во Франции, например, также набирает популярность социальная реклама, посвященная толерантности и правам женщин, что указывает: социальная реклама отражает проблемы, которые остро стоят в данный исторический период для данного общества.

Социальная реклама, как и всякий медиатекст, обладает национально-культурной спецификой, так как авторы рекламных текстов зачастую апеллируют к общему культурному фонду нации, который может быть представлен в виде прецедентных феноменов, пословиц или известных цитат.

ВЫВОДЫ

Медиатекст играет важную роль в жизни общества и имеет своей целью не только информировать массовую аудиторию, но и оказывать разного рода воздействие. Социальная реклама является одним из жанров медиатекста, поскольку тексты СР направлены на решение не только коммуникативных задач, но и задач, связанных с изменением поведенческих установок представителей социума. Анализ социальной рекламы через призму медиалингвистики позволяет нам выделить ряд характеристик медиатекста.

1. Динамичность медиатекста. Система медиатекстов, в том числе и текст социальной рекламы, находится в постоянной динамике: текст проходит через различные каналы и с развитием технологий получает все новые и новые способы для распространения, в связи с чем претерпевает различные изменения.
2. Многомерность медиатекстов. Социальная реклама является текстом, представляющим собой гибридную структуру, состоящую из разнотипных элементов, которые объединяются в единое целое для передачи информации.
3. Аксиологический потенциал. Медиатекст, в том числе текст социальной рекламы, обладает определенным аксиологическим потенциалом, отражая ценностные ориентиры общества. Социальная реклама ставит перед собой целью изменение отношения общества к общественно важной социальной проблеме, а также формирование новых социальных ценностей.
4. Отражение культуры и современных проблем общества. Так как СМИ транслируют актуальную для общества информацию, тематика медиатекстов тесно связана с конкретным социально-историческим периодом. Круг социальных проблем, представленных в текстах СР, обусловлен различными изменениями, происходящими в обществе. Тексты СР обладают также этнокультурной спецификой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к описанию языка СМИ // Журналистика 2004. СМИ в многомерном мире. М., 2005. С. 28–34.
2. Чичерина Н. В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. Москва: URSS, 2008.

3. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: монография. Москва-Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003.
4. Мельник Г. С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.
5. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сборник статей / сост. Г. Я. Солганик. М., 2007. С. 7–13.
6. Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте. 2-е изд. М.: Книжный дом « ЛИБРОКОМ», 2012.
7. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2010.

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T. G. (2005). Medialingvistika: sistemnyj podhod k opisaniyu yazyka SMI = Media linguistics: a systematic approach to the description of the media language. In Zhurnalistika 2004. SMI v mnogomernom mire (pp. 28–34). Moscow. (In Russ.)
2. Chicherina, N. V. (2008). Mediatekst kak sredstvo formirovaniya mediagramotnosti u studentov yazykovyh fakul'tetov = Media text as a means of forming media literacy among students of language faculties. Moscow: URSS. (In Russ.)
3. Rogozina, I. V. (2003). Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskij aspect = Media view of the world: cognitive-semiotic aspect: a monograph. Moscow–Barnaul: Izdatel'stvo AlTGTU. (In Russ.)
4. Mel'nik, G. S. (1996). Mass Media: Psihologicheskie processy i effekty. = Mass Media: Psychological processes and effects. St. Petersburg: St. Petersburg University. (In Russ.)
5. Zasurskij, Ya. N. (2007). Mediatekst v kontekste konvergenicii = Media text in the context of convergence. In G. Ya. Solganik, Yazyk sovremennoy publitsistiki (pp. 7–13): collection of papers. (In Russ.)
6. Varchenko, V. V. (2012). Citatnaya rech' v media-tekste. = Quotation speech in media text. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom « LIBROKOM». (In Russ.)
7. Erofeeva, I. V. (2010). Aksiologiya mediateksta v rossijskoj kul'ture: reprezentaciya cennostej v zhurnalistike nachala XXI v. = Axiology of media text in Russian culture: Representation of values in journalism at the beginning of the 21st century: abstract of Senior Doctorate in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дедюрина Екатерина Юрьевна

старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dediurina Ekaterina Iurievna

Senior Lecturer, Department of French Phonetics and Grammar,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 81'33:371
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_54

Влияние ключевых концептов немецкоязычного юридического дискурса на формирование личности будущего специалиста

Е. В. Думина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
dumina@list.ru

Аннотация. Статья посвящена ведущим концептам в немецкоязычном юридическом дискурсе и анализу их влияния на профессиональную картину мира российского специалиста юридического профиля. В статье доказывается, что при когнитивно-коммуникативном подходе в процессе обучения иноязычному профессионально ориентированному дискурсу в правовой сфере ключевые концепты «закон», «преступление», «наказание» оказывают воздействие на формирование правосознания и мышления личности юриста в России.

Ключевые слова: концепт, профессиональная концептосфера, юридический дискурс, личность юриста, правосознание, профессиональная правовая культура, язык специальности

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-012-00466.

Для цитирования: Думина Е. В. Влияние ключевых концептов немецкоязычного юридического дискурса на формирование личности будущего специалиста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9(864). С. 54–60. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_54

Original article

The Influence of the Key Concepts of the German Legal Discourse on Forming Future Lawyers' Identity

Evgenia V. Dumina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
dumina@list.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the leading concepts in the German legal discourse and the analysis of their influence on the professional worldview of the Russian legal specialist. The author concludes that with a cognitive-communicative approach in the process of teaching a foreign language professionally oriented discourse in the legal sphere, the key concepts "law", "crime", "punishment" under study have an impact on the formation of legal consciousness and thinking of a lawyer's identity in Russia.

Keywords: concept, system of professional concepts, legal discourse, lawyer's identity, legal consciousness, professional legal culture, LSP

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00466.

For citation: Dumina, E. V. (2022). The influence of the key concepts of the German legal discourse on forming future lawyers' identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 54–60. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_54

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес философов, лингвистов, психолингвистов, лингвокогнитивистов, правоведов, культурологов к одной из самых неоднозначных лингвистических проблем – к проблеме содержания юридических концептов в различных правовых культурах и их языкового воплощения в сознании и профессиональной деятельности юриста – связан во многом с неоднозначностью возможных интерпретации юридических концептов. Она обусловлена принадлежностью многих фактов юридического языка к междисциплинарной сфере.

Актуальность исследования профессиональных концептов в юридическом дискурсе в параметрах современной когнитивной лингвистики трудно приуменьшить: она обусловлена необходимостью изучения таких различных, но взаимосвязанных явлений, как язык и право, язык и мышление. Эти многоразличные факторы оказывают бесспорное влияние на становление личности юриста, на характер ее профессиональной ментальности, ее социального поведения. Необходимый компонент профессиональной подготовки юристов в вузе – это иностранный язык. Причем его преподавание не изолировано от всей совокупности навыков, необходимых для будущего юриста. В рамках освоения дисциплины «Иностранный язык» обеспечивается целостное погружение обучающихся в реальную профессиональную деятельность. Оно способствует не только формированию профессиональной компетентности, но и разностороннему личностному развитию будущего специалиста в конкретной предметной области.

Многоступенчатые ментальные процессы, процессы восприятия и осмысления знаний, полученных в рамках общеязыкового курса иностранного языка и в результате усвоения профессионального (юридического) языка в вузе, порождают в сознании индивида целостную картину мира – концептуальную, языковую, профессиональную. При этом программные факторы познавательных процессов выполняют как регулятивную, так и стимулирующую роль. В настоящее время вопрос сознательного и целенаправленного воздействия иностранного языка в сфере профессионального общения на внутренние когнитивные процессы, на систему ценностей, на социальное поведение индивида, а также на формирование его профессионально значимых качеств, включая их трансформацию на разных этапах овладения дискурсивным компонентом иноязычной коммуникативной компетенции, остается дискуссионным. В основу исследования положена гипотеза, согласно которой при успешном практическом освоении иностранного (немецкого) языка профессиональной направленности у будущих специалистов юридического профиля формируются правовые стереотипы и социально полезные установки. Они входят в структуру профессионального правосознания личности, что проявляется в ее способности эффективно решать коммуникативные задачи в профессиональной деятельности.

Ассоциативный эксперимент, проведенный на базе Московского государственного лингвистического университета среди студентов I–V курсов, изучающих немецкий язык и юриспруденцию, дал возможность

- проанализировать доминирующие правовые ценности и идеи, входящие в современную правовую идеологию как российскую, так и немецкую;
- проследить динамику изменений содержания концептов, входящих в профессиональную концептосферу студента-юриста и представленные в концептуальном виде в современном немецкоязычном и российском правовом дискурсе.

В ходе проведённого исследования было установлено, что профессиональные концепты юридической сферы формируются постепенно средствами иностранного языка и претерпевают различного рода изменения в процессе иноязычной речевой деятельности студента.

КОНЦЕПТ КАК МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Прежде всего, хотелось бы сказать, что практически любая трудовая деятельность тесно связана с коммуникативным взаимодействием в различных ситуациях профессионального общения. Помимо умения выполнять свою работу на высоком уровне показателем профессионализма является грамотное владение общей и профессиональной культурой речи. Она включает в себя знание и обязательное соблюдение норм профессионального этикета, норм культуры социального поведения, а также норм коммуникации во всех ее формах (вербальная / невербальная), видах (формальная / неформальная), типах (межкультурная / межличностная / межгрупповая).

Из сказанного следует, что язык, используемый в целях общения или обмена информацией между языковыми личностями, представителями того же или иного лингвосоциума, выступает в качестве основного инструмента речевой деятельности и познания мира. Примечательно также то, что

носители различных лингвокультур могут иметь схожие концептуальные картины мира, и в то же время у представителей одной культуры и говорящих на одном или родственных языках может обнаруживаться различное мировидение, различное восприятие окружающей действительности, различное понимание внутреннего мира человека. Согласно лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта язык выступает не как средство заранее заданного понимания этнокультурных картин мира, а как инструмент, с помощью которого в процессе умственной деятельности человек сам познает и интерпретирует мир. В своих работах В. Гумбольдт делает акцент на том, что язык и мышление не существуют взаимно изолированно, мышление возможно только благодаря языку. Выдающийся немецкий ученый выдвинул идею неразрывного единства языка и мышления. Согласно концепции Гумбольдта, язык как деятельность человеческого духа способен воздействовать на мыслительные структуры человеческого сознания и мировосприятия, на систему слов-понятий и систему ценностей человека[1].

Также трудно не согласиться с точкой зрения Й. Л. Вайсгербера. Он утверждал, что язык способствует формированию у индивида единой картины мира, а языковая деятельность оказывает влияние не только на то, как мы понимаем и воспринимаем предметы, но и определяет, какие из них мы подвергаем определенной смысловой переработке [Вайсгербер, 2004; Пищальникова, 2019, с. 16] На основании всего вышеизложенного логично прийти к выводу: два глобальных феномена, «язык» и «мышление», сосуществуют в исторически обусловленном единстве. Оно присутствует в сфере культуры, в сфере социума и в сфере профессионального общения.

В результате таких познавательных процессов, как ощущение, восприятие, воображение возникают некие глобальные абстрактные, мыслительные единицы – концепты, материализующиеся языком и хранящиеся в памяти индивида [Котлярова, 2012]. При всем разнообразии научных концепций мышления и речи почти все ученые (Н. Н. Болдырев, З. Д. Попова, В. А. Маслова, С. А. Аскольдов, А. А. Худяков) отмечают когнитивную природу концепта и признают его единицей мышления, а язык называют средством доступа к сознанию человека. Как считает абсолютное большинство гуманитариев, в языке формируются концепты в виде всех мыслительных картинок, понятий, фреймов и схем. Они аккумулируют в себе признаки внешнего мира, а также актуальные для конкретного временного отрезка семантико-символические смыслы и ценности, которые могут быть выражены посредством языка. Вместе с тем, – подчеркивают А. П. Бабушкин и И. А. Стернин, – «через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания общества, группы и отдельного человека» [Бабушкин, Стернин, 2018, с. 5]. В настоящей статье мы придерживаемся предложенного Е. С. Кубряковой определения понятия концепта как «оперативной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира в виде неких «квантов» знания» [Кубрякова, 1996, с. 90–92]. В этой связи логично предположить, что, изучение лексико-семантической репрезентации концепта позволяет грамотно оперировать теми или иными языковыми средствами, способствует адекватному выбору смысловых элементов для точного понимания предметного содержания производимых и воспринимаемых слов в ситуации речевого общения.

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЮРИСТА

Вопрос формирования профессиональных концептов посредством изучаемого иностранного языка вызывает интерес ученых, которые стоят на позициях интегрирующего характера языка в становлении специалиста, в формировании его профессиональной картины мира, в развитии профессионального самосознания [Корж, 2016]. В настоящей статье мы исходим из того, что, будучи разновидностями общелитературного языка, как родной (национальный), так и иностранный (немецкий) язык создают почву для самореализации и продуктивного общения людей, связанных единой сферой профессиональной деятельности, едиными ценностями и интересами. Объясняется это тем, что единое смысловое поле той или иной профессии располагает к межъязыковой коммуникации, поскольку для каждого профессионального сообщества характерны свои базовые концепты. И хотя профессиональные концепты не лишены эмоционально-ценностных или образных составляющих, они содержат понятийные, смысловые, узкотерминологические компоненты и тяготеют к системному представлению об окружающем мире, о выбранной профессии [Науменко, 2015]. Кроме того, профессиональные концепты, актуализированные в деятельности специалиста, имеют свою когнитивную специфику. Она выражается

[1] Цит. по: [Романенко, 2010].

в лексико-семантической репрезентации широкого спектра объектов и явлений действительности. Можно с достаточной определенностью сказать, что профессиональная коммуникация способствует вербальному оформлению мыслительных процессов, которые возникают при получении юристом новых профессиональных знаний или новой информации. Несмотря на то, что лексическим единицам в иноязычном профессиональном дискурсе свойственна своя этнокультурная специфика, существуют универсальные юридические категории. В тех или иных коммуникативных ситуациях они выразительно вербализуются и получают эмоциональную окраску.

Профессии, связанные с правом, традиционно причисляют к социально значимым, т. е. без них невозможно прогрессивное развитие общества и улучшение качества жизни населения. Так, рассуждая о деятельности, связанной с нормами права и основанной на строжайшем соблюдении закона, нужно, несомненно, учитывать, что для всех современных юридических профессий (прокурора, судьи, следователя, адвоката, юрисконсульта, нотариуса, оперативного работника и др.) характерны высокая эмоциональность, психическое напряжение, этическая обязательность, абсолютная самодисциплина. Все перечисленные качества профессионального юриста формируются благодаря повышенным требованиям, предъявляемых к блюстителям правопорядка как в России, так в Германии. Поскольку основным элементом профессиональной деятельности юриста является толкование права, нет нужды доказывать, что от точности интерпретации правовых текстов, которые зачастую имеют максимально пространные формулировки, от установления их подлинного смысла напрямую зависит правильность понимания и применения закона. Несмотря на существующие в мировой юридической практике единые правила интерпретации правовых норм, немало зависит от личности специалиста-интерпретатора. Именно на нем в первую очередь лежит ответственность за результаты дискурсивного анализа юридического текста. Принцип анализа такого текста / фрагмента текста заключается в соотнесении устойчивой юридической нормы с новым смыслом, который обусловлен теми или иными юридическими факторами.

При этом, как известно, в юриспруденции не может быть двух правильных толкований одной нормы. Между тем, получая новое знание из имеющихся знаний и постигая правовую реальность, студенты-юристы вырабатывают особое профессиональное мышление, они начинают видеть реальный мир в ином качестве. Е. В. Васьковский, указывая на важность формирования профессиональной компетентности юриста, включая способность к самостоятельным правовым суждениям, основанным на интуиции или обыкновенном здравом смысле, в качестве доказательства приводит цитату знаменитого немецкого правоведа Георга Фридриха Пухты: «От крайностей должны охранять юриста здравый юридический такт и разум; внешние же правила полезны только слабым головам, избавляя их от самостоятельного мышления, но таким лицам лучше вообще не браться за толкование» [Васьковский, 1913, с. 6].

В данном контексте совершенно очевидно, что в своей работе прокурор или судья не должны действовать и принимать решения, исходя из своего эмоционально окрашенного отношения к участникам процесса и другим лицам, присутствующим в зале судебного заседания, а должны руководствоваться исключительно здравым смыслом, логикой, правом, проявляя при этом сдержанность и корректность.

Резюмируя предшествующие рассуждения, мы убеждаемся, что одновременное погружение в юридическую профессию и углубленное изучение иностранного (немецкого) языка, знакомство с другой правовой культурой и реалиями государственно-правовой действительности Германии может привести к кардинальным структурным изменениям в личности обучаемого. Мы можем прогнозировать, что в процессе иноязычной речевой деятельности по мере накопления теоретического и практического багажа знаний, навыков и умений в предметной области, по мере обретения личностно-профессионального опыта у будущего юриста меняется профессиональная картина мира: в нее привходят элементы, присущие представителям другой правовой культуры. Попутно у учащихся вырабатываются навыки реальной межъязыковой коммуникации в профессиональной сфере, поскольку, погружаясь в юридическую материю и иноязычную среду, речь и мышление будущих юристов приобретают профессиональный характер.

РЕЗУЛЬТАТЫ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Вопрос влияния иностранного языка на формирование профессиональной картины миры и становление личности специалиста в рамках профессиональной подготовки в высших учебных заведениях до сих пор остается дискуссионным.

В марте 2022 г. на базе Московского государственного лингвистического университета мы

провели ассоциативный эксперимент, который имел своей целью:

- определить основные концепты юридической сферы в правовом языковом сознании будущих юристов в соответствии с их восприятием и ощущением окружающей действительности, в том числе и языка немецкого концептоносителя;
- выстроить и описать механизм формирования концепта в процессе познания и осмысления ценностно-мировоззренческих ориентаций в русле юридического дискурса;
- проследить динамику изменений личностных характеристик будущего юриста.

В описываемом ассоциативном эксперименте приняли участие 109 студентов (52 девушки и 57 юношей), обучающихся на I–V курсах по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета), 40.05.02 «Правоохранительная деятельность». Испытуемые – респонденты в возрасте от 18 до 23 лет, их объединяло параллельное изучение дисциплин юридического цикла и немецкого языка как основного (первого) иностранного языка.

С целью получения более точных данных мы сформировали список профессионализмов, которые, по нашему мнению, позволят нам зафиксировать актуальное значение слова как реальности языкового сознания носителя языка.

В качестве примера из множества включенных в анкету языковых единиц профессиональной коммуникации из речи юристов мы отобрали три слова-стимула: «das Gesetz» (закон), «das Verbrechen» (преступление), «die Strafe» (наказание), вызывающие с большой долей вероятности определенные эмоциональные реакции, ассоциации в сознании обучающихся. В ходе анкетирования испытуемым предлагалось записать без раздумий первое возникшее у него в сознании слово / словосочетание или создать изображение, связанное с данным словом. Количество реакций не ограничивалось, в ответах-реакциях допускались слова разных частей речи.

Обработка и унификация анкет свободного ассоциативного эксперимента показала, что у студентов I–II курсов, которые только входят в юридическую профессию, возникают ассоциации, представляющие собой главным образом результат жизненного опыта и накопленных знаний:

- *das Gesetz* – конституция, суд, судья, президент, право, порядок, полиция, правило, нарушать, тюрьма;
- *das Verbrechen* – тюрьма, наказание, преступник, пистолет, криминал, суд, полиция, убийство, бандит, Достоевский;
- *die Strafe* – тюрьма, преступление, наказать, полиция, суд, ребенок, ремень, закон, родители, Достоевский.

При сравнении в динамике развития от третьего к пятому курсу прослеживаются значительные изменения:

- *das Gesetz* – суд, судья, конституция, право, кодекс, порядок, правосудие, полиция, нарушать, тюрьма;
- *das Verbrechen* – наказание, преступник, тюрьма, суд, полиция, убийство, кража, адвокат, совершить, закон;
- *die Strafe* – тюрьма, преступление, суд, судья, полиция, закон, штраф, прокурор, наказать, арест.

При обращении к семантической системе юридических терминов мы констатируем, что в данной системе доминируют лексемы родного (русского) языка.

Полученные ответы-реакции на слова-стимулы «das Gesetz», «das Verbrechen», «die Strafe», принадлежащие к тематической группе «юридические термины и профессионализмы», указывают на то, что в контексте освоения иностранного языка у обучающихся младших курсов только начинает формироваться профессиональное мышление, закладывается фундамент будущей профессиональной языковой картины мира. Дальнейшая профессионализация связана с накоплением специальных знаний, образцов поведения, социальных установок, ценностных ориентаций, принципов, интенций, практических стереотипов, что, безусловно, ведет к постепенному усложнению профессиональной картины мира. Следовательно, на продвинутом этапе профессионально ориентированной иноязычной подготовки благодаря изучению большого объема аутентичных текстов немецкоязычного юридического дискурса обучающиеся владеют индивидуальной профессиональной картиной мира своего родного языка и иностранного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя промежуточные итоги ассоциативного эксперимента, необходимо подчеркнуть, что данное исследование позволило нам выяснить, как думает начинающий и компетентный юрист, как язык специальности формирует само профессиональное мышление, меняет языковое сознание личности. На основе полученных данных

мы можем говорить об особенностях российской и немецкой правовой культуры, о специфике национального менталитета языковой личности и профессиональной общности.

Вместе с тем немаловажно и то, что по мере усвоения профессионализмов родной и иноязычной речи в условиях вузовской подготовки у студентов усовершенствуются навыки межкультурной коммуникации в профессиональной сфере. Благодаря знакомству с миром юридических профессий учащиеся приобретают индивидуальный когнитивный и личностно-профессиональный опыт, постепенно происходит становление профессионального «я» юриста, вырабатывается его индивидуально-когнитивный и личностно-профессиональный критерий правовой деятельности. Кроме того, у учащихся со временем вырабатывается творчески самостоятельное отношение к своей будущей профессии. В итоге хотелось бы подчеркнуть следующее: профессиональное кредо будущего специалиста формируется благодаря познанию объективной реальности, которая кардинально влияет на ценностные ориентации и установки будущего юриста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Романенко Е. К. Язык и мышление в философско-лингвистических учениях В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя // Философские науки. 2010. № 8. С. 108–121.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Пищальникова В. А. Картина мира как междисциплинарное понятие и приемы ее моделирования // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 13–19.
4. Котлярова И. В. Когнитивно-номинативное конструирование семантического пространства языка // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2012. № 4 (138). С. 72–77.
5. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. Воронеж: Ритм, 2018.
6. Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996.
7. Корж Т. Н. Формирование профессиональных концептов средствами иностранного языка // Вестник НГВУ. 2016. № 4. С. 32–39.
8. Науменко Л. П. Профессиональный концепт «Company» в современном англоязычном бизнес-дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 69–75.
9. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Братья Башмаковы, 1913. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82986-vaskovskiy-e-v-rukovodstvo-k-tolkovaniyu-i-primeneniyu-zakonov-dlya-nachinayuschih-yuristov-m-1913#mode/inspect/page/14/zoom/4

REFERENCES

1. Romanenko, E. K. (2010). Yazyk i myshlenie v filosofsko-lingvisticheskih ucheniyah V. fon Gumbol'dta i H. Shtajntalya = Language and thinking in the philosophical and linguistic teachings of V. von Humboldt and H. Steintal. Filosofskie nauki, 8, 108–121. (In Russ.)
2. Weisgerber, J. L. (2004). Rodnoj yazyk i formirovanie duha = Native language and formation of spirit. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
3. Pishchal'nikova, V. A. (2019). Worldview as an interdisciplinary notion and procedures of its modelling. Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1, 13–19. (In Russ.)
4. Kotlyarova, I. V. (2012). Kognitivno-nominativnoe konstruirovanie semanticheskogo prostranstva yazyka = Cognitive-nominative construction of the semantic space of the language. Bulletin of the KazNU. Philology Series, 4(138), 72–77. (In Russ.)
5. Babushkin, A. P., Sternin, I. A. (2018). Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya = Cognitive linguistics and semasiology. Monograph. Voronezh: Rhythm. (In Russ.)
6. Kubryakova, E. S. et al. (1996). Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = A concise dictionary of cognitive terms. Under the general editorship of E. S. Kubryakova. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.)
7. Korzh, T. N. (2016). Formation of professional concepts by means of a foreign language. Bulletin of the NVSU, 4, 32–39. (In Russ.)

8. Naumenko, L. P. (2015). Professional'nyj koncept "Company" v sovremennom angloyazychnom biznes-diskurse = The professional concept of "Company" in the modern English-language business discourse. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 1, 69–75. (In Russ.)
9. Vas'kovskij, E. V. (1913) Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov: dlya nachinayushchih yuristov = A guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers. Moscow: The Bashmakov Brothers. http://elib.shpl.ru/ru/nodes/82986-vaskovskiy-e-v-rukovodstvo-k-tolkovaniyu-i-primeneniyu-zakonov-dlya-nachinayuschih-yuristov-m-1913#mode/inspect/page/14/zoom/4 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Думина Евгения Валерьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dumina Evgenia Valeryevna

PhD (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 811
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_61

Государственный и региональные языки Испании: союзники или соперники?

А. А. Евдокимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
ana.evdokimova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия государственного языка с региональными языками автономий. Цель статьи показать реализацию лингвистической политики государства. Материалом для исследования послужили данные статистики, законодательные акты, периодические издания. В качестве методов использовались описание, сравнительно-сопоставительный анализ. По результатам исследования был сделан вывод: власти центра находят консенсус в вопросе развития государственного и региональных языков.

Ключевые слова: региональный язык, государственный язык, коофициальный язык, нормализация, билингвизм, автономии

Для цитирования: Евдокимова А. А. Государственный и региональные языки Испании: союзники или соперники? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 61–67. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_61

Original article

State and Regional Languages of Spain: Allies or Rivals?

Anna A. Evdokimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
ana.evdokimova@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the problem of interaction of the state language with the regional languages of autonomies. The purpose of the article is to show the implementation of the state's linguistic policy. The material for the study was statistical data, legislative acts, periodicals. Description and comparative analysis were used as methods. The study concluded that the authorities of the center find a consensus on the development of the state and regional languages.

Keywords: regional language, official language, co-official language, normalization, bilingualism, autonomy

For citation: Evdokimova, A. A. (2022). State and regional languages of Spain: allies or rivals? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 61–67. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_61

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке испанский язык является вторым по численности носителей языком в мире. По данным на 2021 год, предоставленным Институтом Сервантеса, на испанском языке говорят и используют его как родной 493 миллиона человек в мире, что на 4 миллиона превышает аналогичные статистические показатели 2020 года.

Испанский является государственным языком в 22 странах. Кроме того, огромное количество носителей испанского языка проживает в таких странах, как, например, Андорра, Алжир, Бразилия, Марокко, Австралия, Канада, США и Норвегия. Ученые считают, что к 2060 году США станет второй страной по количеству носителей испанского языка. Кроме того, 24 миллиона человек изучают испанский как иностранный [Llano Olay, 2022].

А что же происходит с испанским языком в самой Испании?

В Испании испанский язык носит название кастильского (испанского) и, согласно Конституции Испании от 1978 года, является государственным языком страны. Кроме кастильского (испанского) в королевстве Испания существуют еще 4 языка, являющихся официальными в пределах своих автономий, а именно: каталанский, галисийский, баскский, валенсийский и аранский.

Население Испании, по данным Института Государственной Статистики[1], по состоянию на 2021 год составляет 47,3 миллиона человек, из которых более 19 миллионов, то есть 40% проживают на территориях автономий, где сосуществуют два коофициальных языка. Несмотря на то, что согласно статье 3 Конституции Испании 1978 года кастильский (испанский) язык является государственным языком, который все испанцы обязаны знать[2], отнюдь не для всех жителей вышеуказанных автономий кастильский (испанский) является языком повседневного общения. Билингвами себя считают 5,6 миллиона испанцев, а монолингвами, для которых языком повседневного общения является не кастильский (испанский), провозглашают себя ещё 4 миллиона. Мы видим, что для 20% или пятой части населения Испании кастильский (испанский) является либо не единственным языком общения (для билингвов), либо вообще не является языком общения (для монолингвов другого языка).

ВЗЛЕТ ИНТЕРЕСА К СОБСТВЕННЫМ ЯЗЫКАМ АВТОНОМИЙ

Испания является унитарным государством с одним государственным языком на всей территории – кастильским (испанским). По своей сути Испания представляет собой многонациональную страну. Из 17 автономных территориальных образований, на которые она разбита согласно административному делению, 4 региона обладают собственным официальным языком, имеющим статус государственного в пределах своей автономии.

В Преамбуле Конституции заявлено, что «Испанская Нация, желая установить справедливость, свободу и безопасность и обеспечить благополучие всех, кто ее составляет, используя свое суверенное право, заявляет о стремлении:... обеспечить всем испанцам и всем народам Испании осуществление прав человека, развитие своих культур и традиций, языков и институтов»[3]. Принятие полвека назад Конституции в том виде, в котором мы видим ее сегодня, было обусловлено поиском консенсуса между различными политическими силами страны. Период перехода от авторитарного режима к демократическому был периодом, когда разнонаправленные политические силы искали и нашли формулировки, которые привлекли на их сторону как демократические силы, так и националистические движения, существовавшие в некоторых автономных образованиях. Еще в 30-е годы XX века в период второй республики[4] были приняты Статут об автономии Каталонии (1932) и Статут об автономии Страны Басков (1936), где каталанский и баскский языки признаются официальными языками соответствующих автономий наравне с кастильским (испанским). Оба статута были отменены после установления диктатуры.

В период франкизма проводилась политика ущемления региональных языков, поэтому после смены политического строя и прихода демократии (в 1975 году) произошла резкая активизация процессов нормализации языков автономий.

Статуты Каталонии и Страны Басков были вновь приняты в 1979 году. В данных документах национальные языки (соответственно – каталанский и эускера или баскский) позиционируются как *собственные языки автономий* и объявляются *официальными на территории автономий*, тогда как кастильский (испанский) объявляется официальным во всем испанском государстве [Ley Orgánica, 3/1979].

---

[1] INE. URL:https://ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176951&menu=ultiDatos&idp=1254735572981

[2] Artículo 3.1 de la Constitución Española de 1978: El castellano es la lengua española oficial del Estado. Todos los españoles tienen el deber de conocerla. https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229

[3] Preámbulo de la Constitución Española: ¨Proteger a todos los españoles y pueblos de España en el ejercicio de los derechos humanos, sus culturas y tradiciones, lenguas e instituciones¨. https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229

[4] 1931-1939 гг.

В 1981 году принят Статут Галисии, где *галисийский и кастильский* заявлены *официальными языками*, которые *все имеют право изучать и пользоваться ими* [Ley Orgánica 1/1981]. Согласно статье 6 Статута Валенсийского сообщества, принятого 10 июля 1982 года, в регионе существуют два официальных языка – это кастильский и валенсийский [Ley Orgánica 5/1982]. В 2006 году после принятия нового варианта Статута об автономии Каталонии Аранская долина, входящая в состав автономии, признается территорией, обладающей особой языковой идентичностью, и объявляется автономным образованием с особым юридическим статусом. Окситанский язык, называющийся в Аранской долине *аранским*, объявляется *официальным языком* региона и получает статус коофициального.

В настоящее время в пределах указанных автономий, где есть второй коофициальный язык, вся документация осуществляется на двух языках, во всех учреждениях служащие пользуются двумя языками, образование также осуществляется на двух языках и т. д. Ситуация благоволит к языкам меньшинств.

В 2001 году Испания ратифицирует Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств и принимает на себя обязательства по ее соблюдению [ETS, 1992].

В развитие Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в 2021 году Парламент Испании голосует за выделение Министерству культуры и спорта 1,6 млн евро для инвестирования в программу: «Продвижение и распространение языков, объявленных собственными языками автономных сообществах Галисии, Астурии, Страны Басков, Наварры, Арагона, Каталонии, Валенсии, Балеарских островов». Как мы видим, в этот список входит Астурия, единственным официальным языком которой на сегодняшний день является испанский – кастильский. Левые при поддержке общественной организации Foro Asturias[1] инициируют процесс утверждения коофициального статуса так называемого «астурийского бабле», для чего необходимо реформировать Статут Астурийской автономии. На сегодняшний день, согласно закону № 1 от 23 марта 1998 года Астурийской автономии об использовании и развитии астурийского бабле, любой житель автономии имеет право не только изучать астурийский язык, но и пользоваться им на работе и при обращении в органы власти [Ley 1/1998]. Но некоторые политические силы, в том числе правящая социалистическая партия PSOE[2], движение Podemos[3] и Izquierda Unida[4], инициируют программу превращения астурийского бабле в коофициальный язык. Осуществление данной инициативы не только приведет к экономическим издержкам, которые могут составить от 20 до 50 миллионов евро ежегодно, но и потребует многочисленных реформ в органах управления автономией, в области образования и здравоохранения.

В настоящее время на астурийском бабле говорит 1% населения автономии [Montañés, 2021].

Сторонники данной инициативы утверждают, что повышения статуса астурийского бабле, являющегося по сути диалектом, до уровня коофициального языка, будет способствовать тому, что молодежь не захочет уезжать из региона, а может быть, даже начнется некий прирост иммигрантов за счет патриотически настроенных астурийцев, проживающих в других регионах. Астурия является регионом с самым низким уровнем рождаемости в Европе. Проблема сокращения населения автономии стоит очень остро. По мнению некоторых авторов реформы, обладание собственным языком поднимет статус автономии, привлечет сюда дополнительные средства как из государственного бюджета, так и из различных европейских фондов, что позволит параллельно решить экономические проблемы и создать дополнительные рабочие места.

То же самое происходит в Арагонской автономии, в Статуте которой прямо не упоминается какой-либо второй коофициальный язык. Арагонский язык входит в число языков, которым, согласно позиции ЮНЕСКО, грозит исчезновение. Как и каталонский, на котором говорят в восточной части Арагона, он считается «собственным» языком этого сообщества, но не является официальным.

В 2009 городу в Арагоне был принят первый закон о языке, который признавал арагонский историческим языком Арагонской автономии [Ley 10/2009]. Согласно данному законодательному акту жители автономии были наделены правом пользоваться арагонским при обращении в государственные органы. В 2013 году был принят новый закон о языке, который признает арагонский языком пиренейской области [Ley 3/2013]. При правительстве автономного сообщества создано Главное управление языковой политикой.

По оценкам Арагонской ассоциации социологов, в 2011 году на арагонском говорило 25 556 человек, из которых 17 009 заявляли, что умеют писать. 30% его носителей были старше

[1] Гражданский Форум Астурии – правоцентристская политическая партия, основана в 2011 году.

[2] Испанская социалистическая рабочая партия, основана в 1879 году.

[3] «Подéмос» — левая политическая партия в Испании, основана в 2014 году

[4] «Объединенные левые» — испанская лево-зеленая коалиция, основана в 1986 году.

65 лет и лишь 5% моложе 16 лет. К 2017 году количество носителей арагонского языка выросло до 30 000 [Ortega, 2021]. В университете Сарагосы на факультете гуманитарных наук создана кафедра, занимающаяся языками и диалектами Арагонской автономии. Здесь начали готовить преподавателей арагонского языка. На арагонском телевидении существует канал, где вещание ведется на региональном языке. Также идет работа по созданию Академии арагонского языка. Кажется, что сторонники развития языков национальных меньшинств достигли всех поставленных целей.

Из всего вышесказанного следует вывод: центральные власти Испании в лице правительства и парламента не только не препятствуют продвижению региональных языков автономий, но оказывают им всестороннюю помощь и поддержку, создавая необходимую законодательную базу и финансируя программы их развития даже в тех случаях, когда вопрос о языковом статусе не решен (например, астурийский бабле и арагонская фабла на настоящий момент не имеют статуса литературных языков).

ТРУДНОСТИ НА ПУТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

На фоне успешного продвижения региональных языков возникает новая проблема: это проблема социального статуса основного государственного языка, а именно кастильского (испанского). Принятые для развития и сохранения национальных языков меры, как это ни парадоксально, начинают ущемлять кастильский (испанский) язык.

Принятие автономиями законов о языке (как тот, что принят в Астурии) или о многоязычии (как в Валенсийском сообществе [Ley 4/2018]), привело к тому, что во всех автономных сообществах Испании, где существует два коофициальных языка, государственный и региональный, преподавание и использование государственного языка попадает под определенные ограничения. В Галисии, Стране Басков и Валенсийском сообществе кастильский (испанский) по-прежнему доминирует. Но в двух других регионах, а именно в Каталонии и на Балеарских островах, проблемная ситуация налицо. Причем она обостряется.

Власти Каталонии проводят агрессивную языковую политику, пытаясь всячески ограничить использование в автономии испанского (кастильского). В Каталонии для зачисления на должность в государственную организацию служащие должны сдать каталанский язык на определенный уровень от A (самый низкий) до D (самый высокий). Медсестрам, например, требуется знание языка на уровне C, в то время как в других автономиях также с двумя коофициальными языками для работы медсестрой в больнице знание второго языка вообще необязательно.

В школах Каталонии кастильскому (испанскому) учат 2 часа в неделю в начальной школе, 3 – в средней и 2 – в старшей. В 2014 году Верховный Суд Каталонии постановил, что 25% занятий должны вестись на кастильском (испанском языке), но постановление суда касалось определенных учебных центров, в отношении которых были поданы иски. Правительство Каталонии подало встречный иск об отмене данного решения, но Верховный суд Каталонии вновь его подтвердил, а в 2020 году было принято такое же решение в отношении всех образовательных учреждений Каталонии [Pascual, 2022]. Решение суда есть, а проблема так и осталась нерешенной.

По данным испанской прессы впервые на Балеарских островах родители одной школьницы подали иск в суд о том, чтобы 25% предметов в школе преподавалось, как и положено, на кастильском (испанском) языке. Как считает Сальвадор Иглесиас, отец вышеуказанной школьницы, стремясь ограничить влияние языка, власти школы введут преподавание танцев и музыки на кастильском (испанском), чтобы вроде как выполнить требование закона [Valencillo, Santos, 2022]. Речь идет о Балеарских островах – это территория распространения каталонского языка.

Partido Popular[1] предлагает создать специальный корпус независимых инспекторов, подчиняющийся министерству образования. Инспекторы смогут проверять школы, программы и учебники, чтобы убедиться, что в автономиях выполняется определенная законодательством норма: 25 % предметов, которые преподаются на кастильском (испанском). В случае несоблюдения законодательства предлагается, чтобы министерство образования аннулировало школьные аттестаты, выданные учебными центрами данной автономии, а дела о нарушениях передало в прокуратуру. Речь идет, прежде всего, о Каталонии, где министр образования призвал игнорировать закон о 25%. Кроме того, согласно принятому в Каталонии закону, за его нарушение отвечает не образовательное учреждение (как указано в общенациональном законе), а департамент образования автономии. Это сделано с той целью, чтобы вывести директоров учебных заведений, нарушающих закон, из-под санкций [Santamartín, 2022].

[1] Народная партия — оппозиционная политическая партия в Испании правоцентристского толка, основана в 1976 году.

Выступая с вышеуказанной инициативой, Народная партия (PP) опирается на статьи 27 и 149.1.1. Конституции Испании, которые наделяют государство полномочиями по контролю образовательной системы и устанавлению государственных образовательных стандартов в целях обеспечения соблюдения законов[1], а статья 149.1.30. прямо указывает, что в ведении государства находится регулирование условий получения документов об образовании.

Еще одна испанская партия Vox[2] предлагает вновь воспользоваться положением статьи 155 Конституции Испании, а именно: «Если автономное Сообщество не выполняет обязательства, предусмотренные Конституцией или другими законами, либо его действия наносят серьезный ущерб общегосударственным интересам Испании, Правительство предупреждает председателя автономного Сообщества. Если ответа с его стороны не последует, Правительство может, с согласия абсолютного большинства Сената, принять необходимые меры для выполнения автономным Сообществом указанных обязательств в принудительном порядке, либо для защиты упомянутых общегосударственных интересов»[3]. Данные меры были предприняты правительством Испании в декабре 2017 во время попытки выхода Каталонии из состава Испании.

В январе 2022 года Верховный суд Каталонии и подтвердил свое решение от 16.12.2020 об обеспечении преподавания, как минимум 25% предметов на кастильском (испанском) языке в учебных заведениях Каталонии [Planas, 2022]. К началу нового учебного года в автономии необходимо внести исправления в учебные планы.

Правительство Испании заявляет, что необходимо положить конец националистической политике властей Каталонии в области языка. Необходимо провести радикальные изменения лингвистической модели образования в учебных центрах каталонской автономии [Cañizares, 2022]. Некоторые ведущие политические деятели, такие как Альберто Нуньес Фейхоо[4], называют политику правительства Каталонии в области языка «лингвистическим апартеидом» [Reino, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате лингвистической политики властей Каталонии и Балеарских островов по насаждению каталанского языка и вытеснению кастильского (испанского) нарушаются фундаментальные права испанцев на труд, на получение образования на государственном языке, что является попранием конституции страны. Кроме того, использование языка в качестве политического инструмента некоторых националистически настроенных правительств испанских автономий нарушает право испанцев на равные условия осуществления своих прав, в том числе и в области занятости, образования и культуры.

В марте 2022 года правительство Испании утвердило новую стратегию возрождения и трансформации экономики (PERTE), выделив на ее осуществление 1 млрд 100 млн евро, из которых 475 млн пойдут на развития кастильского (испанского) языка и продвижение его изучения во всем мире. «Язык, — сказал вице-президент Кальвиньо, — является одним из фундаментальных факторов технологического и делового развития. Мы должны воспользоваться экономической, культурной и социальной ценностью нашего главного нематериального актива и создать искусственный интеллект, который думает и понимает нас на нашем языке» [Castro López, 2022].

Чем закончится противостояние кастильского (испанского) и каталанского в Каталонии и на Балеарских островах скоро станет понятно; важно отметить другое. Есть известное русское выражение: за деревьями леса не видно. Увлекшись разрешением текущих проблем, таких как сохранение языков и культуры национальных меньшинств, правительство забыло о глобальной проблеме – о государственном языке, которому надо уделять постоянное и пристальное внимание. Испанский язык в мире очень популярен, его с удовольствием изучают, на нем общаются почти полмиллиарда жителей земли. Но, как любой живой организм, он требует постоянной заботы. Несомненно, привлечение новых цифровых технологий даст дополнительный толчок развитию и продвижению испанского языка не только в мире, но и в Испании.

[1] URL: https://boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1978-31229 ; https://boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1978-31229

[2] Artículo 3.1 de la Constitución Española de 1978: El castellano es la lengua española oficial del Estado. Todos los españoles tienen el deber de conocerla. https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229

[3] URL: https://boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1978-31229 ; https://boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1978-31229

[4] Испанская социалистическая рабочая партия, основана в 1879 году.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Llano Olay A. ¿Cuántos países hablan la lengua española? // EL ESPAÑOL. 2022, Enero 21. URL: https://www.elespanol.com/curiosidades/lenguaje/cuantos-paises-hablan-lengua-espanola-castellano/643685735_0.html

2. Ley Orgánica 3/1979, de 18 de diciembre, de Estatuto de Autonomía para el País Vasco //BOE. núm. 306, de 22 de diciembre de 1979. URL: https://www.boe.es/buscar/pdf/1979/BOE-A-1979-30177-consolidado.pdf
3. Ley Orgánica 1/1981, de 6 de abril, de Estatuto de Autonomía para Galicia //BOE. núm. 101, de 28/04/1981. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1981-9564
4. Ley Orgánica 5/1982, de 1 de julio, de Estatuto de Autonomía de la Comunidad Valenciana // BOE. núm. 164, de 10/07/1982.URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1982-17235
5. ETS No. 148 Carta Europea de Lenguas Regionales o Minoritarias // Tratado abierto a la firma de los Estados miembros ya la adhesión de los Estados no miembros. 1992, Mayo 11. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=148
6. Ley 1/1998, de 23 de marzo, de uso y promoción del bable/asturiano // BOE. núm. 103, de 30 de abril de 1998. URL: https://boe.es/buscar/pdf/1998/BOE-A-1998-10126-consolidado.pdf
7. Montañés É. El PSOE abre el melón del bable en el Principado // ABC. 2021, Octubre 28. URL: https://www.abc.es/sociedad/abci-psoe-abre-melon-bable-principado-202110272133_noticia.html
8. Ley 10/2009, de 22 de diciembre, de uso, protección y promoción de las lenguas propias de Aragón // BOE. núm. 30, de 4 de febrero de 2010, páginas 9875 a 9887 (13 págs.). URL: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2010-1711
9. Ley 3/2013, de 9 de mayo, de uso, protección y promoción de las lenguas y modalidades lingüísticas propias de Aragón //BOE. núm. 138, de 10 de junio de 2013, páginas 43654 a 43662 (9 págs.). URL: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2013-6103
10. Ortega J. El aragonés, la lengua que PSOE y los independentistas quieren que sea oficial, apenas lo hablan 30.000 personas //EL MUNDO. 2021, Marzo 12. URL: https://www.elmundo.es/espana/2021/03/12/604b6a81fdddff4a568b4614.html
11. Ley 4/2018, de 21 de febrero, por la que se regula y promueve el plurilingüismo en el sistema educativo valenciano // BOE. núm. 63, de 13 de marzo de 2018. URL: https://www.boe.es/buscar/pdf/2018/BOE-A-2018-3441-consolidado.pdf
12. Pascual M. De dónde viene la cuota del 25% en castellano en las aulas de Cataluña y qué implica la sentencia del TSJC // Newtral.es. 2022, Mayo 31. URL: https://www.newtral.es/25-castellano-tsjc-cataluna/20220531/
13. Vallecillo V., Santos J. Salvador Iglesias: "En Baleares hay miedo, espero que no tomen represalias contra mi hija" // Libertad Digital. 2022, Enero 14. URL: https://www.libertaddigital.com/espana/politica/2022-01-14/salvador-iglesias-aqui-hay-miedo-espero-que-no-tomen-represalias-contra-mi-hija-6855378/
14. Santamartín O. El PP plantea una Inspección que vigile el uso del castellano en la enseñanza en Cataluña // EL MUNDO. 2022, Enero 3. URL: https://www.elmundo.es/espana/2022/01/03/61d1ac45fdddff6fbe8b45a5.html
15. Planas P. La nueva ley contra el 25% de español se tramita como las «leyes» del golpe de Estado separatista // Libertad Digital. 2022, Mayo 25. URL: https://www.libertaddigital.com/espana/2022-05-25/la-nueva-ley-contra-el-25-de-espanol-se-tramita-como-las-leyes-del-golpe-de-estado-separatista-6900426/
16. Cañizares M. J. La sentencia del 25% del castellano es firme ¿y ahora qué? //Crónica Global. 2022, Enero 21. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/sentencia-25-castellano-colegios-firme-y-ahora-que_594730_102.html
17. Reino C. Feijóo afirma que el español sufre un «'apartheid' lingüístico» en Cataluña // Heraldo.es 2022, Junio 3. URL: https://www.heraldo.es/noticias/nacional/2022/06/03/feijoo-afirma-que-el-espanol-sufre-un-apartheid-lingueistico-en-cataluna-1579029.html
18. Castro López J. El castellano en Cataluña // El Correo Gallego.es 2022, Mayo 30. URL: https://www.elcorreogallego.es/opinion/firmas/el-castellano-en-cataluna-FD11304818

REFERENCES

1. Llano Olay, A. (2022, Enero 21). ¿Cuántos países hablan la lengua española? EL ESPAÑOL. https://www.elespanol.com/curiosidades/lenguaje/cuantos-paises-hablan-lengua-espanola-castellano/643685735_0.html
2. Ley Orgánica 3/1979, de 18 de diciembre, de Estatuto de Autonomía para el País Vasco. BOE. núm. 306, de 22 de diciembre de 1979. https://www.boe.es/buscar/pdf/1979/BOE-A-1979-30177-consolidado.pdf
3. Ley Orgánica 1/1981, de 6 de abril, de Estatuto de Autonomía para Galicia. BOE. núm. 101, de 28/04/1981. https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1981-9564
4. Ley Orgánica 5/1982, de 1 de julio, de Estatuto de Autonomía de la Comunidad Valenciana. BOE. núm. 164, de 10/07/1982. https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1982-17235

5. ETS No. 148 Carta Europea de Lenguas Regionales o Minoritarias (1992, Mayo 11). Tratado abierto a la firma de los Estados miembros ya la adhesión de los Estados no miembros. https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=148
6. Ley 1/1998, de 23 de marzo, de uso y promoción del bable/asturiano. BOE. núm. 103, de 30 de abril de 1998. https://boe.es/buscar/pdf/1998/BOE-A-1998-10126-consolidado.pdf
7. Montañés É. (2021, Octubre 28). El PSOE abre el melón del bable en el Principado. ABC. https://www.abc.es/sociedad/abci-psoe-abre-melon-bable-principado-202110272133_noticia.html
8. Ley 10/2009, de 22 de diciembre, de uso, protección y promoción de las lenguas propias de Aragón. BOE. núm. 30, de 4 de febrero de 2010, páginas 9875 a 9887 (13 págs.). https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2010-1711
9. Ley 3/2013, de 9 de mayo, de uso, protección y promoción de las lenguas y modalidades lingüísticas propias de Aragón. BOE. núm. 138, de 10 de junio de 2013, páginas 43654 a 43662 (9 págs.). https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2013-6103
10. Ortega J. (2021, Marzo12). El aragonés, la lengua que PSOE y los independentistas quieren que sea oficial, apenas lo hablan 30.000 personas. EL MUNDO. https://www.elmundo.es/espana/2021/03/12/604b6a81fdddff4a568b4614.html
11. Ley 4/2018, de 21 de febrero, por la que se regula y promueve el plurilingüismo en el sistema educativo valenciano. BOE. núm. 63, de 13 de marzo de 2018. https://www.boe.es/buscar/pdf/2018/BOE-A-2018-3441-consolidado.pdf
12. Pascual M. (2022, Mayo 31). De dónde viene la cuota del 25% en castellano en las aulas de Cataluña y qué implica la sentencia del TSJC. Newtral.es. https://www.newtral.es/25-castellano-tsjc-cataluna/20220531/
13. Vallecillo V., Santos J. (2022, Enero 14). Salvador Iglesias: "En Baleares hay miedo, espero que no tomen represalias contra mi hija". Libertad Digital. https://www.libertaddigital.com/espana/politica/2022-01-14/salvador-iglesias-aqui-hay-miedo-espero-que-no-tomen-represalias-contra-mi-hija-6855378/
14. Santamartín O. (2022, Enero 3). El PP plantea una Inspección que vigile el uso del castellano en la enseñanza en Cataluña. EL MUNDO. https://www.elmundo.es/espana/2022/01/03/61d1ac45fdddff6fbe8b45a5.html
15. Planas P. (2022, Mayo 25). La nueva ley contra el 25% de español se tramita como las «leyes» del golpe de Estado separatista. Libertad Digital. https://www.libertaddigital.com/espana/2022-05-25/la-nueva-ley-contra-el-25-de-espanol-se-tramita-como-las-leyes-del-golpe-de-estado-separatista-6900426/
16. Cañizares M.J. (2022, Enero 21). La sentencia del 25% del castellano es firme ¿y ahora qué? Crónica Global. https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/sentencia-25-castellano-colegios-firme-y-ahora-que_594730_102.html
17. Reino C. (2022, Junio 3). Feijóo afirma que el español sufre un «'apartheid' lingüístico» en Cataluña. Heraldo.es. https://www.heraldo.es/noticias/nacional/2022/06/03/feijoo-afirma-que-el-espanol-sufre-un-apartheid-lingueistico-en-cataluna-1579029.html
18. Castro López J. (2022, Mayo 30). El castellano en Cataluña. El Correo Gallego.es. https://www.elcorreogallego.es/opinion/firmas/el-castellano-en-cataluna-FD11304818

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдокимова Анна Александровна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evdokimova Anna Alexandrovna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law,
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 811.133.1; 81.342; 81.367.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_68

Базовые принципы практической фонетики французского языка

Е. А. Когалова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
koelena05@mail.ru

Аннотация. Правильное французское произношение достаточно трудно для освоения русскоговорящими, так как оно имеет ряд специфических особенностей. Настоящая статья посвящена основным характеристикам фонематического уровня французского языка: оппозиции ряда гласных звуков, таких как [a] – [ɑ], [y] – [u], [œ] – [ø], [ɔ] – [o], [ɛ] – [e], [ɑ̃] – [ɔ̃] – [ɛ̃], сравнению звонких и глухих согласных звуков, наличию непалатализованных согласных, употреблению сцепления и связывания, в том числе «ложного» связывания. Также рассматриваются основные тенденции в современном разговорном французском произношении.

Ключевые слова: произношение, фонематический уровень, гласные звуки, согласные звуки, тенденции, разговорный стиль произношения, французский язык

Для цитирования: Когалова Е. А. Базовые принципы практической фонетики французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 68–73. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_68

Original article

Basic Principles of French Practical Phonetics

Elena A. Kogalova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
koelena05@mail.ru

Abstract. Correct French pronunciation is difficult enough for Russian speakers to master, as it has a number of specific features. The article is devoted to the main characteristics of the phonemic level of the French language: the opposition of a number of vowel sounds, such as [a] – [ɑ], [y] – [u], [œ] – [ø], [ɔ] – [o], [ɛ] – [e], [ɑ̃] – [ɔ̃] – [ɛ̃], comparison of voiced and deaf consonants; the presence of non-palatalized consonants, the use of coupling and binding, including «false» binding. The main trends of modern colloquial French pronunciation are also considered.

Keywords: pronunciation, phonemic level, vowel sounds, consonant sounds, tendencies, colloquial pronunciation style, the French language

For citation: Kogalova, E. A. (2022). Basic principles of French practical phonetics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 68–73. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_68

ВВЕДЕНИЕ

Фонетика (от греческого φωνή – «звук») изучает звуковую и интонационную стороны языка. Произношению как базе развития всех остальных навыков языка необходимо уделять особое внимание.

Французское произношение очаровывает слушателей, оно музыкально. Самостоятельно приобрести настоящее французское произношение вполне реально, но для этого необходимо очень внимательно изучить все его составляющие – звуки и интонацию – и много и упорно тренироваться, так как это настоящее мастерство – говорить без акцента на иностранном языке.

Французская артикуляция значительно отличается от русской, при произношении русских гласных и согласных звуков и французских гласных и согласных звуков задействуются разные органы и мускулы артикуляционного аппарата. Для того, чтобы научиться произносить правильно французские звуки, нужно усвоить и понять, как правильно расположить органы, участвующие в процессе артикуляции, например, язык, губы, как правильно подавать воздух, задействуя только ротовую полость или ротовую и носовую полости одновременно и т. д. [Abry, Veldeman-Abry, 2007]. Французским звукам по сравнению с русскими в целом свойственна большая четкость и устойчивость артикуляции, плавное начало и четкое окончание согласного с нюансом на [ə] немое, наличие большего количества переднеязычных и округленных гласных.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Гласные звуки

В количественном отношении (34 фонемы во французском языке и 42 фонемы в русском языке) разница между данными языками небольшая, но рассматривая более подробно фонетическую систему этих языков, нужно отметить значительные различия.

Говоря о французских гласных звуках, следует обратить внимание на их отличительные особенности:

- преобладание округленных гласных (8/14)
- преобладание переднеязычных гласных (8/14)
- наличие носовых гласных (3/14)
- оппозиция закрытых и открытых гласных (6/8)
- отсутствие дифтонгов
- отсутствие редукции
- плавное начало звука

Работая над произношением любого гласного звука, фонетисты-практики советуют тренировать их в нескольких позициях [Léon, 2003; Abry, Chalaron, 2010; Abry, Chalaron, 2011]:

- в изолированной позиции – в слогах – в словах – в ритмических группах – в синтагмах – во фразах;
- в ударной и безударной позиции, четко следя за тем, чтобы в безударной позиции не происходила редукция звука (что наблюдается в русском языке постоянно);
- в открытом и закрытом слоге, обращая внимание на то, чтобы не затягивать переход от гласного к согласному и от согласного к гласному звуку, избегая таким образом «затянутого» произнесения звука;
- в позиции гласный краткий – гласный долгий, доводя до автоматизма правила, касающиеся исторической и ритмической долготы.

Базой французского произношения в системе гласных звуков можно назвать [a]. Во французском языке [a] звучит совершенно иначе, нежели в русском. Сравнивая их тембр, замечаем, что у французского [a] он светлый, звонкий, у русского – низкий, глубокий.

Артикуляционно французское [a] также отличается от русского: при произнесении этого звука язык выдвинут вперед, кончик языка упирается в нижние резцы, за корнем языка образуется широкое пространство, язык при этом лежит плоско, нижняя челюсть значительно опущена.

Во французском языке существует ряд гласных звуков, которых нет в русском языке, соответственно, их освоению надо уделить повышенное внимание, например, таким звукам как [y], [œ], [ɔ], [ɛ], [e].

Французское [y] произнести правильно с первого раза не всегда получается, он представляет собой нечто среднее между русскими [ю] и [y], но произносить его как русский [y] ошибочно, так как неправильное произношение данной фонемы может изменить полностью смысл сказанного.

Постановка [y] идет обязательно в сравнении с другим французским звуком [u]: чтобы правильно произнести эти звуки, надо четко определить положение органов артикуляции. Основное различие между звуками [y] и [u] заключается в том, что при произнесении первой гласной кончик языка упирается в нижние резцы, это звук переднего ряда, для произнесения второй гласной кончик языка оттянут от нижних резцов, это звук заднего ряда. Например:

*dis-moi **tu** – dis-moi **tout, tu** dors – **tout** dort, c'est une **rue** – c'est une **roue,** il est des**sus** – il est des**sous,** regarde*

*la **bulle** – regarde la **boule**, les **pulls** sont là – les **poules** sont là, elle est **russe** – elle est **rousse**.*

Французское [œ] открытое, напоминающее среднюю форму между [о] и [йо] в русском языке, может также представлять трудности при освоении.

Чтобы правильно его произнести, надо выполнить следующие действия: кончик языка должен упираться в нижние резцы, язык должен лежать плоско, при этом передняя часть языка немного приподнята, губы вытянуты вперед, верхняя губа немного приподнята. Если же язык будет чуть оттянут от нижних резцов, то получится другая гласная – [ɔ] открытый, например, *leur – lors, sœur – sort, peur – port, cœur – corps, beurre – bord, meurt – mort, veulent – volent*.

Трудность представляет наличие во французском языке нескольких гласных «о»: [ɔ] открытое и [о] закрытое, которые являются смыслоразличительными и имеют, соответственно, разное произношение. Для закрытого [о] язык еще более оттянут от зубов, а спинка языка еще более приподнята к твердому небу, например, *Paul – pôle, sotte – saute, sol – saule, votre – vôtre, notre – nôtre, cote – côte*.

Существует еще одна важная оппозиция гласных во французском языке, которой не существует в русском: [ɛ] открытое – [е] закрытое. При произнесении [ɛ] открытого позиция органов речи напоминает позицию при произнесении [а] переднего ряда, но кончик языка еще сильнее упирается в нижние резцы, а передняя часть языка чуть приподнята к твердому небу, при этом уголки рта немного растянуты. При произнесении [е] закрытого боковые части языка упираются в боковые зубы, уголки рта еще больше растягиваются, чем при [ɛ] открытом, и напряжение существенно сильнее. Например, *tais – tes, fait – fée, c'est – ces, lait – les, mais – mes*.

Произношение связано с написанием, а написание с произношением, это очень четко видно на примере данной оппозиции: *précéder – précède, pénétrer – pénètre, répéter – répète, céder – cède*. Для того, чтобы не только правильно произносить французские звуки, но и иметь правильную орфографию, необходимо запоминать звукобуквенные отношения.

Французский язык легко узнаваем благодаря носовым звукам. В настоящее время существует три носовых [ɑ̃] – [ɔ̃] – [ɛ̃]. Постановка этих звуков представляет наибольшие трудности, поэтому начинать тренироваться в их произношении возможно после того, как поставлены все ротовые гласные, т. е. неносовые, так как речевой аппарат уже приобрел нужную «гибкость». Среди существующих трех носовых гласных две [ɑ̃] и [ɛ̃] имеют соответствующие ротовые парные, поэтому имея отработанный простой стереотип, достаточно просто научиться движению, необходимому для произнесения любой носовой гласной.

При тренировке носовых гласных следует избегать чрезмерной назализации, струя воздуха должна равномерно проходить через обе полости – ротовую и носовую. Необходимо научиться опускать спинку языка таким образом, чтобы она не соприкасалась с твердым небом, открывая проход струе воздуха и избегая «приступа» (coup de glotte). Важно сохранять однородность звучания гласного звука, то есть правильно выполнять выдержку (вторую фазу артикуляции), избегая, во-первых, дифтонгизации (добавления к носовому гласному какого-либо другого гласного звука), что происходит при движении челюсти во время произнесения звука; во-вторых, возникновения смычки, что появляется при подъеме спинки языка вверх к нёбной занавеске раньше, нежели заканчивается звучание гласного звука; в-третьих, произнесения носового согласного [m] или [n], особенно при произнесении долгих носовых гласных перед согласными [p-b] и [t-d], когда нет еще четкого навыка перемещения небной занавески, то есть умения быстро и резко поднять нёбную занавеску и перекрыть вход воздуха в полость носа.

Логично изучать носовые гласные звуки в определенной последовательности. Сначала необходимо поставить заднеязычную [ɑ̃] носовую, так как напрягая заднюю часть языка, легче удержать его спинку в низком положении, и струя воздуха свободно проходит в ротовую полость, второй по сложности – [ɔ̃] носовой, и самый трудный – [ɛ̃] носовой. Произношение каждого звука отрабатывается сначала в изолированной позиции, затем в слогах открытом и закрытом, потом в словах, ритмических группах и фразах. Очень полезным упражнением в процессе освоения носовых будет их сравнение, как в отдельных словах, например, *temps – ton – teint // tente – tonte – teinte*; *lent – long – lin // lange – longe – linge*; *fend – font – faim // fente – fonte – feinte*; *ment – mon – main // menthe – monte – mainte*; *rang – rond – rein // rance – ronce – rince*; *pend – pond – pain // pente – ponte – peinte*, так и в рамках одного слова, например, *néanmoins, longtemps*, *principalement*, *impression*, *conscience*.

Согласные звуки

Французские согласные также имеют ряд особенностей, отличных от согласных в русском языке:

- преобладание переднеязычных согласных (13/20)
- наличие округленности (9/20)
- четкая оппозиция глухие/звонкие (6/14)

- отсутствие оглушения на конце
- отсутствие смягчения согласного звука
- четкое размыкание с нюансом на [ə] беглое

Переднеязычность и округленность французских согласных обусловлена тем, что в системе вокализма преобладают переднеязычные и округленные гласные, и поскольку уклад гласного во многом определяет и положение органов согласного, то вышеозначенные свойства французских звуков не вызывают сомнений.

Четкая оппозиция глухих и звонких согласных предполагает, что во французском языке звонкие согласные никогда не оглушаются на конце слова, тогда как в русском языке звонкие согласные превращаются в свои глухие оппозиции, например, *пляж* [ш] – *plage* [ʒ], *парад* [т] – *parade* [d], *багаж* [ш] – *bagage* [ʒ].

Французские согласные не палатализируются, т. е. не смягчаются перед гласными переднего ряда. При объяснении этого явления необходимо приводить примеры в оппозиции, чтобы была очевидно слышна разница, например твердое произношение во французских словах *t*[t]*ir*, *t*[t]*éléphone*, *d*[d]*irecteur* и мягкое в русском языке – *т*[т']*ир*, *т*[т']*елефон*, *д*[д']*иректор*. Избежать палатализации возможно, обращая особое внимание на то, чтобы при артикуляции согласного средняя часть языка не поднималась к твердому нёбу. Под влиянием переднеязычной гласной согласные [к] и [g] приобретают небольшое смягчение – *car, gare, camarade, guerre***.**

При таком звукосочетании, как «согласный + r или l», между согласными возможно появление гласного призвука, что неправильно, но чтобы такого не происходило, необходимо конечный согласный произносить с нюансом на [ə] беглое, например, *mètre* [ˈmɛtrə], *formidable* [fɔrmiˈdadlə], *exemple* [ɛˈgzɑ̃:plə]. Размыкание, то есть разъединение органов речи, участвующих в артикуляции, очень энергичное, и конечные согласные должны звучать четко. В русском языке размыкание достаточно слабое, например, *телефон* и *le téléphone*.

Один из отличительных признаков французского произношения – это звук [r]. Для его правильной постановки можно использовать несколько методов: «полоскание» горла или произношение одновременно двух звуков: [g] и [r].

К специфике французского языка относятся и такие явления, как сцепление (enchaînement) и связывание (liaison).

При сцеплении гласных происходит слитное произношение гласных звуков и стирается граница между словами – *Tu͡as͡un ami͡espagnol*. При сцеплении согласных – слияние произносимого согласного с последующим гласным – *Le ciel͡est bleu, la mer͡aussi*. При связывании непроизносимый согласный становится произносимым при соединении с последующим гласным в одной ритмической группе – *Les‿étu'diants ‖ a'rrivent*.

Необходимо помнить о фиксированном ударении на последнем слоге отдельного слова, но, объединяясь в ритмические группы, слова теряют свои ударения. В результате ударным остается только последний слог ритмической группы, что создает особый ритм французского языка, тогда как в русском языке ударение может относиться к любому слогу в слове и каждое слово в предложении является ударным.

Интересное явление во французском языке – *fausses liaisons* – ложное связывание – это речевые ошибки, заключающиеся в произнесении не существующей согласной при связывании двух слов. Причины такого связывания – избежание слияния двух гласных или аналогия, т. е. упрощение произношения, свойственное разговорному языку. Существует несколько типов ложного связывания:

– *le pataquès* – добавляется несуществующая согласная на конце слова, часто это происходит с [*n*] или [*l*]; или заменяется [*s*] на финальное [*t*] или [*t*] на финальное [*s*] в таком явлении как сцепление, например:

  Ça [**l**] a pris du temps. Ils devraient [**z**] être ici. Ces filles sont beaucoup trop [**z**] habillées.

– *le cuir* – добавление звука [t] между словами, что связано с обобщением связывания после таких часто употребляемых форм как *est*, *sont*, *était*, *ont*, *avaient*, например:

  Il a [**t**] été chanceux. Il s'en va [**t**] à Montréal demain. Il commanda [**t**] un café.

– *le velours* – добавление звука [z] между двумя словами, что связано с обобщением связывания после часто употребляемых форм, оканчивающихся на непроизносимую -***s***, например, *pas, avons*, *avais*, *étais*, *le*, *deux:*

  Pierre n'est pas au bureau [z] aujourd'hui, Les Européens n'ont pas les mêmes habitudes que les Nord [z] Américains, Irène a cinq [z] enfants, Ils doivent [z] en remettre la moitié.

– *le psilose* – ошибки, связанные с несоблюдением произношения перед ***h*** придыхательным, например:

  des [**z**] Hollandais, des [**z**] handicapés, des [**z**] haies, les héros **#** les zéros.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В условиях непосредственного общения с носителями языка могут возникнуть определенные трудности при восприятии их речи, связанные с фонетическими особенностями французского языка, о которых надо помнить.

Одна из тенденций разговорного стиля произношения – тенденция к краткости – проявляется в том, что некоторые элементы (звуки, слоги) не артикулируются. Соответственно, при обучении произношению надо обращать внимание на следующие особенности французского разговорного языка:

- частое выпадение [ə] немого в любых позициях;
- непроизнесение [y] в личном местоимении *tu*;
- непроизнесение [u] в безударном личном местоимении *vous*, в предлоге *pour*, в слове *tout,* в выражении *tout à fait*;
- выпадение гласного звука [ɛ] в начале слов [gzact], в указательных местоимениях *cet*, *cette*, в выражении *c'est*, в словосочетаниях *mais enfin*, *mais alors*;
- непроизнесение полугласных: [ɥ] в словах *puisque*, *puis*, *depuis*; [w] в слове *voilà;* [j] в слове *bien*;
- непроизнесение гласной [ɔ] внутри многосложных слов *co(o)pérative*;
- непроизнесение [œ] в слове *peut-être*;
- непроизнесение [a] в часто используемых словах (*ça*, *papa*, *madame*, *maman*);
- в безударной позиции носовые гласных могут произносится как неносовые (в часто употребляемых словах *enfin*, *bonjour*, *bonsoir*).
- исчезновение [r], [l] в существительных, на конце глаголов, в выражении *parce que*, в личных местоимениях *il*, *ils*, *elle*, *elles*,
- непроизнесение [l] перед [j] в словах *million*, *milliard*, *milieu,* а также в словах *quelque chose*, *celui-là*, *plus*;
- эллипсис [k] в *exclure*, *excuse*;
- эллипсис в часто употребляемых словах (*mademoiselle* [mam-'zɛl], *n'est-ce pas* [spa]);
- тенденция к произнесению [ɲ] как [n + j];
- соноризация суффикса -ism, произносимого как [-izm];
- выпадение полностью частицы *ne*, местоимения *il* в выражении *il y a*;
- перестановка слогов – явление верлан:
  - в односложных слова в конструкции *согласная + гласная* меняется порядок, слово читается наоборот (vie → i-v → ive, ça → a-ç → asse, pas → a-p → ap, moi → oi-m → oim, fou → ouf, chaud → auche);
  - в односложных словах в конструкции *согласная + гласная + согласная* добавляется [e] немое, слово становится двусложным (femme → fe-mme → mme-f-e → meuf, mec → mé-ke → ke-mé -> keumé → keum, frère → frè-re → re-frè → reufré → reuf, mère → la reum, fête → la teuf, bête → teubé, père → reup);
  - в двусложных словах слова делятся на слоги, два слога меняются местами (problème → pro-blème → blème-pro → blèmepro, bouteille → bou-teille → teillebou → teillebou, méchant → mé-chant → chan-mé → chanmé, gentil → gen-til → til-gen → tigen, fumer → méfu, la music → la zicmu / zic, bizarre → zarbi);
  - в многосложных словах процесс более сложный, последний слог как правило сохраняется, а в других происходят изменения (éclaté → é-cla-té → té-cla-é → técla, déguisé → dé-gui-sé → dé-guise → guise-dé → kisdé, défoncé → dé-fon-cé → dé-fonce → fonce-dé → foncedé).

В настоящее время существует ряд сайтов, которые можно использовать как источники для работы над произношением[1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный теоретический анализ основных характеристик фонематического уровня французского языка, показывает, что существует ряд трудностей при освоении практической фонетики данного романского языка.

Результаты исследования базовых принципов французской артикуляции позволяют говорить о том, что артикуляционная база русского и французского языков значительно отличаются друг от друга. Так, французскому языку в отличие от русского свойственны переднеязычность, округленность, открытость, отсутствие редукции гласных звуков, отсутствие оглушения согласных звуков, наличие носовых гласных.

Знание теоретической базы и современных тенденций французского произношения позволит избежать ошибок и в изучении практического аспекта французского произношения.

[1] URL: http://www.lepointdufle.net/apprendre_a_lire1/combinaisons_de_lettres1.htm; https://www.lepointdufle.net/p/phonetique.htm; http://phonetique.free.fr; https://www.podcastfrancaisfacile.com/apprendre-le-francais/phonetique-en-francais.html; http://flenet.unileon.es/phon/cahier; http://flenet.unileon.es/phon/jeux/index.html; http://francaisenligne.free.fr/ecouter/cours.php

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Abry D., Veldeman-Abry J. La phonétique: audition, prononciation, correction. Paris: CLE international, 2007.
2. Léon M. Exercices systématiques de prononciation française. CD – Livre audio. Paris: Hachette, 2003.
3. Abry D., Chalaron M. L. 500 exercices de Phonétique A1A2. Paris: Hachette, 2010.
4. Abry D., Chalaron M. L. 500 exercices de Phonétique B1B2. Paris: Hachette, 2011.

REFERENCES

1. Abry, D., Veldeman-Abry, J. (2007). La phonétique: audition, prononciation, correction. Paris: CLE international.
2. Léon, M. (2003). Exercices systématiques de prononciation française. CD – Livre audio. Paris: Hachette.
3. Abry, D., Chalaron, M. L. (2010). 500 exercices de Phonétique A1A2. Paris: Hachette.
4. Abry, D., Chalaron, M. L. (2011). 500 exercices de Phonétique B1B2. Paris: Hachette.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Когалова Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kogalova Elena Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 81.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74

Репрезентация концептов «колокол» и «звон» в русских, немецких и французских фразеологизмах

О. М. Куницына[1], **Р. И. Первозванский**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, kunitsyna_mglu@mail.ru*
[2]*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, romanpervozvan@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена репрезентации концептов «колокол» и «звон» в русской, немецкой и французской лингвокультурах. Наиболее наглядно данные концепты вербализуются во фразеологизмах. Проводится сравнительный анализ содержательной структуры фразеологических единиц, репрезентирующих исследуемые концепты, что позволяет выделить различные концептуальные компоненты в каждом из исследуемых языков. Показаны сходства и различия в интерпретации данных концептов в разных языковых картинах мира.

Ключевые слова: концепт, колокол, звон, фразеологизм, языковая картина мира, лингвокультура

Для цитирования: Куницына О. М., Первозванский Р. И. Репрезентация концептов «колокол» и «звон» в русских, немецких и французских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9(864). С. 74–79. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74

Original article

Representation of the Concepts “Bell” and “Ringing” in Russian, German and French Phraseological Units

Olesya M. Kunitsyna[1], **Roman I. Pervozvanskiy**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia kunitsyna_mglu@mail.ru*
[2]*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia romanpervozvan@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the representation of the concepts “bell” and “ringing” in Russian, German and French linguistic cultures. These concepts are most clearly verbalized in phraseological units. A comparative analysis of the content structure of phraseological units representing the studied concepts is carried out, which makes it possible to identify different conceptual components in each of the studied languages. The similarities and differences in the interpretation of these concepts in different linguistic worldviews are shown.

Keywords: concept, bell, ringing, phraseology, linguistic view of the world, linguoculture

For citation: Kunitsyna, O. M., Pervozvanskiy, R. I. (2022). Representation of the concepts “Bell” and “Ringing” in Russian, German and French phraseological units. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 74–79. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74

ВВЕДЕНИЕ

Язык как связующее звено между внутренним миром человека и социумом фиксирует результаты, полученные носителем языка в ходе познания окружающей действительности. Такие вербализованные представления отражаются в концептах. Вся совокупность концептов формирует языковую картину мира определенного народа или этнической группы. Для каждого языка характерна своя специфическая и уникальная картина мира с накопленным социокультурным опытом, стереотипами, установками. Они присущи каждому сложившемуся языковому сообществу. Благодаря анализу концептуальных систем можно выявить специфику той или иной картины мира, сравнить понимание единых сфер жизни различными национальностями.

Лингвокультурные концепты «колокол» и «звон» являются сложными многокомпонентными образованиями. Набор их концептуальных элементов в русском, немецком и французском языках разнится, что естественно, учитывая условия исторического и социокультурного развития трех упомянутых стран. Тем не менее, наблюдаются и сходные этнические интерпретации единых концептов.

В данной статье под концептом мы будем понимать структурированное во фрейм знание, в котором отражаются не просто существенные признаки, а все признаки, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности [Телия, 1996]. Концепт представляет собой ментальный конструкт, моделируемый на основе семантики, репрезентирующей его языковые единицы. Он состоит из набора концептуальных признаков, образующих его структуру и находящихся в определенных отношениях друг с другом [Иванова, 2015].

Особенно наглядно лингвистическая репрезентация концептов «колокол» и «звон» реализуется во фразеологических единицах, что стало основным мотивом выбора данного языкового материала для исследования.

Концепт всегда национально маркирован, функционирование концептов в языковой картине мира тесно связано с национальной культурой того или иного народа.

КОНЦЕПТЫ «КОЛОКОЛ» И «ЗВОН» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Колокола и колокольные звоны – древнейшие атрибуты мировой культуры. Изначально напрямую не связанные с церковным искусством колокола и колокольчики многие тысячелетия выполняли сигнальную функцию в различных культурах. Постепенно колокольный звон становился органической частью богослужения в христианской церкви. Точные сроки этого процесса неизвестны, но кампанолог Н. И. Оловянишников указывает, что официальное введение колокольного звона приписывают папе Сабинианусу, возглавлявшему церковь в 604–606 гг. В VI–VIII вв. колокола уже весьма часто использовались в богослужении в христианских храмах [Оловянишников, 2003]. По мере обретения колокольным звоном нового, уже богослужебного, функционала, значение колокольного звона для сознания носителей языка возрастало. Историки склонны считать, что Русь заимствовала колокола не из Византии, а из Западной Европы.

При этом развитие колокольного звона в европейской и русской церковно-музыкальных культурах не было одинаковым: в западной традиции, с одной стороны, колоколам «поручают» несоответственную им задачу [Ильин, 1999] исполнения конкретной мелодии, а с другой – звон часто оказывается лишен ритмической организации (колокола и их языки раскачиваются произвольно); в русской же традиции звон почти всегда ритмичен, но при этом колокольный подбор не выстраивается таким образом, чтобы на нем можно было сыграть определенную мелодию.

Колокола и колокольные звоны прочно вошли в культуру европейских народов, в их языковую картину мира. Она являет собой исторически сложившуюся в сознании языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности (определение А. Вежбицкой) [Вежбицкая, 2000]. По мере развития колокольного звона и расширения сфер его применения формировались концепты «колокол» и «звон». Постепенно они получали новые интерпретации и приобретали новые концептуальные смыслы. С возрастанием смыслоразличительной роли колоколов и звонов связана их фиксация во фразеологизмах и паремиях многих языковых общностей – в первую очередь, христианского мира.

КОНЦЕПТЫ «КОЛОКОЛ» И «ЗВОН» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В русском языке существует множество фразеологических единиц, построенных вокруг образа колокола, звона и даже звонаря. Известен фразеологизм *звонить / забить / бить / трезвонить во все колокола* со значением «бить тревогу» и очень похожий по форме, но почти противоположный по

содержанию фразеологизм *звонить / раззвонить* (*во все*) *колокола* (*что-либо*) со значением «распускать слухи», «сделать что-либо общеизвестным». Формально переосмысление колокола в этих фразеологизмах одинаково, оно связано с изначальной сигнальной функцией этого инструмента – и набата, и колокола церковного. Однако во втором фразеологизме колокол переосмысляется с негативной коннотацией: колокол – говорливый, много болтающий. Такая же интерпретация колокола встречается, например, в поговорке «чужой человек в доме колокол». В данном случае подчеркивается природа колокола как субъекта, распространяющего вести (гость, пришедший в дом, сообщит – растрезвонит всем, что там происходит). Еще один пример негативного осмысления колокола – поговорка «колокол в церковь людей зовет, а сам никогда не бывает».

Во фразеологической единице «лить колокола» со значением «говорить неправду» мотивировка обращения к колоколу определяется, по всей видимости, самим процессом литья. Это выражение встает в один синонимический ряд с фразеологизмами «пули лить», «лить пушку», где в качестве «объекта литья» выбраны другие распространенные в то время предметы, требующие отливки. Во фразеологии существует версия этимологии этого фразеологизма, отсылающая к обычаю колоколитейщиков во время отливки колоколов рассказывать друг другу небылицы. Эта версия отражена, в частности, во Фразеологическом словаре русского литературного языка под ред. А. И. Федорова [Федоров, 2008]. В кампанологии приведенная версия не поддерживается, поскольку достоверные подтверждения означенного обычая не найдены.

Фразеологическая единица *иже под колоколы* относится к сфере профессиональной лексики истории и архитектуры. Так называется особый тип конструкции православного храма. Компонент *иже* вышел из употребления в языке, раньше он имел значение «который», таким образом на современный русский язык фразеологизм дословно переводится «(храм), который под колоколами». Форма «колоколы» морфологически преобразовалась в «колокола». В данном случае основой фразеологизма является колокол как непосредственно церковно-музыкальный инструмент.

Имя существительное *звон*, в свою очередь, входит во фразеологизмы *малиновый / красный звон* и *звон во вся* (*тяжкая*), характеризующие звон как очень красивый или очень полнозвучный. Существует несколько версий этимологий фразеологизма *малиновый звон*. Наиболее распространена версия, связанная с названием ныне расположенного в Бельгии города Мелехена, во французском языке называвшегося Малин. Этот город с XVII в. и до сегодняшнего дня является одним из центров европейской колокольной музыки и колокололитейного дела. Пример паремии с этим словом – пословица: «Слышу звон – не знаю, где он», в которой замечена и переосмыслена акустическая особенность звона, трудность в определении его источника, метафорически перенесенная на всякую информацию.

Э. Р. Лассан, выполняя анализ репрезентации концепта «колокол» в речи носителей русского языка, приводит ряд и других паремий, в которых колоколу приписываются негативные характеристики («Поп за колокол, а мы за ковш»; «Звони поп в колокола, чтобы попадья не спала»), и делает предположение о том, что сакрализация колокола может быть относительно поздним явлением, характерным для рефлектирующего сознания (а не для бытового восприятия колокольного звона) [Лассан, 2014]. Данную точку зрения нельзя считать однозначно верной, поскольку очевидно, что к колоколу (как к предмету богослужебному) носители пусть даже и бытовой картины мира не могли относиться с осуждением.

В приведенных фразеологических оборотах в основном представлен концептуальный компонент «передача информации», который имеет негативную коннотацию. Это такие содержательные элементы, как «говорить много», «говорить лишнее», «говорить неправду», «сообщать недобрые вести», «говорить, не понимая, о чем идет речь», «распускать слухи». Положительная коннотация колокола проявляется в репрезентации «малиновый звон» с содержанием «благозвучие».

КОНЦЕПТ «КОЛОКОЛ» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В немецкой лингвокультуре в репрезентации концепта «колокол» вербализуются два основных смысла: «передача информации» и «часть тела человека».

Фразеологические единицы *eins auf die Glocke kriegen* («получить удар по голове», *букв.* ‘получить по колоколу’) и *jemandem eins auf die Glocke hauen* («ударить кого-либо по голове», *букв.* ‘ударить кого-либо по колоколу’) зафиксированы в словаре немецкого языка Duden[1]. Здесь слово *die Glocke* («колокол») обозначает «голову» в прямом смысле, т. е. в структуре концепта «колокол» появляется дополнительный смысловой компонент «часть тела».

[1] Словарь немецкого языка Duden. URL: https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Glocke9

К. В. Манерова посвящает одно из своих исследований сравнительному анализу русских и немецких фразеологизмов религиозной тематики. В ее работе приведены три фразеологизма со стержневыми компонентами «колокол» и «звон». Анализ этих единиц показывает, что в немецком языке есть фразеологизмы как близкие по семантике русским фразеологизмам, так и принципиально отличающиеся от них по семантике [Манерова, 2016].

Фразеологизм *an die große Glocke hängen (*«растрезвонить о чем-л., раструбить что-л. повсюду, афишировать»; *букв*. ‘повесить на большой колокол’) близок по значению фразеологизму «звонить во все колокола», в нем так же, как и в русском эквиваленте, подчеркивается природа колокола как сигнального инструмента, вестника, распространителя информации (в реальной жизни – звуковой, в метафорическом переосмыслении – всякой информации).

Немецкий фразеологизм *an die große Glocke kommen* («стать общеизвестным»; *букв*. ‘попасть на большой колокол’) точных аналогов в русском языке не имеет, но пути переосмысления колокола в этом фразеологизме кардинально не отличаются от путей переосмысления колокола в русской языковой картине мира. И в немецкой, и в русской языковой картине мира колокол-вестник в принципе может распространять сведения о конкретном человеке, делать его знаменитым. Аналога фразеологизма *wissen, was die Glocke geschlagen hat* («смекнуть, в чем дело»; *букв*.‘знать, о чем звонит колокол’) со стержневым компонентом «колокол» в русском языке нет, но, как отмечает К. В. Манерова, переосмысление колокола в этом выражении продолжается в русле все той же концептуальной метафоры «знание, оповещение» [Манерова, 2016].

КОНЦЕПТЫ «КОЛОКОЛ» И «ЗВОН» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Во французской языковой картине мира мы видим иные интерпретации колокола во фразеологических единицах. Например, во фразеологизмах *se taper la cloche* («хорошо поесть, наесться», букв. «ударить в колокол») и *une pauvre cloche* («дурачок, нелепый человек», *букв*. ‘бедный колокол’) колокол осмысляется как часть тела человека (в первом случае – живот, во втором случае – голова). Языковед Вальтер фон Вартбург отмечает, что выражение *se taper la cloche* в значении «напиться» стало употребляться еще в середине XIX в., однако единого мнения о времени возникновения этого выражения во французском языке нет. Распространение фразеологизмов с таким типом переосмысления значения стержневого компонента связано и с особым значением слова *une cloche*: авторитетный французский толковый словарь Larousse третьим из четырнадцати значений слова фиксирует фамильярное «глупый, неспособный и неуклюжий человек»[1]. Отсюда, по всей видимости, еще один фразеологизм *son de cloche* («мнение», *букв*.‘звук колокола’) и тесно связанный с ним фразеологизм *entendre le même son de cloche / un autre son de cloche* («услышать одну версию события / другую версию события», *букв*.‘услышать один звук колокола / другой звук колокола’), в котором звук колокола уподоблен человеческому мнению. То же уподобление замечаем в пословице: «Qui n’entend qu’une cloche n’entend qu’un son» (приблизительный перевод: «кто слышит только один колокол, тот слышит только один звук»), призывающей при решении вопроса всегда выслушивать не одну, а обе стороны.

Фразеологизм французского языка *déménager à la cloche de bois* («проехать тайно, не заплатив», *букв*. ‘передвигаться по деревянному колоколу’) по значению эквивалентен русскому фразеологизму *проехать зайцем*. В лексической структуре этого фразеологизма акцентируется материал, из которого изготовлен колокол. Дело в том, что при входе в помещение над дверью часто размещался металлический колокольчик, издававший звук в те моменты, когда дверь открывалась и закрывалась. Однако колокольчик, сделанный из дерева, громкого звука издавать не будет, поэтому вошедший внимания к себе не привлечет. Во французском языке есть еще одно выражение со сходной структурой, в котором глагол *déménager* сочетается с наименованиями музыкальных инструментов: *déménager sans tambour, ni trompette* («незаметно уйти», *букв*.‘передвигаться без барабана и трубы’).

В других французских фразеологизмах мы видим еще одну интерпретацию колокола, не фиксирующуюся в русской языковой картине мира: колокол воспринимается как символ власти. Яркими примерами такой интерпретации являются фразеологизмы *sonner les cloches à quelqu’un* («отругать, отчитать кого-либо», *букв*. «позвонить кому-то в колокола») и *faire sonner la plus grosse cloche* («заставить говорить человека, обладающего наибольшим авторитетом», *букв*. «звонить в самый большой колокол»).

Отметим фразеологизм французского языка *dormer comme un sonneur* («крепко спать», *букв*.

[1] Larousse: энциклопедический онлайн-словарь. URL: https://www.larousse.fr

«спать как звонарь»). В этом фразеологизме нет компонентов «колокол» и «звон», но есть близкий им компонент того же лексико-семантического поля – «звонарь». По значению этот фразеологизм эквивалентен фразеологизмам русского языка *спать как убитый*, *спать как младенец*.

В ряде случаев русским фразеологизмам, героями которых являются колокола, соответствуют французские фразеологизмы с различными музыкальными инструментами. А. П. Василенко, сравнивая русский фразеологизм *звонить во все колокола* и французский фразеологизм *battre le tambour* (*battre* или *rouler du tambour*), буквально переводящийся на русский язык как 'бить (в) барабан', отмечает, что во внутренней форме русского фразеологизма отражается архетипическое представление «близкое – далекое». Достичь далекого пространства можно было только колокольным звоном, так как аналогичных по силе звучания сигнальных музыкальных инструментов на Руси в древности не было [Василенко, 2010].

Таким образом, во французской лингвокультуре концепт «колокол», вербализованный во фразеологических оборотах, имеет четыре основных компонента: власть, передача информации, оповещение, часть тела человека, неуклюжесть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепты как динамические образования отражают исторические и мировоззренческие реалии. В русском, французском и немецком языках наблюдаются как общие, так и различные направления репрезентации концептов «колокол» и «звон». В этом отношении из рассмотренных нами языков наиболее близки русский и немецкий. Общими для русского и немецкого языков являются фразеологизмы со значением «сообщить всем о чем-либо», однако в немецком языке значения «общеизвестность» и «знание» раскрываются во фразеологизмах со значением «стать общеизвестным» и «смекнуть, в чем дело».

Остается заключить, что и в русском, и в немецком языковом сознании ключевое концептуальное значение колокола – значение информирования. Причем информирование может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. В русском языке – преимущественно отрицательную, в немецком – преимущественно нейтральную или положительную («узнать что-то», «стать известным», «понять что-то»). Кроме того, в немецкой лингвокультуре репрезентируется значение «часть тела человека», которое характерно и для французского языка. В остальном переосмысление колокола и звона во французском языке отличается от их переосмысления в русском и немецком языках. Во французских фразеологизмах актуализируются такие не свойственные русским и немецким фразеологизмах концептуальные компоненты, как «власть» и «неуклюжесть». Репрезентации концептов «колокол» и «звон» во французском языке являются более светскими, нежели в русском и немецком языках. Анализ языковых единиц, связанных с колоколом и звоном, важен для лингвокультурологических исследований. На наш взгляд, он может быть продолжен с опорой на материалы других языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. Иванова Е. В. Фразеологическая репрезентация концепта // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. №12 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskaya-reprezentatsiya-kontsepta
3. Оловянишников Н. И. История колоколов и колокололитейное искусство. М.: Русская панорама, 2003.
4. Ильин В. Н. Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона // Музыка колоколов: сборник исследований и материалов. 1999. С. 228–232.
5. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
6. Федоров А. И. и др. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.
7. Лассан Э. Р. Благовест сменяется набатом (дискурс колокола в русской культуре) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 28–42.
8. Манерова К. В. Ключевые компоненты фразеологизма как носители культурного кода (контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики) // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 10–1 (64). С. 111–115.
9. Василенко А. П. Межъязыковые русско-французские семантико-фразеологические корреляты // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 2. С. 90–91.

REFERENCES

1. Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya = Russian phraseology. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
2. Ivanova, E. V. (2015). Phraseological representation of a concept. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii, 12(55). https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskaya-reprezentatsiya-kontsepta. (In Russ.)
3. Olovyanishnikov, N. I. (2003). Istoriya kolokolov i kolokololitejnoe iskusstvo = The history of bells and bell-making art. Moscow: Russkaya panorama. (In Russ.)
4. Il'in, V. N. (1999). Esteticheskij i bogoslovsko-liturgicheskij smysl kolokol'nogo zvona = Aesthetic and theological-liturgical meaning of bell ringing. Muzyka kolokolov (pp. 228–232): a collection of research and materials. (In Russ.)
5. Vezhbickaya, A. (2000). Yazykovaya kartina mira kak osobyj sposob reprezentacii obraza mira v soznanii cheloveka = The linguistic view of the world as a special way of representing the image of the world in human consciousness. Voprosy yazykoznaniya, 6, 33–38. (In Russ.)
6. Fedorov, A. I et al. (2008). Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka = Phraseological dictionary of the Russian literary language. AST Publ. (In Russ.)
7. Lassan, E. R. (2014). Bell discourse in Russian culture. Russian Journal of Linguistics, 3, 28–42. (In Russ.)
8. Manerova, K. V. (2016). Key components of a phraseological unit as cultural code carriers (contrastive analysis of German and Russian phraseological units of religious subject matter). Philology: theory & practice, 10-1(64), 111–115. (In Russ.)
9. Vasilenko, A. P. (2010). Mezhyazykovye russko-francuzskie semantiko-frazeologicheskie korrelyaty = Interlanguage Russian-French semantic-phraseological correlates. Modern studies of social issues, 2, 90–91. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куницына Олеся Мироновна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

Первозванский Роман Ильич
магистрант Института филологии Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kunitsyna Olesya Mironovna
PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication
in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Pervozvanskiy Roman Ilyich
Master's student, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 81-37,81-139
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_80

Когнитивный подход к концептуальным метафорам и его применение при анализе сложных абстрактных понятий в юридическом дискурсе

О. Ю. Любимова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
ol_lyubimova@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается потенциал когнитивного подхода к концептуальным метафорам, обозначающим сложные абстрактные понятия, и его использования при анализе юридического дискурса. В качестве примера рассмотрена концептуальная метафора «комплексные абстрактные системы – растения» и даны ее различные мэппинги. Характерными чертами данной метафоры является ее частотность в юридическом, а также в других специальных дискурсах.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная лингвистика, мэппинги, концептуализация абстрактных понятий, межкультурная компетенция

Для цитирования: Любимова О. Ю. Когнитивный подход к концептуальным метафорам и его применение при анализе сложных абстрактных понятий в юридическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 80–85. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_80

Original article

Cognitive Approach to Conceptual Metaphors and Its Usage in the Analysis of Complex Abstract Notions in Legal Discourse

Olga Yu. Lyubimova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ol_lyubimova@mail.ru

Abstract. The article reveals the potential of cognitive approach to conceptual metaphors defining complex abstract notions and its usage in the analysis of legal discourse. The conceptual metaphor "Complex abstract systems are Plants" is analyzed as an illustrative example, and its various mappings are given. The characteristic features of this metaphor is its frequent usage in legal discourse as well as in special discourse.

Keywords: conceptual metaphor, cognitive linguistics, mappings, conceptualization of abstract notions, intercultural competence

For citation: Lyubimova, O. U. (2022). Cognitive approach to conceptual metaphors and its usage in the analysis of complex abstract notions in legal discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 80–85. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_80

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время точка зрения на изучение метафоры сместилась со стилистики, поэтики и других филологических дисциплин на рассмотрение метафоры в повседневной речи, научной речи, т. е. изучение метафоры в тех областях, где ее присутствие, казалось бы, наименее всего вероятно. Так, еще в 1988 г. вышел сборник «Метафора в языке и тексте» под редакцией В. Н. Телии [Телия, 1988]. Этот сборник рассматривает метафору в различных ее проявлениях – в функционально-языковых ипостасях, в онтогенезе детской речи, в организации научного текста как системы знаний и в закреплении этого знания в виде терминосистем, в формировании художественного текста, и в ее (метафоры) когнитивной дееспособности. Цель данного сборника состояла в том, чтобы показать состояние разработки проблемы метафоры в отечественном языкознании. Сборник разделен на две части. Первая посвящена проблеме метафоры в языке, где разрабатываются вопросы, связанные с механизмами метафоризации, нацеленными на обеспечение номинативного инвентаря новыми единицами. Вторая часть сборника рассматривает метафору в тексте – научном и художественном. Специфика и функции метафоры в данных видах текста различны Объединяющим началом для них является роль метафоры, а именно ее функциональная зависимость от содержания текста, текстообразующая функция самой метафоры, ее участие в когнитивной организации текста.

В статье «Метафора и оценка» Е. М. Вольф утверждает, что метафора лишь в своей «вспомогательной» части подчинена законам языка, и то регламентируемым картиной мира [Вольф, 1988, с. 52–64]. Рождение метафоры тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их системой представлений о мире, с их системой ценностей, которые исходно существуют вне языка и лишь вербализуются в нем. Такая постановка вопроса наводит на мысль о том, что метафора – это вербализованный прием мышления о мире, а уже вследствие этого – способ пополнения языкового инвентаря. Согласно интерактивной теории М. Блэка, метафора может рассматриваться как результат когнитивного процесса, который сополагает двух (или более) референтов, обычно не связанных между собой, что ведет к семантической концептуальной аномалии [Блэк, 1990]. Концептуальные метафоры стали объектом множественных классификаций, построенных главным образом на разграничении областей сфер-источников (ориентационные, артефактные и др.) и сфер-мишеней метафоризации. Проекции (projection mappings) концептуальных метафор переносят часть структуры одного домена на другой. Вопрос метафорических проекций активно исследовался такими зарубежными учеными, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Тёрнер, а также русскими когнитологами [Lakoff, Johnson, 2003; Johnson, 1990; Turner, 1990].

Широко признано, что изучение иностранного языка должно быть сосредоточено на обретении учащимися коммуникативной и межкультурной компетентности. Задачей данного исследования стало применение когнитивного подхода к анализу юридического дискурса, а также облегчение доступа к абстрактным понятиям юридического дискурса с помощью инструментов когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика вносит большой вклад в область изучения иностранного языка, она предлагает новые формы когнитивного подхода посредством метонимии и метафоры. Когнитивно-эмпирический подход к изучению иностранного языка через прототип, концептуализация абстрактных понятий в парадигме обучения иностранному языку могут быть плодотворными в процессе преподавания иностранного языка. Как утверждал З. Ковечеш [Kovesces, 2003], изучение метафор, лежащих в основе идиом, способствует представлению структуры англоязычной концептуальной системы. Англоязычный юридический дискурс характеризуется коммуникацией в сфере права, включающей в себя законодательную, судебную, исполнительную сферы, а также коммуникацию среди непрофессионалов и экспертов по другим специальностям. Изучение концептуальной метафоры в англоязычном специальном (юридическом) дискурсе является перспективным направлением в силу широкого распространения правовых знаний не только среди профессионалов, но и среди рядовых носителей языка.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ И ПОСТРОЕНИЕ ПРОЕКЦИЙ (МЭППИНГОВ)

Одним из слабых мест современной лингвистики является разграничение и акцентуализация разделов языкознания (например, синтаксис, семантика, прагматика), при этом делаются попытки изучать грамматическую или смысловую структуру выражений независимо от их использования в коммуникации. Между тем, дискурс является высокоорганизованной и сложной формацией в рамках более широких социальных и культурных контекстов (например, юридический дискурс). Основное

достижение когнитивных исследований в области мысленного пространства заключается в том, что основные операции и принципы проецирования (мэппинги) эффективно действуют как в элементарной семантике, прагматике, так и в умозаключениях «высокого уровня». Анализ использования категорий времени, референции, пресуппозиции напрямую сопряжены с проекциями по аналогии, с концептуальными связями и с конструкцией дискурса. В своем взаимодействии они неотделимы от метафоры и метонимии, структуры повествования, речевых актов, риторики.

Проекции или мэппинги переносят часть структуры одного домена на другой. Идея концептуального моделирования заключается в том, чтобы говорить и думать о некоторых доменах (целевых доменах), используя структуру других доменов (исходных доменов) и соответствующий вокабуляр. Некоторые проекции используются всеми членами социума, например, в английском языке проекция время *как пространство*. Структура обыденного понимания пространства и передвижения позволяет организовать житейское осмысление времени, например:

Christmas is approaching. – «Рождество приближается».
The weeks go by. – «Недели проходят».
Summer is around the corner. – «Лето уже за углом».

Понятие проекций закрепилось в лингвистике, и М. Тёрнер показывает, что проекции определяют концептуальную структуру языка и культуры [Turner, 1990]. Примечательно, что в вокабуляре, который мы повседневно используем, проекции часто лежат на поверхности, но мы не отдаем себе в этом отчета, поскольку проецирование одного домена на другой являетсяв каком-то смысле автоматическим процессом. Проекции могут возникать локально, в контексте, и в этом случае они воспринимаются не как продукт языка, а как некий творческий ход, часть построения дискурса. Тем не менее не существует принципиальной разницы между укоренившимися в лексике (незаметными) проекциями и теми, которые сознательно создаются говорящим. Дж. Лакофф и М. Джонсон, исследуя концептуальную метафору, выдвигают ряд гипотез [Lakoff, Johnson, 2003; Johnson, 1990].

1. Процесс мышления, по большому счету, бессознателен. Мы не отдаем себе отчета в том, как мы мыслим и рассуждаем, и не можем заставить себя перестать мыслить.
2. Абстрактные понятия очень часто являются метафорическими, т. е. большинство нашей нефизической реальности (социальной, психологической и т. п.) концептуализируется посредством физической реальности, а именно через физические домены опыта.
3. Разум телесен. Это значит, что концепции получают свое значение через сенсомоторные ощущения – напрямую или опосредованно.

Целью нашего исследования является определение метафоры, которая лежит в основе специального (юридического) дискурса. Сложные АБСТРАКТНЫЕ системы – это сложные физические объекты (например, тело человека, здания, сложные машины и растения). В рассматриваемой концепции конкретным исходным доменом будут РАСТЕНИЯ.

Комплексные абстрактные системы – это Растения. Данная метафора базируется на небольшом числе основных мэппингов, составленных З. Ковешесем в 2005 г. [Kovecses, 2005]:

а) растение – это комплексная система (юридическая система, в частности);
б) части растения – это части комплексной системы;
в) биологический рост растения – это абстрактное, небиологическое развитие комплексной системы.

Все эти мэппинги мы можем проиллюстрировать метафорами, взятыми из юридического текста:

Please turn to the local *branch* of the organization. – «Пожалуйста, обратитесь к местному подразделению (*букв.* ‘ветке’) этой организации».

She *has grown* a lot as a scholar lately. – «В качестве ученика она значительно *выросла* за последнее время».

Во многих случаях, относящихся к концептуальным метафорам, у нас есть обширные знания об элементах источника (source) и, соответственно, мы можем использовать эти знания применительно к цели (target).

Две части представленной метафоры выглядят следующим образом:

1) когда растения растут, они физически увеличиваются;
2) растения иногда срезают, обрезают им ветки, и они физически уменьшаются в размере.

Таким образом, люди, говорящие на английском языке, могут использовать дополнительную информацию о растениях для понимания различных особенностей комплексных абстрактных систем, частью которых является и юридическая система.

Метафора 1

- КОМЛЕКСНАЯ АБСТРАКТНАЯ СИСТЕМА СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ – РАСТЕНИЕ ВЫРАСТАЕТ

Land administration was perceived as a fundamental building block for economic development, and ECE was encouraged *to branch out* from cadastre management to sharing best practices in private property / commercial court management in order to streamline land and property dispute resolutions. – «Землеустройство рассматривалось как один из основных компонентов экономического развития, и к ЕЭК был обращен призыв *перейти* от управления на основе кадастровых книг к использованию наилучшей практики в судебном регулировании частной / коммерческой собственности в целях упорядочения разрешения споров по земельным и имущественным вопросам».

Метафора 2

- УМЕНЬШЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ АБСТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ – УМЕНЬШЕНИЕ РАСТЕНИЯ ПУТЕМ ОБРЕЗАНИЯ ВЕТОК

This phase would make it possible to have an ongoing, fruitful dialogue with the parties, in order to give us a trial *pruned of all its useless branches* and focused on the real factual and legal issues. – «Эта фаза позволила бы нам провести текущий продуктивный диалог со сторонами с целью *лишить суд всех его бесполезных подразделений (разветвлений)* и сфокусироваться на реальных фактических и юридических вопросах».

- ПОДГОТОВКА РАЗВИТИЯ КОМПЛЕКСНОЙ АБСТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ – ПОДГОТОВКА РОСТА РАСТЕНИЯ

In any event, I believe that in the time available we shall be able only to *prepare the ground* for next year's session. – «В любом случаи, я полагаю, что в текущих временных рамках мы будем способны *подготовить почву* для следующей годичной сессии».

- НАЧАЛО СОЗДАНИЯ АБСТРАКТНОЙ КОМЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ – ПОСЕВ РАСТЕНИЯ

A seed of doubt may have been planted in your minds. – «*Зерно сомнения,* возможно, *было посеяно* в их умах».

- РОСТ

Typically, *the first green shoots of recovery* herald an increase. – «Обычно *первые зеленые ростки восстановления* предвещают увеличение».

My authority is being questioned by two *budding lawyers*. – «Мой авторитет подвергается сомнению двумя *подающими надежду юристами*».

He is not particularly serious about his *budding career*. – «Он не очень серьезен насчет своей *зарождающейся карьеры*».

We let the concept *germinate in the minds* of delegation members and in their capitals for a year. – «Мы позволяем концепции *прорасти в умах* и в капиталах членах делегации».

- ЗАБОТИТЬСЯ ОБ АБСТРАКТНОЙ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЕ – КУЛЬТИВИРОВАТЬ РАСТЕНИЕ

Such lack of enthusiasm *can only cultivate a culture* of general disregard for the principles that govern the treaty. – «Подобная нехватка энтузиазма не *может не культивировать культуру* общего пренебрежения принципами, которые регулируют договор».

They know we need *time to cultivate another witness*. – «Они знают, что нам нужно время для *поиска нового свидетеля*».

- УСПЕШНОЕ И СВОЕВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ – ЗДОРОВЫЙ РОСТ РАСТЕНИЯ

It is deprived of all socio-economic and institutional opportunities, and it cannot *flourish at the cultural level*. – «Она лишена каких бы то ни было социально-экономических и организационных возможностей и *не может процветать* в культурном отношении».

His career *is flourishing again*. – «Его карьера *опять цветет*».

- НЕУСПЕШНОЕ И НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АБСТРАКТНЫХ КОМПЛЕКСНЫХ СИСТЕМ – НЕЗДОРОВЫЙ РОСТ РАСТЕНИЯ

Attempts to raise opposition *have born shriveled fruit*. – «Попытки поднять оппозицию *не дали плодов*».

- ЛУЧШАЯ СТАДИЯ В РАЗВИТИИ КОМПЛЕКСНЫХ СИСТЕМ – ЦВЕТЕНИЕ РАСТЕНИЯ

  We applaud the multitude of grass-roots initiatives *blossoming at mid-decade*. – «Мы также приветствуем многочисленные инициативы на низовом уровне, *успешно осуществляемые в этом пятилетии*».

- БЛАГОТВОРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ КОМПЛЕКСНЫХ АБСТРАКТНЫХ СИСТЕМ – ПЛОДЫ РАСТЕНИЯ

  ...the *first fruit of* the union between companies. – «...первые плоды объединения между компаниями».

  They were eager to continue the long and *fruitful association*. – «Они были готовы продолжить длительное и *плодотворное общение*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные примеры позволяют утверждать, что характерная черта метафоры «Комплексные абстрактные системы – Растения» заключается в стабильности исходной модели и сопряженных с ней образов. Метафорическая модель часто используется в специальном / профессиональном, в частности, юридическом дискурсе. Говорящие на английском языке люди используют приведенную выше информацию о растениях для понимания особенностей комплексных абстрактных систем, частью которых является и юридическая система. Наглядность образов данной концептуальной метафоры и сопряженных с ней проекций позволяет существенно расширить словарный запас людей, изучающих юридический английский язык, а также сформировать четкое понимание употребления данных метафорических выражений. Методика анализа концептуальных метафор с применением концептуального моделирования и усвоения одних понятий посредством других является востребованной в дальнейших и исследований метафор в юридических текстах. Анализ метафоры «комплексные абстрактные системы – растения» перенесен в плоскость построения межпонятийных проекций, мэппингов, где они проиллюстрированы примерами из юридических текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.
2. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–64.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
4. Lakoff G., M. Johnson. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.
5. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
6. Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (2). P. 247–255.
7. Kovecses Z. Metaphor and emotion: language, culture, and body in human feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
8. Kovecses, Z. (2005). Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

1. Telia, N. (1988). Metafora kak model' smysloproizvodstva i yeye ekspressivno-otsenochnaya funktsiya = Metaphor as model of meanings production and its expressional and estimated function. Metafora v jazyke i v tekste (pp. 26–52). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Volf, E. M. (1988). Metafora i otsenka = Metaphor and appraisal. Metafora v yazyke i v tekste (pp. 52–64). Moscow: Nauka. . (In Russ.)
3. Black, M. (1990). Metafora = Metaphor. Teoriya metafory (pp. 153–172). Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors we live by Chicago. Chicago: University of Chicago Press.
5. Johnson, M. (1990).The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press.
6. Turner, M. (1990). Aspects of the invariance hypothesis. Cognitive Linguistics, 1(2), 247–255.

7. Kovecses, Z. (2003). Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kovecses, Z. (2005). Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любимова Ольга Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubimova Olga Yurievna
PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Linguistics
and Professional Communication in the Field of Law,
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 81-37,81-139
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_86

Турнир между Раем и Адом: символическое в воинской лирике *Chansons de Croisade* (на материале анонимных песен северофранцузских труверов XII–XIII веков)

А. О. Манухина
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, amanuhina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу символического содержания старофранцузских сочинений северофранцузских труверов XII–XIII веков, объединенных общей темой – подготовкой к Крестовому походу и вошедших в историю как *Chansons de Croisade*. Особенность символического изображения, объединяющая анализируемые сочинения, заключается в описании предстоящего Крестового похода как турнира между Раем и Адом. Данный символ эксплицитно или имплицитно присутствует во всех *Chansons* . Он вербализован оценочными конструкциями, содержащими этическую эмоциональную оценку.

Ключевые слова: нравственные стереотипы рыцарства, старофранцузский язык, символизм Средневековья

Для цитирования: Манухина А. О. Турнир между Раем и Адом: символическое в воинской лирике *Chansons de Croisade* (на материале анонимных песен северофранцузских труверов XII–XIII веков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 86–90. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_86

Original article

A Tournament between Heaven and Hell: the Symbolic in Military Lyrics *Chansons de Croisade* (based on anonymous songs of Northern French trouveurs of the 12th – 13th centuries)

Alla O. Manuhina
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, amanuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the symbolic content of the Old French compositions of the Northern French trouveurs of the 12th –13th centuries, united by a common theme – preparation for the Crusade that entered the history as *Chansons de Croisade*. The peculiarity of the symbolic image that unites the analyzed works is the description of the upcoming Crusade as a tournament between Heaven and Hell. This symbol is explicitly or implicitly present in all *Chansons* and is verbalized by evaluative constructions containing an ethical emotional assessment.

Keywords: moral stereotypes of chivalry, Old French, symbolism of the Middle Ages

For citation: Manuhina, A. O. (2022). The tournament between Heaven and Hell: the symbolic in military lyrics *Chansons de Croisade* (based on anonymous songs of Northern French trouveurs of the 12th–13th centuries). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 86–90. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_86

ВВЕДЕНИЕ

Представления о нравственных ценностях рыцарей-крестоносцев XII–XIII веков основаны на четкой оппозиции грехов и добродетелей. Следование жестким правилам и сложившимся традициям типично для художественных произведений эпохи Крестовых походов.

Материал исследования – корпус старофранцузских анонимных стихотворений середины XII – начала XIII века: «Chevalier mult estes guariz…», «Vos qui ameis de vreis amor…», «Parti de mal et a bien aturné…», «Ne chant pas, que que nus die…», «Tous li mons doit mener joie…», «Un serventois, plait de deduit, de joie…». Анализируемые сочинения относятся к средневековой воинской лирике, а именно к жанру *Chansons de Croisade* («песен Крестовых походов»), также называемых *Chansons d'outrée* (торжественная политическая песня на Крестовые походы), или *Chansons de marche des pèlerins* (походная песнь крестоносцев-пилигримов) [Смолицкая, 1984, с. 56].

Изучаемые письменные средневековые памятники объединяет единый сюжет (приготовления к Крестовому походу и описание переживаний рыцаря на их фоне). Единство объекта описания и принадлежность авторов, живших в одну эпоху, к одной социальной группе обусловило *цель* статьи – провести анализ символического изображения Крестового похода, представленного как война между Добром и Злом, турнир между Раем и Адом.

Многие исследователи единодушны в том, что авторами произведений являются рыцари-крестоносцы, непосредственные участники похода [Bédier, Aubry, 1974]. Их имена не дошли до нас, и это не случайно: в средневековом тексте автор, как правило, намеренно устранял свое «я» из повествования, поскольку «субъект повествования скрывался за условностью текста» [Zumthor, 1975, с. 96], и «авторское начало пряталось за стереотипизированным исполнением текстов» [Игнатьева, 2001, с. 119].

Поскольку субъект повествования и оценки не вербализован ни в одном из сочинений, можно считать, что здесь речь идет об имплицитном субъекте, а реализуемая оценка является общей для всех участников события (т. е. рыцарей-крестоносцев периода от Первого до Седьмого Крестовых походов). Такая суммарная оценка связана с общим фондом знаний данной социальной группы и их нравственными стереотипами.

1) Крестовый поход = турнир (особенности символического изображения)

Подготовка к Крестовому походу и сам поход в *Chansons de Croisade* изображены как особый рыцарский ритуал, окруженный символами, имеющими сакральное значение. Так, в песни анонимного автора XII века «Chevalier mult estes guariz…» Второй крестовый поход представлен как предстоящий турнир между Раем и Адом:

Deus ad turnei enpris *Entre Enfern e Pareis* *Si mande trestuz ses amis* *Ki lui volent guarantir* *Qu'il ne li seient failliz* [Bedier, 1974, с. 11].	Бог предпринял турнир между Раем и Адом И он призывает всех своих друзей, Которые хотят его защитить, чтобы они не были слабыми[1].

Такое восприятие готовящейся экспедиции типично для Средневековья. Турнир по правилам рыцарского этикета всегда предполагал наличие зрителей. Если Крестовый поход подобен турниру, то о славных деяниях крестоносцев должен узнать весь мир. В данном случае, акцентируется публичность свершающегося события, возможность быть оцененным со стороны. Об игровом, символическом начале в воинской лирике говорил еще Й. Хейзинга в «Homo ludens»: сравнение Крестового похода с турниром подразумевает «отношение к войне как к честному состязанию, сражению, проходящему с соблюдением всех правил военного дела» [Хейзинга, 2011, с. 82]. По мнению ученого в любой войне всегда присутствовал игровой элемент: «В первую и последнюю очередь это, конечно, сама победа, за которую борются и ради которой играют, но победе сопутствуют всевозможные способы наслаждаться ею. Из победы вытекают следующие за нею честь, почет и престиж» [там же, с. 44].

С одной стороны, в тексте «*Chevalier mult estes guariz…*» присутствуют личные переживания автора, его религиозный порыв (призванный одинаково увлекать как автора, так и адресата), что можно рассматривать как спонтанное начало, с другой – обусловленные канонами жанра устойчивые формы, рассчитанные на подготовленного адресата и адекватное восприятие символов: Бог = судья на турнире (роль, отводимая, как правило, сюзерену-государю), *Pareis* и *Enfern* (абстрактные понятия персонифицированы и представлены борющимися рыцарями). Сам крестовый поход изображен не как реальная военная операция, а как действо, совмещающее рыцарские обряды и религиозные таинства. Отображение реального события как знакового символа было характерно для художественных произведений Средневековья: «текст никак не соотнесен с частным временем существования

[1] Здесь и далее перевод наш. – *А. М.*

отдельного человека. Текст создан для потребления: тем самым он выходит в мир, пропитывает его и подчиняет своему порядку» [Зюмтор, 2003, с. 70]

2) Символическое в изображении Бога

Символическое изображение Крестового похода как турнира между Раем и Адом реализовано эмоционально-оценочными выражениями, которые условно образуют «зону Добра» и «зону Зла». Бог занимает центральное место в системе оценок как Абсолют Добра.

- Бог направляет крестоносцев в «Un serventois, plait de deduit, de joie…»:

Un serventois, plait de deduit, de joie, *Commencerai au Dieu commandement,* *Qu'il nous en enseint le chemin et la voie* *D'a li aler sanz nul encombrement* [Bedier, 1974, с. 253].	Сирвентес, полную ликования и радости Я начинаю по велению Бога Пусть он нам покажет путь-дорогу, Чтобы прийти к нему без препятствий.

Авторская оценка здесь вербализована оценочными лексемами *deduit* и *joie*, выражение *commencerai au Dieu commandement* отсылает читателя к главной добродетели рыцаря и христианина – покорности и служению Богу.

- Бог карает рыцарей, отступивших от крестоносного обета в *Ne chant pas, que que nus die…*:

Trop i a des ourguillous, Qui s'enterportent envie Si Diex l'ourgueil ne chastie, Vilains sera li retours Et sainte yglise abessie [Bedier, 1974, с. 227].	Слишком много горделивых, Которые полны зависти. Если Бог не покарает гордость Скверным будет их возвращение И святая церковь будет унижена.

Бог выступает мудрым наставником и справедливым судьей, подобно судье на рыцарском турнире. Отношение к Богу как к нравственному Абсолюту отражает господствовавшую в Средневековье концепцию теократии. Для рыцаря XII–XIII веков было типичным восприятие веры в Бога как части вассальского служения – рыцарь является вассалом Бога на небе так же, как и короля на земле.

3) Символическое в изображении короля

Выявленное в изучаемых произведениях отношение к королю отражает систему иерархического вассалитета Средневековья, где король считался наместником Бога на земле, а власть короля была священной. Этим объясняется восторженное отношение автора песни «Tous li mons doit mener joie…» к факту принятия королем Людовиком Святым креста:

Tous li mons doit mener joie *Li rois de France est croisié* *Pour aler en chele voie* *La ou chil pas ne s'emploie* *Cui tient detriés ses pechiés* [Bedier, 1974, с. 235]	Все должны радоваться: Король Франции принял крест, Чтобы пойти той дорогой, Туда, куда не попытается пойти тот, Кого назад тянут его грехи.

Как можно видеть из контекста, король представлен не в качестве реального исторического лица, а в качестве обобщенного символа, образа сюзерена без греха. Автор воспевает его мужество и своего рода элитарность (*aler en chele voie* в данном случае можно трактовать как «дорога избранных»). Для усиления положительной этической оценки используется антитеза: безгрешный король / грешные вассалы (т. е. те, «кого назад тянут его грехи» – *cui tient detriés ses pechiés*). Символическим актом представлено и принятие королем креста, что должно было восприниматься адресатом песни как призыв к походу.

4) Символическое в изображении Рая

Турнир, согласно средневековым канонам, должен закончиться наградой для победителя (в данном случае, для крестоносца, отвоевавшего Святую землю). Он должен получить награду – обретение Рая, о чем свидетельствуют анонимные песни разных лет:

- песни «Vos qui ameis de vreis amor…» и «Parti de mal et a bien aturné…» эпохи Третьего крестового похода:

A ceauls ki se voront croixier *Si m'aist Deus, moult biaul lueir:* *Paradix par afaitement* [Bedier, 1974, с. 21].	Для тех, кто видит себя принявшими крест Если будет доволен Господь, будет очень хорошая награда: Рай по обещанию (договору).
La doit chascun aveir tut sun desir, *Kar ki pur lui lerad sa richeté* *Pur voir avrad parais conquesté* [там же, с. 71].	Там каждый должен обрести все свои желания, Так как тот, кто ради Него оставит свое богатство, Чтобы увидеть истинный завоеванный рай.

- песни «Un serventois, plait de deduit, de joie…» и «Tous li mons doit mener joie…» эпохи Седьмого крестового похода:

En guerredon paradis nos octroie *A toz mais por nostre salvemnt* [Bedier, 1974, с. 253].	В награду он нам предоставит Рай Для всех, и для нашего спасения.
Saus est qui en la mer noie *Trop m'est tart que je n'i soie* *La Diex fu crucefiés* *N'a nul qui aler n'i doie* [Bedier, 1974, с. 234].	Спасен тот, кто утонет в море И мне не терпится быть там, Там Бог был распят И нет никого, кто бы не должен был туда поехать.

Интересно, что если в «Vos qui ameis de vreis amor…», «Parti de mal et a bien aturné…» и «Tous li mons doit mener joie…» речь идет о Рае как награде от Бога (что вербализовано в тексте лексемами *lueir, guerredon, saus est*), то в «*Parti de mal et a bien aturné*…» говорится именно о «завоевании Рая» (*parais conquesté*), т. е. Рай представлен не только как награда, но скорее как завоеванный в бою трофей. То, что для современного читателя кажется парадоксально жестоким, для Средневековья считалось благом: наиболее почетной для рыцаря была смерть в бою или в походе (*Saus est qui en la mer noie*).

Сочинения «Chevalier mult estes guariz…» (1145–1147), «Vos qui ameis de vreis amor…» (1189) и «Parti de mal et a bien aturné…» (1189) разделяют более сорока лет, и неизвестно, знали ли друг друга авторы (о которых высказываются лишь отдельные предположения). Песни «Un serventois, plait de deduit, de joie…» и «Tous li mons doit mener joie…» были созданы в 1245 году, т. е. спустя столетие. Однако рассматриваемые *Chanson* написаны так, что более поздние ведут диалог с более ранними, дополняя символическим содержанием.

Символическое содержание *Chansons de Croisade* можно наглядно представить в виде следующей модели: Крестовый поход = турнир → победа в турнире → завоевание Рая → награда = смерть. При этом понятие Рай (*Pareis*) выражено разными символами: как аллегорическим персонажем, так и неким боевым трофеем. Таким образом, «феномены становятся символами друг друга или организуются вокруг единого центра» [Фуко, 1996, с. 13], в данном случае, рыцарские и религиозные символы выстроены вокруг организующего их центра – масштабного исторического события, Крестового похода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ корпуса *Chansons de Croisade* анонимных труверов XII–XIII веков позволил сделать следующие выводы о роли символического:

- во всех рассмотренных старофранцузских песнях главным является не описание подлинных фактов и реальных исторических лиц, а условное изображение войны против неверных как справедливого рыцарского турнира;
- символическое противопоставление *Pareis / Enfern* вербализовано на лексико-семантическом уровне через оценочные конструкции с эмоциональной и этической оценкой;
- адресатом в средневековых сочинениях выступали рыцари-крестоносцы (т. е. равные автору члены той же социальной группы), что обеспечивало адекватное восприятие символического содержания произведения;
- условный характер повествования соответствует прагматической цели создания произведения – оказать влияние на оценочное восприятие рыцарством Крестовых походов в направлении, выгодном для Церкви и светских сеньоров и побудить простых рыцарей к очередной крестоносной экспедиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолицкая О. В. Куртуазная литература крестоносцев // Жоффруа де Вильардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов / пер. со ст.-фр. О. Смолицкой, А. Ларина. М.: Наука, 1984.
2. Bédier J., Aubry P. Les chansons de Croisade avec leurs mélodies. Genève: Slatkine reprints, 1974.
3. Zumthor P. Langue, texte, énigme. Paris: Éditions du Seuil, 1975. Vol. 1.
4. Игнатьева Т. Г. Типология старофранцузского текста. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2001.
5. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
6. Зюмтор Поль. Опыт построения средневековой поэтики / пер. с фр. И. К. Стаф. СПб.: Алетейя, 2003.
7. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

REFERENCES

1. Smolickaya, O. V. (1984). Kurtuaznaya literatura krestonoscev = Courtly literature of the Crusaders. Zhoffrua de Vil'arduen. Vzyatiye Konstantinopolya. Pesni truverov, transl. from Old French by O. Smolitskoy, A. Larina. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Bédier, J., Aubry, P. (1974). Les chansons de Croisade avec leurs mélodies. Genève: Slatkine reprints.
3. Zumthor, P. (1975). Langue, texte, énigme. Paris: Éditions du Seuil.
4. Ignat'eva, T. G. (2001).Tipologiya starofrancuzskogo teksta = Typology of the Old French text. Krasnoyarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
5. Hejzinga, J. (2011). Homo ludens. Chelovek igrayushchij = The man playing. St.Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha. (In Russ.)
6. Zumthor, P. (2003). Opyt postroeniya srednevekovoj poetiki = The experience of building medieval poetics. St.Petersburg: Aletejya. (In Russ.)
7. Fuko, M. (1996). Arheologiya znaniya = Archaeology of knowledge. Kiev: Nika-Centr. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna
PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_91

Особенности юридической лексики на примере темы: «Судебная система Франции»

И. К. Мельник
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
irina.k.melnik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности французской юридической лексики при изучении темы «Судебная система Франции». Подчеркивается, что во французском языке юридическая терминология часто заимствована из общеупотребительного языка с изменением смысла слов. Юридические термины, в свою очередь, не существуют вне правового контекста. Поэтому параллельно теме исследования дается изложение пунктов французского законодательства по разделам со своего рода вербальными иллюстрациями. Приводятся примеры наиболее часто употребляющейся специальной лексики.

Ключевые слова: терминология, юриспруденция, суды, Франция, особенности

Для цитирования: Мельник И. К. Особенности юридической лексики на примере темы: «Судебная система Франции» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 91–97. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_91

Original article

Features of Legal Vocabulary on the Example of the Topic: “Judicial System of France”

Irina K. Melnik
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
irina.k.melnik@yandex.ru

Abstract. The article considers the features of the French legal vocabulary when studying the topic: “Judicial system of France”. The article emphasizes that in French legal terminology is often borrowed from the common language with a change in the meaning of the word. This topic is considered in parallel with the presentation of the points of French legislation in sections with illustrations of the most frequently used special vocabulary.

Keywords: terminology, jurisprudence, courts, France, features

For citation: Melnik, I. K. (2022). Features of legal vocabulary on the example of the topic: “Judicial system of France.” Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 91–97. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_91

ВВЕДЕНИЕ

Как и любая наука, право имеет свой собственный язык. Правовая наука иногда заимствует из обычного языка его словарный запас. Но смысл правовых терминов иногда является иным, более широким или более узким, нежели смысл лексем, закрепленных в обычном языке. Слова также иногда имеют два или более значений. Так обстоит дело, например, с французским словом «corps»: в обычном языке оно понимается, как «тело» или «персонал», в юридическом языке понимается как «труп», либо «содержание нормативного акта», например: «corps de la Constitution » – текст Конституции, «corps du délit» – состав преступления либо предметы преступления, «corps d'héritage» – наследственная масса.

Французская юридическая терминология состоит из нескольких видов слов:

- собственно юридическая терминология (courtier-juré – посредник при заключении договоров страхования грузов при морской перевозке),
- терминология, которая существует в других профессиональных языках (couverture – обеспечение),
- слова, относящиеся к общей лексике (domaine – область, сфера).

Под терминологией понимается «совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области» [Ярцева, 1998, с. 509].

Вопросами терминологии занимались в России такие ученые, как Д. С. Лотте, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, Э. К. Дрезена, С. А. Чаплыгина, А. Ф. Лесохина, за рубежом вопросами терминологии занимался австрийский ученый Ойген Вюстер.

Д. С. Лотте в статье «Упорядочение технической терминологии» (1932), писал: «Следует отметить некоторые попытки унификации терминов, правда, ограниченные пределом какой-либо отрасли и носящие в большинстве случаев налет «кустарщины» [цит. по: Татаринов, 1994, с. 69]. «Период формирования отечественного терминоведения как науки можно уместить между двумя десятилетиями: в 1930-е гг. работы Д. С. Лотте, Э. К. Дрезена, С. А. Чаплыгина, А. Ф. Лесохина и др. впервые привлекли внимание научной общественности к вопросам терминологии, а о 1970–1980-х гг. принято говорить как о времени, когда процесс формирования этой науки уже был в целом завершен» [Кабакова, 2016, с. 6].

В данной статье источниками изучения смысловых вариантов расхождения обычной лексики и терминологии раздела права «Суды» во Франции послужили «Юридический словарь» под редакцией Ж. Корню[1], словарь Le Petit Robert[2], Французско-русский и русско-французский юридический словарь под редакцией М. В. Мачковского[3] и др. Французская юридическая терминология почти полностью заимствована из общеупотребительной лексики. Но в юридическом контексте смысл слов абсолютно деформирован, и эти изменения значения слов приобрели стабильный характер в профессиональной сфере. Так, человек, который не знаком с тонкостями юридического языка, делает смысловые ошибки при переводе с французского языка на родной, так как в переводе опирается на общую лексику. Это расхождение юридической и общеупотребительной лексики носит ярко выраженный характер во французском языке.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМАЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЮРИСДИКЦИИ СУДОВ

Французскую юридическую терминологию можно разделить по темам. Показателен в этой связи учебник С. А. Толстиковой, который «является лишь изложением общих правовых тем, связанных с профессией юриста, также отработкой основного лексического минимума» [Толстикова, 2018, с. 546]. В статье также были использованы некоторые положения учебника Н. В. Жуковой и О. Б. Самсоновой «Французский язык для юристов», который готовит к «двустороннему переводу специальных текстов… и содержит разъяснения большого количества французских реалий в области права» [Жукова, Самсонова, 2018, с. 10].

Судебная система Франции. Le système judiciaire français

В современном мире любое событие может быть источником конфликта. Во Франции, как и в большинстве стран мира, создана система защиты прав граждан. Это – система судов от местных до судов общегосударственного уровня, куда граждане приходят отправлять правосудие (chercher justice). Судебная система независима от исполнительной и законодательной власти. Закон определяет тяжесть наказания. Гражданин имеет право на законную

[1] Cornu G. Vocabulaire juridique. Paris: Presses Universitaires de France – PUF, 2020.

[2] Le Petit Robert de la Langue Française. Paris: Le Robert, 2014.

[3] Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. М.: ABBY Press, 2009.

защиту. Во французской практике существуют две юрисдикции судов: суды общей юрисдикции – уголовные, гражданские и административные и суды специализированные (исключительной юрисдикции, рассматривающие определенный круг дел). «Система общих судов во Франции включает Кассационный суд, апелляционные суды и суды, рассматривающие различные категории дел по первой инстанции» [Борискова, 2015, с. 151].

Система судов имеет многоступенчатую структуру. Суды первого уровня называют «tribunaux» **1 degré de juridiction**.

Juges de proximité, du lieu de résidence – местный судья, судья поблизости, муниципальный, по месту пребывания, нахождения или проживания. Это непрофессиональный судья. Он рассматривает незначительные каждодневные дела, например, ссоры между соседями, неуплату незначительного долга, нарушения правил торговли в магазинах. Он является компетентным лицом в гражданских делах первой инстанции, не подлежащих обжалованию. К данной правовой категории относятся личные дела, дела, в которых рассматривается движимое имущество до 4000 евро. К нему можно обратиться с апелляцией по сумме, не превышающей 4000 евро.

Tribunal de police – полицейский суд, рассматривающий дела о правонарушениях. Может назначить штраф от 3000 до 4000 евро. Суд состоит из полицейского судьи и судебного исполнителя. Рассматривает дела, совершенные на месте правонарушения, по месту жительства задержанного, на предприятии.

Tribunal correctionnel – исправительный суд, рассматривающий дела об уголовных проступках (нападения на людей, непредумышленное убийство, насилие при отягчающих обстоятельствах, сексуальное посягательство, дискриминация, посягательство на личную жизнь несовершеннолетних, посягательство на имущество (кража, мошенничество, укрывательство), тяжкое унижение, посягательство на государственную власть, коррупция. Исправительный суд рассматривает дела в первой инстанции по уголовным вопросам, которые квалифицируются как проступки. Максимальное наказание за проступки данной категории не превышает 10 лет тюремного заключения или штрафа 3750 евро.

Cour d'assises – суд присяжных. Во Франции суд присяжных существует в каждом департаменте. Выносит решения по преступлениям, а именно самым тяжким правонарушениям (убийства, отравление, изнасилование, вооруженное ограбление, похищение). Данные правонарушения караются тюремным заключением более 10 лет (обычно 15 лет) и пожизненным заключением. Суд присяжных заседает совместно с судейской коллегией.

Tribunal pour enfants – суд для несовершеннолетних. Заседания проходят при закрытых дверях. Суд состоит из судьи по делам несовершеннолетних, двух помощников — непрофессиональных судей, назначаемых Прокуратурой. Они выбираются среди гражданского населения на срок в 4 года. Во время заседаний решается вопрос о дальнейшем местонахождении несовершеннолетнего, воспитательных мерах, непринудительных работах, ему оказывается психологическая помощь. Если родители также несут ответственность, они могут оплатить убытки совместно с ребенком. Во Франции существует 154 суда для несовершеннолетних. Суд также может решить вопрос о защите ребенка и поместить его в приемную семью с возможностью посещения родителей.

Tribunal de commerce – коммерческий суд по спорам на базе торговых сделок. Состоит из непрофессионалов, добровольцев коммерсантов. Регулирует споры между коммерсантами или обществами или любыми людьми по вопросу торговли. Выступает в первой и второй инстанции при подаче апелляции в зависимости от важности спора.

Tribunal des affaires de Sécurité sociale – суд по защите социальных прав граждан. Состоит из двух непрофессиональных судей, представляющих предпринимателя и работника под руководством судьи большой инстанции. Решает споры либо в первой, либо во второй инстанции.

Tribunal administratif – административный суд для рассмотрения административно-правовых споров. В административный суд обращаются граждане с письменным заявлением, по которому они желают опротестовать какое-либо решение государства. В основном речь идет о превышении власти. Гражданин может потребовать от государственных организаций возместить ущерб, нанесенный организацией. Эти суды регулируются Административным кодексом. Каждый административный суд имеет 10 палат. Только Парижский суд имеет 18 палат. Административный суд рассматривает следующие вопросы:

1. споры по поводу пособий или прав, предоставленных в связи с социальной помощью или в пользу работников, не имеющих работы;
2. споры, касающиеся служебной аттестации государственных служащих или должностных лиц, а также дисциплинарных взысканий;
3. судебные разбирательства по вопросам пенсионного обеспечения государственных служащих;

4. споры, связанные с консультированием и предоставлением административных документов;
5. споры, связанные с местными налогами и взносами;
6. споры об ответственности государства за отказ в удовлетворении просьбы о привлечении правоохранительных органов для исполнения судебного решения;
7. оспаривание решений, принятых по налоговым вопросам, по заявкам на льготную скидку (списание налоговых долгов);
8. споры о зданиях, угрожающих разрушением, или о небезопасных зданиях;
9. споры о водительских правах;
10. компенсационные действия (за исключением контракта по государственному заказу), сумма которых не превышает 10 тыс. евро.

Tribunal de grande instance – это суд большой инстанции при рассмотрении гражданских дел, либо исправительный суд при рассмотрении уголовных дел. Состоит из трех профессиональных судей, иногда одного. Решает вопросы в последней инстанции по суммам до 10000 евро, по апелляциям больше данной суммы, если дело не передается в другой суд. У суда большой инстанции есть эксклюзивная возможность выносить решения по ряду дел, независимо от суммы спора:

Tribunal d'instance – суд малой инстанции. К нему обращаются (один судья) в случае личных и имущественных дел, как к последней инстанции до 4000 евро, в первой инстанции к нему обращаются по проблемам до 10000 евро (долги, аварии, неисполнение работ).

Conseil de prud'hommes – Прюдомальный суд, куда входят представители от работников salarié и предпринимателей prud'homme employeur, состоит из двух непрофессиональных судей. Рассматривает дела по индивидуальным спорам сотрудников и предпринимателей, касающихся соблюдения пунктов контракта о работе или учебе. Процедура начинается с попытки примирения тяжущихся сторон, в случае неудачи, дело передается в судебный офис. Он принимает решения в первой и последней инстанции по просьбам 4000 евро или меньше и в качестве апелляционного суда по просьбам свыше 4000 евро.

Tribunal des conflits – суд по спорам о подсудности дел между общими судебными учреждениями и административными судами.

Tribunal paritaire des baux ruraux – паритетный суд. Разбирает споры между собственниками и арендаторами земель или сельскохозяйственных зданий. Он принимает решения в последней инстанции до суммы 4000 евро в первой инстанции и как апелляция более этой суммы. Его возглавляет судья малой инстанции с двумя заместителями, представляющие интересы собственника и двумя заместителями, представляющими интересы арендатора. Этот суд не заседает постоянно. Он проводит заседание в зависимости от необходимости принятия решения.

В юридической лексике существуют устойчивые словосочетания со словом *tribunal*:

citer devant le tribunal – вызывать в суд
comparaître devant le tribunal – отвечать перед судом в судебном порядке
compléter, composer le tribunal – входить в состав суда
déférer au tribunal – передавать в суд
dessaisir un tribunal d'une affaire – прекращать дело в суде
être attrait devant un tribunal – быть привлеченным к суду
saisir un tribunal d'une affaire – возбуждать дело в суде *и т. д.*

Также существуют суды второго уровня, их называют «cours », это апелляционные суды **2 degré de juridiction**.

Cour d'appel – апелляционный суд, к которому прибегают после рассмотрения дел в 1-й инстанции;

Cour d'assises d'appel – апелляционный суд присяжных, к короткому прибегают после суда присяжных;

Cour de cassation – не рассматривается как инстанция. Кассационный суд, проверяет судебные решения на предмет соответствия Конституции. Это наивысший судебный орган для судов общей юрисдикции.

Во французском законодательстве существуют также специализированные суды – *juridictions d'exception*, ограниченные определенным кругом вопросов. Их называют судами исключительной юрисдикции. В их число входит трибуналы малой инстанции, местные судьи, заменившие мировых судей, коммерческие трибуналы, паритетные трибуналы по земельным спорам, советы прюдомов.

К уголовным судам исключительной юрисдикции относятся уголовные судьи по делам несовершеннолетних, трибуналы и суд присяжных по делам детей.

Правосудие во Франции базируется на принципе конституционности. Общественные службы следят за правильным применением законов и гарантируют защиту интересов всех граждан, уважение их прав.

Все юридические процедуры базируются на кодексах и Конституции.

Основные принципы отправления правосудия:

- принцип равенства граждан перед законом и правосудием – *le principe de l'égalité des citoyens devant la loi et devant la justice*: право каждого человека на справедливое решение – *le droit de chaque personne à un procès équitable*;
- принцип состязательности оппонентов и права на защиту – *les principes du contradictoire et du respect du droit de la défense*: любой человек считается невиновным (présumé innocent) до доказательства его вины; правосудие отправляется публично, за исключением дел, предусмотренных законом, проходящим за закрытыми дверями.

Существуют термины и устойчивые выражения, связанные с проведением процесса, например:

проверять доводы (основания) юридического характера – *discuter les moyens de fait*
осуществлять обжалование решения – *discuter les éléments de preuve*
проходить при закрытых дверях – *se tenir à huis clos*
проверять элементы доказывания – *exercer les recours*
восстанавливать в правах – *rétablir dans les droits*
отправлять правосудие – *rendre la justice*
применяемые наказания – *peine applicable*
обмениваться материалами дела – *échanger des pièces du dossier*
оппоненты в судебном процессе – *les adversaires*
нарушать права – *léser qn dans ses droits*
подсудимый – *justiciables*
тяжущиеся – *les litigants*
отправлять правосудие – *administrer la justice*
выносить приговор – *la mise en accusation* и т. д.

В структуру судов во Франции особым образом входит Конституционный совет. Он не входит в общую иерархию судов. Он имеет две компетенции: юридическую и консультативную. Его основная задача – надзор за проведением выборов во Франции: Президента Республики, членов Парламента; он же гарантирует правильность проведения референдумов. В его компетенцию входит надзор за соответствием решений о принятии законов и постановлений Парламента и Правительства Конституции Франции. Также в его компетенцию входит контроль за принятием международных договоров и соответствие их Конституции Франции.

Решения Конституционного Совета обязательны для всех общественных и юридических организаций Франции. Его решения не подлежат обжалованию. Граждане не имеют права обращаться в Конституционный Совет. 23 июля 2008 года во Франции проводилась конституционная реформа. Сенат предложил переименовать Конституционный Совет в Конституционный Суд, а также упразднить членство в Совете бывших Президентов Республики. Но поправки Сената не прошли во втором чтении в Национальном Собрании и не попали в текст поправок к Конституции. Однако конституционный пересмотр позволил юридическим инстанциям обращаться в совет на предмет несоответствия решений Конституции или нанесения вреда самой Конституции.

Как консультативный орган Совет высказывает свое мнение в исключительных случаях, по просьбе Президента Республики. Совет может указать на препятствия для Президента Республики исполнять свои полномочия.

Конституционный Совет не работает на постоянной основе. Он работает только во время пленарных заседаний, состоит из девяти человек, назначаемых Президентом республики и спикерами Национального Собрания и Сената сроком на 9 лет без продления мандата. Совет обновляется каждые 3 года на треть. Президент Совета назначается Президентом Республики из его членов. Особенностью Конституционного Совета является то, что дополнительную «квоту» составляют по праву экс-президенты республики. Валери Жискар д'Эстен присоединился к Совету лишь в 2004 г., так как 23 года занимал другие выборные посты, что несовместимо с членством в Совете. В 2007 г. пожизненным членом Совета стал Жак Ширак. С 2012 г. в Совет входит Николя Саркози, а с 2017 г. – Франсуа Олланд.

В свете сказанного можно привести некоторые устойчивые выражения:

законность проведения выборов – *régularité des élections*
являться обязательными – *ne sont susceptibles d' aucun recours*
посягать на права – *porter atteinte*
обратиться в суд – *saisir le Conseil*
давать консультативное заключение – *donner un avis*
sessions pléniaires – пленарные заседания
statuer sur – принимать решение.

Во Франции концепция разделения властей привела к двум уровням юрисдикции. Один из них – это суды, рассматривающие уголовные и гражданские дела, другой – это административные суды. Между этими двумя категориями существует распределение компетенций

в зависимости от сути спора, его значимости и тяжести. Существует также понятие территориальности, в соответствии с которым и в связи с природой тяжбы выбирается суд, рассматривающий дело.

Приведем примеры изменения смысла слов при переходе из общей лексики в юридическую, связанную с судебным процессом:

судебное дело – affaire, procès, cause
спор, разногласие
досудебный – différend
судебный спор, тяжба – litige, contentieux
иск в гражданском праве – action en justice, demande, requête
иск в уголовном праве – action publique
исковое притязание, требование – prétention
рассматривать дело по существу – trancher, statuer au fond, juger en fait
рассматривать дело на основе норм права – se saisir de qch
предъявлять, подавать иск – former, intenter la demande
тяжущаяся сторона – judiciable, litigant
истец – partie civile
ответчик – défendeur
быть компетентным – connaître de qch
быть подсудным – relever de qn, qch *и т. д.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье прокомментированы смысловые изменения, которые претерпевает общая лексика при переходе в профессионально-юридическую.

В юридической терминологии имеются слова, применяемые во многих профессиональных областях, так как право затрагивает все профессии. Вопрос, который вызывает споры лингвистов, – это вопрос отличия термина от обиходного слова.

Большинство ученых полагают, что термин отличается от обычного слова своей однозначностью и отсутствием эмоциональной окраски, также он употребляется в своей узкопрофессиональной сфере. Однако некоторые ученые полагают, что термин – это просто разновидность слова.

Проблема термина по-прежнему актуальна при анализе взаимоотношений между языковой и внеязыковой реальностями. В данном случае речь идет о взаимоотношениях юридической деятельности и юридической терминологии. Данная тема до сих пор не утрачивает свой интерес в параметрах лингвистики.

Перед лингвистами стоит задача дальнейшего упорядочивания терминологии, изучения и уточнения реального употребления понятия, создания словарей, проведения сравнения национальной терминологии и терминологии других языковых систем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
2. Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М.: Московский лицей, 1994.
3. Кабакова Е. Г. Терминоведение: замысел и исполнение // Аграрное образование и наука. 2016. Вып. 6 (35). С. 6–11.
4. Толстикова С. А. Французский язык для юристов: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2018.
5. Жукова Н. В., Самсонова О. Б. Французский язык для юристов: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2018.
6. Борискова И. В. Судебная система Франции // Территория науки. Юриспруденция. Воронежский экономико-правовой институт. 2015. Вып. 5 (191). С. 151–160.

REFERENCES

1. Jarceva, V. N. (1998). Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Jazykoznanie = Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. (In Russ.)
2. Tatarinov, V. A. (1994). Istorija otechestvennogo terminovedenija: Klassiki terminovedenija: Ocherk i hrestomatija = History of Russian studies on terminology. Classics of terminology: an essay and chrestomathy (vol. 1). Moscow: Moskovskiy litsey. (In Russ.)
3. Kabakova, E. G. (2016). Terminology: plan and execution. Agrarian education and science, 6(35), 6–11. (In Russ.)

4. Tolstikova, S. A. (2018). Frantsuzskiy yazyk dlya yuristov = French for lawyers: textbook for bachelors. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
5. Zhukova, N. V., Samsonova, O. B. (2018). Frantsuzskiy yazyk dlya yuristov = French for lawyers: textbook and workshop for secondary vocational education. Moscow: Yurayt. (In Russ.)
6. Boriskova, I. V. (2015). Sudebnaya sistema Frantsii = The judicial system of France. Territoriya nauki, 5(191), 151–160. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельник Ирина Кузьминична
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Melnik Irina Kuzminichna
PhD (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 8.81-22
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_98

Вариативность синтаксических структур (на материале атрибутивных словосочетаний в испанском и русском языках)

Л. В. Моисеенко
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
liliamoiseenko@gmail.com

Аннотация. Вариативность языкового оформления атрибутивной синтагмы *существительное + прилагательное* исследуется на материале испанского и русского языков. Параллельные способы реализации атрибутивного словосочетания (полная / неполная структура) типа estudio *Económicas* вместо estudio *Ciencias Económicas* вызваны различными факторами. В отличие от неполных структур испанского языка русские неполные структуры типа *Вам выходить на Октябрьской* имеют иную стилистическую маркированность и характерны для разговорной речи.

Ключевые слова: вариативность, атрибутивная синтагма, полная структура, неполная структура, элиминация существительного

Для цитирования: Моисеенко Л. В. Вариативность синтаксических структур (на материале атрибутивных словосочетаний в испанском и русском языках) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 98–103. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_98

Original article

Variability of Syntactic Structures (based on attributive phrases in Spanish and Russian)

Lilia V. Moiseenko
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
liliamoiseenko@gmail.com

Abstract. The variability of the linguistic design of the attributive syntagma *noun + adjective* is studied on the material of the Spanish and Russian languages. Parallel ways of implementing an attributive phrase (complete / incomplete structure) of the *estudio Económicas* instead of *estudio Ciencias Económicas* are caused by various factors. Unlike Spanish, Russian incomplete structures like *You go out on Oktyabrskaya* have a different stylistic marking and are characteristic of colloquial speech.

Keywords: variability, attributive syntagma, complete structure, incomplete structure, noun elimination

For citation: Moiseenko, L. V. (2022). Variability of Syntactic Structures based on the material of attributive phrases in Spanish and Russian).Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 98–103. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_98

ВВЕДЕНИЕ

Вариативность, представляющая собой фундаментальное свойство языковой системы, понимается исследователями как 1) семантическое варьирование, основанное на нетождественности содержания при одном и том же плане выражения; 2) формальное варьирование, основанное на параллельных способах выражения одного и того же содержания и предполагающее нетождественность плана выражения при тождестве плана содержания [Reppen, 2002; Таюпова, 2005; Голев, 2009; Кропотова, 2009; Сергиенко, 2009; Крицберг, 2014; Михайлова, 2016; Дорофееев, 2017; Басовец, 2019; Бенедиктович, 2019].

Принимаемое нами рабочее определение вариативности выглядит как расхождение в форме языковых знаков / поверхностных структур при тождественности их значения и прагматической функции.

Вариативность проявляется на всех уровнях функционирования языка, при этом выделяются различные виды языкового варьирования. Объектом данного исследования является анализ вариативности языкового оформления на примере атрибутивной синтагмы.

Атрибутивная синтагма, образующаяся по модели *существительное + прилагательное*, является распространенным типом словосочетания в языках мира, ср., например, в испанском языке:

el trabajador agropecuario – сельскохозяйственный рабочий
las empresas productoras – производственные предприятия
el hospital pediátrico – педиатрическая больница

При изучении западноевропейских языков было обнаружено, что существительное в указанной синтаксической структуре может опускаться:

нем. Rechte, Linke вместо Rechte, Linke Hand – правая, левая (*рука*); alter, neuer вместо alter, neuer Wein – старое, молодое (*вино*);
англ. eatables вместо eatables provisions – съестные (*припасы*); evergreens – вечнозеленые (*растения*); ballpoint вместо ballpoint pen – шариковая (*ручка*); Beverly Hills High вместо Beverly Hills High School – Высшая (*школа*) Беверли Хилз;
фр. correctionnel вместо centre correctionnel – исправительный (*центр*); polonaise вместо danse polonaise – полонез;
итал. i mondiali вместо i campionati mondiali – *чемпионат мира*; il triplo вместо il salto triplo – тройной (*прыжок*);
испан. los Pirineos вместо los montes Pirineos – Пиренейские (*горы*); un billete de segunda вместо un billete de segunda clase – билет во втором (*классе*); estudio Económicas вместо estudio ciencias Económicas – я изучаю, *букв.* 'экономические (науки)' и др.

Явление эллипсиса существительного было засвидетельствовано также для латинского языка:

calida, frigida (aqua) – горячая, холодная (*вода*)
Appia (via) – Аппиева (*дорога*)
strata (via) – мощеная (*дорога*) и др.

Субстантивно-адъективные группы, подверженные эллипсису существительного, образованы в основном относительными прилагательными. В русском языке также наблюдается подобная функциональная вариативность: некоторые существительные в случае их сочетания с прилагательными демонстрируют склонность к эллипсису. Это такие существительные, как *вуз* – архитектурный, медицинский, политехнический; *поезд* – скорый, товарный, пассажирский. Обычно это явление рассматривается с позиций субстантивации и словообразования. Записи устной речи показали, что полные словосочетания характерны для официально-делового стиля, а эллиптированные структуры несут отпечаток разговорности: *купил билеты в* ***Большой***; *защитил* ***кандидатскую***; *написал* ***курсовую***; *получила* ***пригласительный*** *на корпоратив*; *наша* ***сборная*** *выиграла*. При этом вариантный ряд, представленный формами типа *сборная команда страны / сборная страны*, составляет свыше 200 пар [Синтаксис, 2009].

Как видим, одни и те же структуры допускают варьирование, т. е. дают как полный, так и неполный вариант, однако существующие параллельные способы реализации атрибутивного словосочетания и факторы выбора неполной структуры нуждаются в поиске причин возникновения вариативности и их объяснении.

ВАРИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРЫ АТРИБУТИВНОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Антропонимичные синтагмы

В изучаемом нами типе варьирования, а именно, при одновременном функционировании полной / неполной структуры атрибутивного словосочетания существенную структурирующую роль играет *родо-видовая характеристика его компонентов*. Это отчетливо видно на антропонимичных

синтагмах, представляющих человека как активного деятеля (в профессии / социальной функции). С одной стороны, это родовые понятия типа *trabajador – работник, especialista – специалист*; с другой – существительные видового значения, уточняющие должность / функциональные обязанности человека *director – директор*; *ingeniero – инженер*; *gerente – управляющий*; *inspector – инспектор*.

Прилагательные в составе атрибутивных синтагм соотносятся с конкретной сферой занятий человека: agropecuario – *сельскохозяйственный*; industrial – *промышленный*; metalúrgico – *металлургический*.

Если атрибутивное словосочетание характеризует человека не только по роду занятости, но и его функциям, возможен *только полный вариант* словосочетания. Например:

> ...esta cuestión no es mero capricho de ***los historiadores profesionales*** (*Bohemia, 02.03.2015*) – «...это не просто каприз ***профессиональных историков***».

В случае, если не требуется уточнения функции / должности человека, возможны оба варианта.

Полная структура	Неполная структура
Buscamos *especialistas profesionales* con sólida formación administrativa (*El País, 18.03.2015*) – «Требуются профессиональные специалисты в области управления».	...evitar que las Cortes se conviertan en un lugar de *profesionales* que viven de la política (*El País, 01.09.2015*) – «...профессионалы (*букв.* 'профессиональные'), которые живут за счет политики».

Это наблюдение подтверждается еще одной тематической группой антропонимичных синтагм, включающих характеристику человека по территориальному признаку. Ср.:

Полная структура	Неполная структура
Pero sus protestas no pueden ocultar que este *deportista mediterráneo* es muy celoso (*El País, 04.09.2015*) – «этот *средиземноморский спортсмен*».	Para discutir este problema llegaron ya *los mediterráneos* (*Bohemia, 21.11.2013*) – «Для обсуждения этого вопроса уже прибыли представители средиземноморских стран (*букв.* 'прибыли *средиземноморские*')».

О функциональной эквивалентности структур, т. е. об их взаимозаменяемости, можно говорить в том случае, если существительное обозначает родовое понятие типа trabajador, especialista. За неполной синтагмой в таком случае стоит обобщенный (коллективный, совокупный) референт. Это выражается в наполнении неполных синтагм, оформленных определенным генерализирующим артиклем во множественном числе. Существительные видового значения типа ingeniero, agente коммуникативно значимы и не поддаются опущению.

Синтагмы с неодушевленными существительными

Среди неодушевленных существительных наиболее представленной оказалась тематическая группа с существительными, обозначающими различные учреждения / предприятия с родовым значением типа *empresa*, *compañía*, *organización*, *institución*, а также существительные видового значения *centro / central*, *escuela*, *universidad* и др. По нашим наблюдениям для данной тематической группы родо-видовая характеристика существительного не играет существенной роли при выборе структуры словосочетания. Например.

Полная структура	Неполная структура
Para oficinas ***empresa multinacional*** necesita terreno mínimo de 7000 m2 (*El País, 12.03.2016*).– «*Транснациональной компании* требуется участок земли не менее 7000 кв.м.»	*La multinacional* suiza Nestlé montará una planta de productos lácteos (*Bohemia, 13.09.2015*). – «Швейцарская транснациональная компания (*букв.* '*транснациональная*') построит завод по производству молочных продуктов».

Неполные структуры представлены в названиях учреждений. Например:

Полная структура	Неполная структура
Jornadas de Flamenco de la Universidad Complutense (*El País, 22.03.2015*). – «Дни культуры фламенко *в университете Комплутенсе*».	Puedes pagar tu matrícula de la Complutense a través de todas las oficinas del Banco Santander (*El País, 20.01.2016*) – «Ты можешь оплатить квитанцию о зачислении в *Комплутенсе* в любом филиале банка Сантандер».

Неполная атрибутивная синтагма встречается в официальных названиях предприятий и учреждений, имеющих единичную референцию: *Antillana de Acero*; *Cubana de Aviación*; *Asturiana de Zinc*; *Catalana de Gas* (en 1991 se fusionó con Gas Madrid); *Valenciana de Cementos*; *Telefónica*; *Tabacalera*. Очевидно, что элиминированным существительным является compañía – *компания*.

В русском языке в атрибутивных словосочетаниях с единичной референцией (написание с большой буквы) могут опускаться такие неодушевленные существительные, как:

улица (живу *на Бронной*; *на Садовой*)
проспект (Дом книги *на Невском* закрыли на ремонт)
станция метро (Вам выходить *на Октябрьской*; *Академическая* будет через три остановки)
завод (он всю жизнь отработал *на Кировском*)
театр (это филиал *Малого*; на сцене *Большого*)

Однако, в отличие от неполных структур испанского языка, русские неполные структуры имеют иную стилистическую маркированность и характерны для разговорной речи.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМПОНЕНТОВ АТРИБУТИВНОГО СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ОКРУЖАЮЩИМИ СЛОВАМИ

Независимо от того, полной или неполной структурой представлено атрибутивное словосочетание, оно входит в состав более крупной синтаксической единицы. Макроуровень может менять референциальный статус существительного в синтагме. Поясним это следующими примерами.

Para escapar del *jardín zoológico* el chimpancé Sami torció los barrotes de su jaula. La excursión nocturna concluyó cuando *el director del zoológico* se le acercó (*Granma, 27.02.2015*).

В случае с *jardín zoológico* речь идет о зоологическом парке, в случае *director del zoológico* речь идет о директоре, т. е. при переходе от полной структуры к неполной происходит смена референта именной группы. Подобные примеры часто встречаются в испанском языке:

directora del *preuniversitario* (centro preuniversitario)
las autoridades del *penal* (centro penal)
estudiante de *secundaria* (escuela secundaria)
profesor del *politécnico* (instituto politécnico)
alumno de *hispánicas* (lengua y literatura hispánicas)
enfermos del *psiquiátrico* (hospital psiquiátrico)
vecino de los *altos* (pisos altos) *и др.*

В зависимой синтаксической позиции «...de (del)...» происходит утрата существительным его самостоятельного референциального статуса, что способствует его элиминации.

Управляющее существительное своей семантикой как бы задает значение зависимого существительного в более крупном синтаксическом блоке, например:

un puerto del *Mediterráneo* (mar Mediterráneo)
las costas del *Atlántico* (océano Atlántico)
las aguas del *Pacífico* (océano Pacífico)

Исследованный материал позволил выделить регулярные случаи элиминации существительного в атрибутивной синтагме под воздействием семантики глагола. Группы глаголов, способных порождать сильную ассоциативную связь обозначают 1) нанесение цвета; 2) говорение на каком-либо языке; 3) ношение (надевание) одежды. Например: *покрасить → цвет* pintar de blanco / gris / rojo / verde – *покрасить в белый / серый / красный / зеленый*. Существительное *color*, когда речь идет о цвете в собственном смысле слова, в данной конструкции не употребляется.

Ко второй группе можно отнести глаголы говорения, задающие сильную ассоциативную связь на существительное *idioma / lengua язык* (говорить → язык):

hablar / decir / expresarse / leer / estudiar / aprender / dominar (el, un, en) inglés / alemán / español – говорить / читать / владеть / изучать английский / немецкий / испанский

Механизм семантического взаимодействия создает условия для элиминации существительного *idioma / lengua язык*.

Третью тематическую группу глаголов, дающих сильную ассоциативную связь (надевать, носить → одежда), представляет глагол *vestir*:

vestido de limpio / de civil / de antiguo / de largo

Как можно увидеть, нигде не присутствует существительное группы *одежда,* которое становится семантически факультативным компонентом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неполные структуры представляют собой синтаксическую вариативность с абсолютной понятийной

тождественностью полного и неполного вариантов. Вариативность рассмотренных конструкций находит отражение на уровне их синтаксической структуры при идентичности их семантического и прагматического наполнения.

В зависимости от одушевленности / неодушевленности субстантивного компонента атрибутивного словосочетания, факторы, вызывающие элиминацию существительного, оказываются разными. Для антропонимичных синтагм это, прежде всего, обобщенный референт во множественном числе: *los profesionales*, *los indecisos*, *los capitalinos*. Для неодушевленных синтагм факторами, способствующими элиминации существительного, оказываются единичная референция: *la* (*unversidad*) *Complutense*, *el* (*Tribunal*) *Supremo*, либо вхождение в синтаксический блок с опорным существительным или глаголом, создающим сильную ассоциативную связь: *el trabajador de una* (*agencia*) *publicitaria*, *vestir de civil*. Имеются основания говорить о синтагматическом взаимодействии слов и сложении их смыслов.

Вариативность языковых средств выражения атрибутивного словосочетания свидетельствует не только о речевых особенностях изучаемых языковых структур. Тот факт, что речевые проявления подчиняются определенным закономерностям организации синтаксических структур, позволяет говорить о системных особенностях, т. е. элиминация существительного в атрибутивном словосочетании может быть отнесена к явлениям, свойственным системе языка. Невозможность в большинстве случаев сохранить неполную структуру при переводе на русский язык (*мой сосед верхних, *классы начальной) свидетельствует о своеобразии изучаемого явления в испанском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Reppen R. Introduction / R. Reppen, S. M. Fitzmaurice, D. Biber // Using corpora to explore linguistic variation / Ed. by R. Reppen, S. M. Fitzmaurice, D. Biber. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2002. P. 7–11.
2. Таюпова О. И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка: дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2005.
3. Голев Н. Д. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ вариантологии) // Вестник Челябинского университета. 2009. № 27. С. 9–12.
4. Кропотова Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 157–161.
5. Сергиенко П. И. К вопросу о языковой вариативности // Английский язык на гуманитарных факультетах: теория и практика: Сборник научных и научно-методических трудов. М.: Флинта, 2009. С. 76–89.
6. Крицберг Р. Я. Вариативность английского языка: региональные и социальные формы. Волгоград: Известия ВГПУ, 2014. № 2 (87). С. 67–70.
7. Михайлова Е. Н. Проблема языковой вариативности в концепции Шарля де Бовеля (1533) // Романские языки и культуры: от Античности до современности / отв. ред. Л. И. Жолудева: сборник материалов VIII Международной научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 211–218.
8. Дорофеев Ю. В. Лексикографическое отражение вариативности языка в типологическом и лингвокультурологическом аспектах // Коммуникативные исследования. Симферополь: Таврия, 2017. № 2(12). С. 7–19.
9. Басовец И.М. Вариативность конструкций с затемненным референтом в медиадискурсе // Вариативность в языке и речи: тезисы докладов Международной научной конференции, Минск, 4–5 апр. 2019 г. Минск: МГЛУ, 2019. С. 23–25.
10. Бенедиктович А. В. Вариативность наименования ситуации в аналитическом медиадискурсе // Вариативность в языке и речи: тезисы докладов Международной научной конференции, Минск, 4–5 апр. 2019 г. Минск: МГЛУ, 2019. С. 26–28.
11. Синтаксис современного русского языка / под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

REFERENCES

1. Reppen, R. (2002). Introduction / R. Reppen, S. M. Fitzmaurice, D. Biber. In Using corpora to explore linguistic variation, ed. by R. Reppen, S. M. Fitzmaurice, D. Biber. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins. P. 7–11.

2. Tayupova, O. I. (2005). Kommunikativno-pragmaticheskoe var'irovanie v maloformatnyh prozaicheskih tekstah sovremennogo nemeckogo yazyka = Communicative and pragmatic variation in small-format prose texts of the modern German language: Senior Doctoral thesis in Philology. Ufa.
3. Golev, N. D. (2009). Variativno-interpretacionnoe funkcionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii grani variantologii) = Variative-interpretative functioning of the text (on the question of expanding the facets of variantology). Vestnik Chelyabinskogo universiteta, 27, 9–12.
4. Kropotova, L. V. (2009). Problema razgranicheniya sinonimii i variantnosti = The problem of differentiation of synonymy and variation. Philological sciences. Issues of theory and practice, 2(4), 157–161. Tambov: Gramota.
5. Sergienko, P. I. (2009). K voprosu o yazykovoj variativnosti = On the question of linguistic variability. Anglijskij yazyk na gumanitarnyh fakul'tetah: teoriya i praktika (pp. 76–89): a collection of scientific and methodological works. Moscow: Flinta. (In Russ.)
6. Kritsberg, R. Ya. (2014). Variativnost' anglijskogo yazyka: regional'nye i social'nye formy = Variability of the English language: regional and social forms, 2(87), 67–70. Volgograd: Izvestiya VGPU. (In Russ.)
7. Mihajlova, E. N. (2016). The problem of language variability in the conception of Charles de Bovelles (1533). In L. I. Zholudeva (ed.), Romanskie yazyki i kul'tury: ot Antichnosti do sovremennosti (pp. 211–218): collection of materials of the VIII International Scientific Conference. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
8. Dorofeev, Yu. V. (2017). Lexicographic reflection of language variation in the typological and linguocultural aspects. Communication Studies, 2(12), 7–19. Simferopol': Tavriya. (In Russ.)
9. Basovets, I. M. (2019). Variativnost' konstrukcij s zatemnennym referentom v mediadiskurse = Variability of constructions with a darkened referent in media discourse. Variativnost' v yazyke i rechi (pp. 23–25): abstracts of reports, International Scientific Conference, Minsk, 4–5 Apr. 2019. Minsk: MGLU. (In Russ.)
10. Benediktovich, A. V. (2019). Variativnost' naimenovaniya situacii v analiticheskom mediadiskurse = Variability of the naming of the situation in the analytical media discourse. Variativnost' v yazyke i rechi (pp. 26–28): abstracts of reports, International Scientific Conference, Minsk, 4–5 Apr. 2019. Minsk: MGLU. (In Russ.)
11. Vyatkina, S. V. (ed.). (2009). Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka = Syntax of the modern Russian language. St.Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моисеенко Лилия Васильевна
доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moiseenko Lilia Vasilievna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 8.81-22
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_104

Интердискурсивность как отражение и осмысление дискурсивного пространства кинофильма в профессиональной прессе (на материале журналистских статей о детективном телесериале «Капитан Марло»)

И. А. Семина
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, isemfirs@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена дискурсивному пространству кинофильма, которое отражается в профессиональной журналисткой прессе. В качестве метода исследования избран анализ дискурса, представленный французскими лингвистами Де. Менгино и П. Шародо. По результатам анализа эмпирическогоматериала автор приходит к тому выводу, что журналистские статьи о кинофильмах можно рассматривать как такие дискурсивные практики. Они не только объясняют объекты своих исследований посредством интердискурсивных и интертекстуальных связей, но также до некоторой степени формируют их.

Ключевые слова: интердискурсивность, интертекстуальность, журналистские статьи, дискурсивное пространство кинофильма, профессиональная пресса

Для цитирования: Семина И. А. Интердискурсивность как отражение и осмысление дискурсивного пространства кинофильма в профессиональной прессе (на материале журналистских статей о детективном телесериале «Капитан Марло») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864) С. 104–111. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_104

Original article

Interdiscursivity as Reflection and Interpretation of Discursive Space of a Film in Professional Press (based on journalistic articles about the detective drama television series ‘Capitaine Marleau’)

Irina A. Semina
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, isemfirs@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the discursive space of a film as reflected in professional journalistic press. The method applied is the French model of discourse analysis by D. Maingueneau and P.Charaudeau. The author comes to the conclusion that journalistic articles on films can be tackled as special discursive practices that not only explain the object of their research through interdiscursive and intertextual relations, but also form them to some extent.

Keywords: interdiscursivity, intertextuality, journalistic articles, discursive space of a film, professional press

For citation: Semina, I. A. (2022). Interdiscursivity as reflection and interpretation of discursive space of a film in professional press (based on journalistic articles about the detective drama television series ‘Capitaine Marleau’). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 104–111. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_104.

ВВЕДЕНИЕ

Художественный фильм представляет собой явление сложное и неоднозначное, самым тесным образом связанное с такими искусствами, как фотография, живопись, театр и художественная литература. Именно поэтому журналистский анализ кинофильма неизбежно становится многоуровневым, т. е. включает в себя элементы не только медийного, но и искусствоведческого, театроведческого, литературоведческого и лингвистического дискурсов. Цель настоящей статьи – определить, каким образом (интер) дискурсивное пространство кинофильма отражается и осмысляется в профессиональной прессе.

Анализ дискурса, представленный французскими лингвистами Д. Менгено и П. Шародо, был выбран в качестве основного метода исследования по ряду взаимосвязанных причин [Charaudeau, Maingueneau, 2002; Maingueneau, 2014].

Во-первых, дискурсивный анализ располагает рассматривать любое произведение в социально-историческом контексте. Данный подход означает, что исторически сложившиеся социальные пространства обусловливают создание произведений, которые в свою очередь формируют и определяют эти социальные пространства. Дискурсивный анализ, таким образом, связывает произведение с повествовательной ситуацией, которая одновременно относится к вербальному и институциональному уровням.

Во-вторых, дискурсивный анализ не позволяет исследователю отдавать предпочтение лингвистическому аспекту в ущерб социальному или психологическому и наоборот. При этом анализ дискурса активно использует инструментарий сопредельных дисциплин, к которым главным образом относятся риторика, лингвистический анализ текста, социолингвистика, прагматика.

В-третьих, дискурсивный анализ дает возможность журналисту не только четко определить основные характеристики фильма (жанровые особенности, основные дискурсивные поля, и т. п.), но также выразить собственное отношение к ним.

Принятие данной концепции анализа дискурса влечет за собой признание связанной с ней проблематики. Применительно к заявленной теме анализ дискурса предполагает исследование следующих вопросов:

- жанровая специфика журналистской статьи / фильма и межжанровые взаимодействия;
- дискурсивные роли повествовательных инстанций журналиста и читателей;
- стратегии, к которым прибегает журналист для легитимации собственного дискурса;
- способ представления журналистом собственной идеологической позиции с учетом коллективного этоса издания, в котором он работает, а также жанровых ограничений дискурса;
- взаимодействие и взаимовлияние выявленных дискурсивных полей;
- взаимопроникновение дискурсов журналиста, актеров фильма и исполняемых ими персонажей.

Корпус исследования представляет собой журналистские статьи, посвященные популярному французскому детективному телесериалу «Капитан Марло». Анализируемые статьи представляют национальную (Монд, Фигаро, Франс Инфо) и региональную (Паризьен, Уэст-Франс) прессу Франции и отражают широкий спектр как политических, так и эстетических взглядов.

1. ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПОЛЕЙ

Зачастую в журналистской статье выражена приверженность ее автора к определенной идеологической позиции или эстетическому направлению. Статьи, посвященные известному детективному телесериалу «Капитан Марло», не являются исключением. Приведем в качестве примера статью Жана-Батиста Морена, опубликованную 30 апреля 2021 года в журнале *Les Inrockuptibles*[1]. Являясь выразителем левых взглядов, журнал *Les Inrockuptibles* выступает за социальное равенство, в том числе за обеспечение равных возможностей для членов различных социальных групп. В анализируемой статье идеологическая позиция журналиста и журнала в целом заключается в апологии гендерного равенства, нацеленного на обеспечение равных возможностей для женщин и мужчин. Они актуализируются в сфере зарабатывания средств к существованию и участия в жизнедеятельности социума. Данная идеологическая позиция выражена инклюзивным написанием слов-антропонимов во множественном числе. Оно включает в себя одновременно формы мужского и женского рода, разделенные специальным графическим знаком – точкой:

n'importe quel·le téléspectateur·rice
des beaux·bellesacteur·trices réputé·es
petit·es bourgeois·es coincé·es, des pharisien·nes,
des béotien·nes et des obtu·es

[1] Morain J.-B. Qu'est-ce qu'on regarde ce soir ? "Capitaine Marleau" sur France 2 // Les Inrockuptibles. 30 avril 2021. URL: https://www.lesinrocks.com/series/quest-ce-quon-regarde-ce-soir-capitaine-marleau-sur-france-2-376974-30-04-2021/

les comédien·nes
les historien·nes
les saltimbanques déchaîné·es[1]

Используемое в статье инклюзивное письмо призвано отразить в дискурсе значительные изменения в социальном положении женщин за последние десятилетия, а также повлиять на общественное сознание в целях обеспечения гендерного равенства.

Другим примером инклюзивного письма в статье Жана-Батиста Морена является употребление лексемы *personnage* в женском роде (*une personnage féminine de flic*), не соответствующее признанным правилам образования женского рода во французском языке. Ненормативное употребление лексемы *personnage* напрямую отсылает к дискурсу главной героини сериала, капитану Марло, настаивающей на феминизации наименований профессий. Например, в серию под названием «Sang et lumière» включен эпизод знакомства главной героини с молодым сотрудником жандармерии, который должен ввести ее в курс дела. На вопрос о том, является ли она тем самым капитаном Марло (*le capitaine Marleau*), главная героиня отвечает утвердительно, заменив при этом нормативное употребление своего звания на инклюзивное: *la capitaine Marleau*. Следует особо отметить, что многие реплики главной героини сериала придуманы самой К. Масьеро, т. е. могут быть отнесены не только к дискурсу главной героини, но и к играющей ее актрисе.

Как видно из приведенных выше примеров словоупотребления, в телесериале «Капитан Марло» инклюзивный дискурс противопоставлен дискурсу нормативному. Выраженное в сериале взаимодействие противоположных дискурсивных полей Ж.-Б. Морен переносит в свою статью, обозначив при этом свою собственную приверженность к инклюзивному дискурсу и подвергнув критике стагнацию традиционного дискурса:

> Corinne Masiero, c'est la vie dans la tradition du téléfilm policier en putréfaction[2]. – «Корина Масьеро – это жизнь в загнивающем болоте традиционных детективных сериалов».[3]

В своей статье Ж.-Б. Морен поддерживает также действия К. Масьеро во время 46-й церемонии вручения кинопремии «Сезар». Напомним, что 57-летняя актриса разделась на сцене в знак протеста против закрытия учреждений культуры из-за пандемии. Журналист критикует тех, кто возмущается поведением актрисы, называя их:

> petit·es bourgeois·es coincé·es, des pharisien·nes, des béotien·nes et des obtu·es[4] – «скованными правилами мелкими буржуа, фарисеями, невеждами и тупицами».

Все симпатии автора статьи отданы свободным художникам, которых мало заботит, о чем думает благонамеренная публика.

Журналистка *Le Figaro* Э. Жеффрей (Geffray) в свою очередь выделяет противопоставление в анализируемом телесериале политкорректного и неполиткорректного дискурсивных полей[5]. В качестве примера журналистка приводит эпизод из серии под названием «Ne plus mourir, jamais», в которой актриса И. Аджани играет женщину, страдающую от серьезных нарушений речи после 15-летней комы. Во время сцены с персонажем И. Аджани К. Масьеро произносит импровизированную реплику, в которой позволяет себе нападки на ее проблемы с речью. И. Аджани ответила на неполиткорректный дискурс К. Масьеро мгновенной импровизацией:

> Arrêtez de vous foutre de ma gueule, vous allez avoir des problèmes avec le gens handicapés.[6] – «Перестаньте издеваться надо мной, иначе Вам не миновать неприятностей от людей с ограниченными возможностями».

И. Аджани объяснила свою политкорректную импровизацию двойной мотивировкой: во-первых, искренним желанием защитить К. Масьеро, которая иногда заходит слишком далеко в своей неполиткорректности, во-вторых, стремлением выразить естественную реакцию персонажа на нападки в свой адрес.

В целом, неполиткорректные реплики капитана Марло могут быть как левого, так и правого толка, что придает данному персонажу неоднозначности, а его дискурсу – полифоничности.

2. ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ И / ИЛИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Комментируя рекордные 8,3 миллиона постоянных зрителей сериала в октябре 2020 года, журналистка

[1] URL: https://www.lesinrocks.com/series/quest-ce-quon-regarde-ce-soir-capitaine-marleau-sur-france-2-376974-30-04-2021/
[2] URL: https://www.lesinrocks.com/series/quest-ce-quon-regarde-ce-soir-capitaine-marleau-sur-france-2-376974-30-04-2021/
[3] Здесь и далее перевод наш. – *И. С.*
[4] URL: https://www.lesinrocks.com/series/quest-ce-quon-regarde-ce-soir-capitaine-marleau-sur-france-2-376974-30-04-2021/
[5] URL: https://www.lefigaro.fr/cinema/josee-dayan-l-autre-star-de-caractere-de-capitaine-marleau-20191026
[6] URL: https://tvmag.lefigaro.fr/programme-tv/isabelle-adjani-corinne-masiero-peut-aller-tres-loin-dans-le-politiquement-incorrect_654d23aa-545e-11e9-bc1e-2349bf6e1825

М. Пуссель (Poussel) называет его главную героиню «королевой Марло» (la reine Marleau). Метафорическая репрезентация персонажа во многом обусловлена его небывалой популярностью, сопоставимой с известностью высочайших особ или кинозвезд, но главным образом – вызываемой ею ассоциацией «королева Марло – королева Марго».

Актуализированная в статье корреляция «королева Марло – королева Марго» выявляет интердискурсивные и интертекстуальные связи между героиней детективного сериала и многочисленными образами королевы Марго в истории и культуре Франции.

Прообразом легенд о королеве Марго является Маргарита де Валуа (1553–1615), дочь короля Генриха II и Екатерины Медичи, супруга Генриха IV с 1572 по 1599 годы. Для понимания актуализированной в статье параллели между героиней телесериала и историческим персонажем необходимо, на наш взгляд, особо остановиться на двух фактах из жизни Маргариты де Валуа. Во-первых, с 1585 года Маргарита де Валуа была в оппозиции к власти, объявив себя членом Католической лиги и возобновив отношения с ее лидером, герцогом де Гизом. Во-вторых, будучи прекрасно образованной, Маргарита де Валуа играла заметную роль в культурной жизни французского двора, особенно после возвращения из изгнания в 1605 году. По убеждению М. Пуссель, подобно королеве Марго капитан Марло стала настоящей легендой в социально-политической и культурной жизни современной Франции:

> Le personnage [du capitaine Marleau] est désormais devenu une légende indétrônable pour un bon nombre de Français qui adorent son côté rebelle face à la hiérarchie.[1] – «В настоящее время этот персонаж бесспорно превратился в легенду для значительного числа французов, обожающих его мятежный дух, противостоящий любой иерархии».

В свою очередь известная французская актриса И. Аджани видит в социальной ангажированности капитана Марло и соответственно К. Масьеро проявление революционного духа:

> Marleau a une forme de cynisme inspiré, c'est un personnage assez seul qui met en défaite tout ce qui semble installé, trop embourgeoisé, c'est la fibre révolutionnaire de Corinne Masiero.[2] – «Для Марло характерен вдохновенный цинизм, эта достаточно одинокая женщина разрушает все, что в ее представлении является устоявшимся, слишком обуржуазенным, именно в этом проявляется революционный дух Корины Масьеро».

М. Пуссель (Poussel) полагает, что критики актрисы К. Масьеро, обнажившейся на церемонии вручения премии Сезар,[3] скатываются до уровня распространенных по отношению к историческому персонажу Маргариты де Валуа стереотипов и легенд, согласно которым королева Марго отличалась необузданными нравами и сексуальной распущенностью.

Несомненные интердискурсивные и интертекстуальные связи обнаруживаются при сопоставлении телесериала «Капитан Марло» с художественным фильмом «Королева Марго», снятым П. Шеро в 1994 году. Данная экранизация знаменитого романа В. Гюго осталась в истории кино как вызов традиционному историческому жанру, который положил начало осовремениванию исторических реалий в кино. Новаторским по духу предстает и телесериал «Капитан Марло», в котором на смену традиционному образу детектива – внешне привлекательного мужчины с незаурядными интеллектуальными способностями – приходит его ироничный двойник – нелепо одетая и странно изъясняющаяся чудаковатая женщина, которая, в конечном счете, оказывается интеллектуально богатым и эстетически восприимчивым человеком.

3. ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ДИСКУРСА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ТЕЛЕСЕРИАЛА «КАПИТАН МАРЛО» И ЕГО АНАЛИЗ В ПРЕССЕ

Детективный телесериал «Капитан Марло» пользуется огромной популярностью во Франции. В 2020 году на каждую серию приходилось в среднем 7,8 миллионов просмотров (включая просмотры в записи). Подобный успех оказывает большое влияние на медийный дискурс о телесериале, в том числе на его тактические приемы и практики. Нет никаких сомнений в том, что широкое признание телесериала, с одной стороны, обусловливает необходимость разнообразить приемы и методы его продвижения на рынке, с другой, делает затруднительными негативные отзывы о нем. Данным обстоятельством во многом определяется информационно-аналитический характер статей, посвященных телесериалу и его главной героине.

[1] URL: https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/tv/capitaine-marleau-reussit-son-bapteme-sur-france-2-elle-est-devenue-une-legende-indetronable-03-04-2021-FQ5JDKHJZZFHFKROSP72PQDUBI.php

[2] URL: https://tvmag.lefigaro.fr/programme-tv/isabelle-adjani-corinne-masiero-peut-aller-tres-loin-dans-le-politiquement-incorrect_654d23aa-545e-11e9-bc1e-2349bf6e1825

[3] URL: https://www.lefigaro.fr/cinema/corinne-masiero-mauvais-sang-20210314

Одной из основных тем анализа становится речь капитана Марло, которая носит ярко выраженный полифонический характер.

Прежде всего, следует отметить, что речь капитана Марло близка и понятна миллионам телезрителей. В подтверждение данного тезиса журналистка М. Пуссель приводит слова А. Холмс, директора художественных программ «Франс телевизьон»:

> Les gens l'adorent car Marleau parle vrai, elle dit ce qu'elle pense, elle nous ressemble.[1] – «Люди обожают Марло, потому что ее речь проста и правдива, она говорит то, что думает, и этим похожа на нас».

Кроме того, речь капитана Марло изобилует импровизационными репликами исполнительницы данной роли. Ж.-Б. Морен так характеризует импровизации К. Масьеро:

> Sans même regarder les images <…> j'écoute chaque semaine Capitaine Marleau pour entendre la voix de Corinne Masiero, et surtout sa manière d'improviser des dialogues qui détruisent tout le bon ordonnement des scénarios ficelés et du filmage de Josée Dayan.[2] – «Даже не смотря на изображение, каждую неделю я слушаю капитана Марло, чтобы услышать голос Корины Масьеро, точнее, импровизируемые ею диалоги, которые разрушают строгий порядок написания сценариев и съемок сериала Ж. Дайан».

К. Масьеро подтверждает, что ею самой внесено в персонаж Марло много личных черт, среди которых особое место занимают речевые особенности К.Масьеро:

> Dans Marleau il y a beaucoup de moi. Je réécris des dialogues, des petites blaguettes, je fais des impros…C'est mon caractère à moi.[3] – «В Марло много от меня самой. Я переписываю диалоги, шуточки, импровизирую… Это свойственно моему характеру».

Как видно из приведенной цитаты, речь актрисы включает в себя элементы разговорного стиля: на уровне лексики – употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов (*blaguette*) и сокращений (*impro*), на уровне синтаксиса – выделение слов в предложении.

Речь капитана Марло в целом представляет собой смешение разнообразных дискурсов, среди которых, по наблюдениям профессиональных критиков, особенно выделяются:

- вкрапления, относящиеся к языку ш'ти и культурной специфике северных департаментов Франции;
- критические реплики на злобу дня;
- самоироничный дискурс героини.

В речи капитана Марло все вышеперечисленные дискурсы вступают в сложное взаимодействие, отражающее языковое и культурное разнообразие Франции, а также идеологические разногласия в стране. Полифоническая речь главной героини сериала во многом обусловливает ее привлекательность для большой аудитории, а ироничная тональность ее дискурса позволяет взглянуть отстраненно на доминирующие в обществе социально-культурные представления.

3.1. Отражение в речи капитана Марло языковой и культурной специфики севера Франции

Жизнь К. Масьеро самым тесным образом связана с севером Франции. Актриса родилась в Дуэ, а проживает в городе Рубе, расположенном у самой бельгийской границы, в 11 километрах к востоку от Лилля. Главная героиня сериала также родом с севера, именно поэтому в ее репликах присутствуют слова и выражения из диалекта, который в северных департаментах О-де-Франс известен под названием «ш'ти», а в Пикардии называется пикардским.

Приведем лишь несколько реплик Марло с вкраплениями из языка ш'ти и других северных диалектов: *Ça drache!* На языке ш'ти *drache* означает «ливень». *Y'a moyen de le retirer de la bedroule?* Лексема *bedroule* относится к разговорному стилю бельгийского варианта французского языка и означает «грязь». *Eh, faut être un peu babache pour se planter au rond-point machin avec un scooter, non?* Лексема *babache* на северном диалекте означает «сумасшедший».

В репликах капитана Марло встречаются также историко-культурные ассоциации, связанные с севером Франции: *On dirai le beffroi de Douai*. В данном примере обыкновенная башня сравнивается с беффруа города Дуэ. Термин «беффруа» используется для обозначения башни городского совета с характерной для севера Франции архитектурой. Более 50 беффруа Бельгии и Франции занесены в список всемирного наследия ИНЕСКО. Анализируемая историко-культурная ассоциация носит к тому же и личный характер, поскольку К. Масьеро родилась в городе Дуэ на севере Франции.

[1] URL: https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/tv/capitaine-marleau-reussit-son-bapteme-sur-france-2-elle-est-devenue-une-legende-indetronable-03-04-2021-FQ5JDKHJZZFHFKROSP72PQDUBI.php
[2] URL: https://www.lesinrocks.com/series/quest-ce-quon-regarde-ce-soir-capitaine-marleau-sur-france-2-376974-30-04-2021/
[3] URL: https://www.rtbf.be/tv/article/detail_capitaine-marleau-en-20-repliques-inoubliables?id=10248920

В следующей цитате актриса устами своего персонажа перечисляет те места и достопримечательности, которые ей дороги в Лилле:

> Lille, la Verrière, le cheval blanc, chez Zoule[1]. – «Лилль, театр Ля Веррьер, ресторан “Белая лошадь”, ресторан “Chez Zoule”».

3.2. Реплики капитана Марло на актуальные социально-политические и экономические темы

К. Масьеро позволяет себе добавлять в реплики своей героини хлесткие высказывания с социально-политическим подтекстом, вызывающие раздражение и даже негодование значительной части зрителей, а иногда и режиссера сериала Ж. Дайан. К таковым можно, например, отнести следующую реплику капитана Марло:

> Tu crois tout ce qu’on te dit ? Tu crois encore à la Vème République? – «Ты веришь всему, что тебе говорят? Ты все еще веришь в Пятую республику?»

Некоторые реплики, которые К. Масьеро вкладывает в уста своей героини, намекают на современные политические события или движения:

> Si vous voulez faire peur, le mieux c’est de porter un gilet jaune. – «Если хотите кого-нибудь испугать, лучше всего надеть желтый жилет».

Этой ироничной репликой К. Масьеро подчеркивает невысокую эффективность протестного движения желтых жилетов, возникшего в конце 2018 года.

Значительная часть критических замечаний капитана Марло относится к социально-экономической ситуации во Франции, в частности, к проводимой государством социальной политике. Например, героиня телесериала резко критикует внедрение в больницы платных услуг для граждан:

> C’est vrai que maintenant, à l’hôpital, le temps c’est de l’argent. – «Действительно, в современной больнице время – деньги».

Капитан Марло критикует также существующие практики применения льгот, о чем свидетельствует следующая реплика:

> Vous ne faites pas de tarifs pour les fonctionnaires, les intermitents, les précaires et tout ça? – «Вы предоставляете льготные тарифы государственным служащим, сезонным рабочим, работникам с нестабильным заработком и т. п.?»

Уподобление государственных служащих социально незащищенным слоям населения носит явно иронический характер.

К. Масьеро резко критикует предлагаемую президентом Макроном реформу трудового законодательства. В новом трудовом кодексе предполагается перенести весь комплекс прав профсоюзов с отраслевого уровня на предприятие, что приведет к существенному сокращению возможностей представителей профсоюзов, в том числе потребовать от работодателя выплатить в случае увольнения солидную компенсацию. Мнение К. Масьеро о реформе трудового законодательства отражено в следующей реплике капитана Марло:

> On va dire que ça sera une prime de licenciement… maintenant il n’y a plus de Code de travail. – «Скажем, это компенсация в связи с увольнением… ведь больше нет трудового кодекса».

3.3. Самоироничный дискурс капитана Марло

Дискурсивный анализ подразумевает также рассмотрение вопроса о том, каким образом персонаж капитана Марло соотносится с традиционными художественными типами, представляющими собой функцию мироустройства или социальной среды. Архетипом главной героини телесериала можно вполне обосновано считать такие известные маски народного театра, как фигуры шута или дурака. Ключевые ценности архетипа шута или дурака (такие как развитое чувство юмора, смелость в высказываниях, честность, открытость и активная жизненная позиция) в полной мере можно отнести к капитану Марло. Многочисленные шутки главной героини, часто воспринимаемые окружающими как неуместные и бестолковые, приобретают в телесериале важную роль, поскольку они призваны выявить недостатки современного общества, разорвать стереотипы восприятия, сорвать с людей маски и показать правду там, где другие молчат из страха или по неведению. При этом самоирония помогает главной героине не впасть в разоблачительный пафос, сохранять человечность в самых сложных драматических ситуациях. Откровенный и (само) ироничный дискурс капитана Марло, направленный на показ пороков современного общества делает телесериал особенно привлекательным и во многом объясняет его огромную популярность во Франции и за ее пределами.

[1] Здесь и далее приводятся реплики из сериала «Capitaine Marleau».

Во многих журналистских статьях капитан Марло сравнивается с Коломбо, знаменитым персонажем американского детективного сериала, которого также можно отнести к художественному типу шута или дурака:

> C'est une sorte d'inspecteur Colombo au féminin.[1] – «Это что-то вроде инспектора Коломбо в юбке».

Кроме того, имя Марло (Marleau) созвучно с Марлоу (Marlowe), именем другого культового американского детектива:

> C'est notre Philip Marlowe, notre Colombo en chapka[2]. – «Это наш Филип Марлоу, наш Коломбо в шапке».

Параллель между двумя детективами, подчеркнутая сходным звучанием их имен, обусловлена не в последнюю очередь присущим им обоим положительным образом, несмотря на иногда шокирующий цинизм в отношении к действительности.

Объектом самоиронии капитана Марло часто становится ее некрасивая внешность. Главная героиня сериала не только не стесняется своей внешней непривлекательности, но и открыто высмеивает связанные с этим укоренившиеся в обществе комплексы и стереотипы:

> Avec toutes les miss là, ça m'a foutu des complexes ! ... Ça prouve rien des photos, regarde avec « Photomoche » même moi je peux passer pour une actrice. Enfin, faut pas rêver non plus! – «Все эти мисс развили во мне столько комплексов!... Фотографии ни о чем не говорят, с фотошопом (в оригинале употреблен неологизм «Photomoche») даже я могу сойти за актрису. Впрочем, не стоит обольщаться!»

В приведенной цитате К. Масьеро заменяет термин *photoshop* (фотошоп) на неологизм *Photomoche* (состоящий из двух основ: «фото» и «уродливый»), чтобы высмеять распространенную практику обработки изображения с целью улучшения оригинала. По мнению актрисы, фотошоп не улучшает оригинал, а наоборот, уродует его, лишая естественности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному анализу, ограничимся следующими основными выводами:

– практически во всех статьях, посвященных телесериалу «Капитан Марло», представлены антитетические дискурсивные поля (например, правый дискурс противопоставляется левому, политкорректный дискурс – неполиткорректному), что позволяет не только выявить, но и осмыслить их сложное интердискурсивное взаимодействие;

– журналистские статьи о кинофильмах можно рассматривать как такие дискурсивные практики, которые не только объясняют объекты своих исследований посредством интердискурсивных и интертекстуальных связей, но и до некоторой степени формируют их;

– с ростом популярности фильма (или телесериала) в пишущей о нем прессе увеличивается количество статей информационно-аналитического характера, основной целью которых является обеспечение углубленного понимания художественной специфики кинокартины. Особое место в статьях об успешном фильме отводится анализу речи персонажей (главным образом протагониста), в том числе ее интердискурсивным и интертекстуальным особенностям, отражающим языковое, культурное и идеологическое разнообразие.

[1] URL: https://france3-regions.francetvinfo.fr/hauts-de-france/la-nordiste-corinne-masiero-cartonne-en-gendarme-decalee-dans-la-serie-capitaine-marleau-1081777.html

[2] URL: https://www.lesinrocks.com/series/quest-ce-quon-regarde-ce-soir-capitaine-marleau-sur-france-2-376974-30-04-2021/

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Seuil, 2002.
2. Maingueneau D. Discours et analyse du discours. Paris: Armand Colin, 2014.

REFERENCES

1. Charaudeau, P., Maingueneau, D. (2002). Dictionnaire d'analyse du discours. Seuil.
2. Maingueneau, D. (2014). Discours et analyse du discours. Paris: Armand Colin.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семина Ирина Александровна
доктор филологических наук, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semina Irina Alexandrovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Head of the Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 81'42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_112

Дискурсивные характеристики политической коммуникации во Франции в период Фронды (1648–1653)

Е. В. Тулубеева
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
evtulubeeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискурсивные особенности полемических произведений периода Фронды во Франции: время и место создания, их заказчик, автор, адресат, канал и скорость распространения.
Дается краткое описание «полемических сетей» как средств политической коммуникации, осуществляемых через устный и печатный каналы. Предлагается классификация адресата. Особое внимание уделяется дискурсивной оценочности анонимных произведений и их диалогичности.

Ключевые слова: политическая коммуникация, XVII век, Мазаринады, дискурсивный анализ, анонимность, диалогичность, адресат

Для цитирования: Тулубеева Е. В. Дискурсивные характеристики политической коммуникации во Франции в период Фронды (1648–1653) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864) С. 112–118. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_112

Original article

Discursive Characteristics of Political Communication in France in the Fronde Period (1648–1653)

Elena V. Tulubeeva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
evtulubeeva@mail.ru

Abstract. The article considers the discursive aspects of polemic works of the Fronde period in France: time and place of creation, requester of those, author, addressee, channel and speed of distribution. The article briefly describes «polemic networks» as means of political communication realized through oral and written channels. It proposes a classification of the addressee. Special attention is paid to the discursive evaluativity of anonymous works and their dialogicality.

Keywords: political communication, 17th century, Mazarinades, discourse analysis, anonymity, dialogicality, addressee

For citation: Tulubeeva, E. V. Discursivecharacteristics of political communication in France in the Fronde period (1648–1653). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 112–118. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_112

ВВЕДЕНИЕ

Изучение теории и практики политической коммуникации дает ключ к пониманию процессов, как происходящих в современном мире, так и рассматриваемых в исторической ретроспективе. В этой связи наряду со значительным числом научных трудов появились аналитические обзоры, систематизирующие теории, подходы, методы зарубежных и российских исследований в области политической лингвистики. Большой вклад в это направление внесли работы Э. В. Будаева, А. П. Чудинова [Будаев, 2010; Чудинов, 2006]. Авторы отмечают особую роль французской лингвистической школы анализа дискурса, которая разработала научный аппарат изучения политической коммуникации, учитывающий множество факторов, необходимых для исследования дискурсивной значимости текстов. Яркие представители этой школы – М. Пешё, Ж. Дюбуа, П. Анри. Предмет их исследования — тексты или корпус текстов с учетом институционных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. Все высказывания характеризуются культурной, исторической, социальной обусловленностью в соответствии с целями, интересами, значимостью, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, выражаемыми эксплицитно и имплицитно [Будаев, Чудинов, 2006]. Одним из направлений данной школы стали исследования в исторической ретроспективе, где ставились вопросы о динамике дискурсивных характеристик, их закономерностей и различий [Квадратура смысла, 2002].

Наш научный интерес всецело сфокусирован на полемических произведениях XVII века, объединенных под общим названием «Мазаринады». Они представляют собой литературу действия и пропаганды, направленную на формирование общественного мнения почти за столетие до становления политической публичности во Франции. В настоящей статье мы определим обусловленные институционными рамками эпохи дискурсивные характеристики «Мазаринад» с позиций ретроспективного дескриптивного подхода.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРИОДА ФРОНДЫ

Фронда 1648–1653 гг. – период оппозиционных выступлений во Франции, народных смут и восстаний, организованных в Париже и в провинциях сначала парламентом, затем принцами и направленных против централизации власти в руках первого министра кардинала Джулио Мазарини при несовершеннолетнем Людовике XIV. Полемические произведения этого периода – «Мазаринады» – считаются первой пробой пера политических журналистов. В корпус «Мазаринад» включаются тексты, которые выражают информационное противостояние между двумя политическими силами: законной властью монархии в лице первого министра Мазарини и оппозицией к нему в лице парламентариев Парижа, Бордо, Орлеана, Руана и принцев крови.

Во Франции в середине XVII века сохраняется традиция войны памфлетов – информационного противоборства различных политических групп, восходящая к религиозным войнам, затем развернувшаяся в периоды Католической лиги и правления Ришелье. «Мазаринады» продолжают эту традицию, но занимают особое место, выделяясь исключительным разнообразием форм и жанров (прозаические и стихотворные произведения, песни, листовки, письма, послания, обращения, анекдоты) и беспрецедентным количеством печатных текстов, вышедшим за короткий период. За три года было создано и напечатано более 5500 документов, различных по объему.

Для «Мазаринад» характерна беспрецедентная реактивность. Создавались целые «цепочки» текстов. Крупный исследователь данных произведений Кристиан Жуо указывал на «цепную реакцию»: памфлеты-стимулы, ответы на них, ответы на ответы объединялись в густые «*полемические пучки*» вокруг какой-либо темы или какого-либо события и образовывали настоящие «*полемические сети*» [Jouhaud, 1985].

Насколько правомерно говорить о понятии «общественное мнение» применительно к середине XVII века? Понятия «общественное мнение» (*l'opinion publique*) тогда не существовало, но существовал его семантический эквивалент: «общий шум», «общедоступный шум» (*le bruit commun*) для «публики» (*le public*). Понятие «публика» обозначало зрителей представления, инсценированного в общественном месте. Но те места, где можно было высказывать политические мнения (*opiner*), не были общественными. «Мазаринады» производили огромный ***информационный шум в общественных местах***, потому что они являлись ***спектаклем*** для широких народных масс – ***публики***. Рассмотрим, какие дискурсивные характеристики определили прагматическую силу «Мазаринад».

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД ФРОНДЫ

Анализ политической коммуникации в дискурсе предполагает учет конкретных экстралингвистических, прагматических, социокультурных условий его создания и функционирования [Арутюнова, 1990], вследствие чего мы рассматриваем «Мазаринады» как продукт социального действия в определенном культурно-историческом контексте.

Время и место создания

Время создания «Мазаринад» синхронизировано с событиями Фронды. Подавляющее большинство «Мазаринад» было создано в Париже, остальные – в Бордо, Руане, Орлеане. Например, в Париже в 1648 году за три месяца было отпечатано более тысячи текстов, в некоторые дни там издавали до 30 текстов.

Первую подробную «Библиографию Мазаринад» в трех томах, содержащую указание на время и место издания конкретного произведения, на имя печатника или название типографии, создал в 1850–1851 годах Селестен Моро [Moreau, 2015]. На ее основе в 2014 году была начата работа над цифровым Каталогом «Мазаринад» Министерства иностранных дел, он насчитывает уже около 6 тыс. произведений вместе с черновиками и манускриптами и предоставляет исследователям ценную фактологическую информацию. Приведем несколько примеров произведений различных лет, изданных в Париже и в Бордо в разных типографиях:

> 1. Observations curieuses sur l'estat et gouvernement de France avec les noms, dignitez et familles principales, comme il est en la presente année 1649., à Paris, chez Gervais Alliot, M.D,C.XXXXIX; 2. La Veritable lettre circulaire de Messieurs du Parlement envoyée à tous les parlements de France, à Paris, de l'imprimerie de la veufve J. Guillemot, M.DC.LII.; 3. Concordat de l'union faite entre le parlement et la ville de Bordeaux, avec Nosseigneurs les princes ; contre les ennemis de l'Estat, imprimée à Bordeaux, par Guillaume La Court, 1652 [Les Mazarinades dans les collections du Ministère des Affaires étrangères, 2019].

Заказчики

Информационное противоборство выстраивается оппозиционными политическими силами, которые выступают заказчиками произведений: с одной стороны, членами Парламента и принцами, с другой – кардиналом Мазарини и его сторонниками. За каждой «полемической сетью», сотканной «Мазаринадами», стоит индивидуальный или коллективный политический субъект.

Оценочность

Аксиологический аспект «Мазаринад» был подробно проанализирован в работе Е. В. Тулубеевой [Тулубеева, 2002], где автор доказывает, что «Мазаринады» характеризуются высокой степенью оценочности, а также выстраивает развернутую классификацию сложившихся в текстах оснований оценки, ее субъектов и объектов, актуализированных эксплицитными и имплицитными способами.

Авторство

Структура дискурса предполагает наличие двух противопоставленных ролей – автора и адресата. Характерная особенность «Мазаринад» – их ***анонимность***. Выделяются три основные причины, по которым авторы предпочитали оставаться анонимными. Прежде всего, к анонимности создателей подталкивала все еще имеющая силу жесткая королевская цензура, действовавшая даже тогда, когда весь Париж был покрыт баррикадами и королевский двор покинул столицу. Поставить свое имя под памфлетом, который едко критикует политику первого министра-кардинала и нападает на королеву-регентшу – это означало навлечь на себя арест или даже казнь. Кроме того, анонимность защищала авторов также и от преследований политических сторонников Мазарини. И, наконец, анонимность служила гарантом сохранения «благопристойного» положения автора в обществе в случае его публичности [Bertrand, 2013]. Анонимность произведений, однако, не исключала авторство известного литератора. Сохранилось немало свидетельств тому, что публика узнавала тексты, вышедшие из-под пера Поля Скаррона, Сирано де Бержерака, кардинала Реца, выражавших приверженность Фронде и свои оценки сложившейся социально-политической ситуации.

Анонимность автора усиливает дискурсивную оценочность произведений, в частности категорию субъекта оценки. Памфлеты актуализируют большее количество эксплицитных субъектов оценки. Приведем примеры референтов субъектов из произведений, написанных против Мазарини, авторы которых заявляли автором своего персонажа:

- авторитеты Священного Писания (*La Ierusalem Françoise ou les propheties de* ***Ieremie*** *ont naïuement expliquées uiuant ce qui arriue à pré ent);*
- Нострадамус *(«Prediction de* ***Nostradamus*** *sur la perte du cardinal Mazarin en France»);*
- лица, связанные с Мазарини (***Hortense Boufallini, mere*** *de Mazarin);*
- сам кардинал Мазарини *(L'amende honorable de* ***Jules Mazarin*** *des crimes qu'il a commis contre Dieu, contre le Roy, et contre luy-me me»;*
- некий «голос из толпы», обозначенный:
  а) именем собственным (*le ieu N. R. Champenois*);
  б) инициалами (*tres fidel erviteur, L. D. N., tres humbles, tres fideles uiettes et ervantes L. M. R. L. D. R. M. N. C. D. R. S. V. A. B. C.*);
- некая личность, охарактеризованная по социальному статусу, роду деятельности (по частотности употребления это самый распространенный способ):
  а) мужские персонажи – представители различных сословий (*un gentilhomme, un religieux, un vendeur de gris, un curé*; *un cabaretier, un boucher, un arquebuzier);*
  б) женские персонажи (*une ieune Dame accouchée, femme d'un Parfumeur de Cour de Paris, femme d'un Banquier, une Marchande de soye*).

Адресность

Указание на адресат содержится как в названии текста, так и в самом тексте. Способы его актуализации в корпусе произведений характеризуются значительным разнообразием. Мы выделяем следующие группы адресатов:

- индивидуальный (*Messieurs Dutraud chef de consistoire, Depaule, Delpech, Espanès, Charlary, Labonne, Barthez, Chaffan, & Carriere*);
- групповой (*toute la noblesse, les Senateurs, les marchands et eschevins de Paris; les boulangers; les courtisans de Sainct Germain; les bourgeois de la ville et faux-bourgs de Paris*);
- массовый (*Pauure peuple, toute la France*);
- смещенный – в «открытых письмах», письмах-жалобах (*Lettre envoye'e a Dom Francisco Maria del Monacho, Sycilien, Superieur des Theatins, Predicateur & Confesseur du Cardinal Mazarini; Lettre de Mme Charlotte a on amy La Perle*; *Lettre d'un ieur de Nacar à l'abbé à Laint-Germain en Laye).*

Факт провозглашенной «открытости» свидетельствует о том, что текст предназначался не номинальному адресату, а широкой публике.

Канал распространения текстов

Трудно определить, кто именно занимался распространением памфлетов, поскольку это было небезопасно для обеих сторон. Но французские исследователи сходятся во мнении о том, что оба лагеря использовали все доступные тогда способы и задействовали **устный и письменный** каналы распространения.

Устный: «Мазаринады» прокрикивали, распевали на улицах, мостах и площадях, публично зачитывали. Объяснение этому явлению коренится в традиции площадной и уличной культуры, в площадном и уличном «крике» [Бахтин, URL].

Письменный: напечатанные произведения раздавали и продавали. Небольшие памфлеты (*libelles*) могли разбрасывать на улицах как листовки, о чем свидетельствует, например, памфлет-ответ:

> Les Motifs de l'vnion du bovrgeois de Paris, avec le Parlement, representez à la Reyne : seruans de Response aux Libelles jettez dans Paris.

При устной декламации или песенном исполнении на публике обращение непосредственно к адресату позволяло синхронизировать процессы порождения и понимания, канал письменной передачи информации не намного откладывал контакт с адресатом «Мазаринад», потому что от момента их печати до продажи проходило всего несколько часов. Высокая скорость распространения произведений позволяет говорить об информационной атаке на лекторат.

Места распространения

Важная дискурсивная характеристика, позволяющая точнее определить аудиторию. Раздавали и продавали произведения в определенных кварталах, например, в Париже в квартале для бедняков Сен-Оноре около рынка. Очевидно, что основной адресат – незнатная публика, горожане и торговцы. Самое бойкое место – место на Новом Мосту, которое в 1643 году, по свидетельствам современника, превратилось в «общественную библиотеку» для всего Парижа» [Bertrand, 2013]. Для знати, судей и духовенства существовали другие места распространения.

Диалогичность

И читатель, и зритель был вовлечен в постоянный, несмолкаемый шум. ***Диалоги***, ***трилоги*** и ***полилоги*** – отличительная особенности целого ряда «полемических сетей», где эта форма может быть заявлена уже в названии:

> Un dialogue d'un bourgeois de Paris avecq un commis des finances.

Самая известная серия диалогов, отмеченная еще Габриэлем Ноде, библиотекарем Мазарини, – *Agreable conference de deux paisans de Saint Ouen et de Montmorency sur les affaires du temps*, в ответ на которую появились более десяти текстов:

> Suitte de l'agreable conference de deux paisans de Saint Ouen & de Montmorency, Troisiesme partie de l'agreable conference de deux paisans de Saint Ouen et de Montmorency, Suitte et quatriesme partie de l'agreable conference de Piarot et de Janin, paisans de Saint Ouen & Montmorency и т. д.) [Agreable conference de deux paisans de Saint Ouen et de Montmorency sur les affaires du temps, URL].

Диалоги написаны чаще всего на диалектах (пикардском, нормандском, парижском), эксплицируя, таким образом, адресата.Показателен, например, «*Диалог двух нормандских крестьян в XVII веке» (Dialogue de deux paysans normands au XVIIe siècle)* [Bougy, 1996]. Наивные крестьяне высказывают свои суждения по поводу военных действий. ***Внутренние диалоги*** Мазарини с самим собой – также излюбленный прием авторов (*l'Interrogatoire qu'il 'e t fait, accompagné de es re pon es)*. Авторы «Мазаринад» против кардинала учитывали вкус народных масс к пастишу, чудесному, бурлеску – доминирующему жанру XVII века.

Вторая отличительная черта диалогичности «Мазаринад» – ***интертекстуальность***, для которой характерно использование в тексте прецедентных культурных знаков. Например, памфлет «*Диалог бронзового короля и доброй Самаритянки о делах сегодняшних*» («*Dialogue entre le roy de Bronze et la Samaritaine sur les affaires du temps pré ent»*) насыщен множеством цитат, аллюзий, метафор и написан в стиле проповеди: красноречие священника усиливает воздействие политического красноречия автора и требует от читателя широких знаний библейской культуры, что подводит нас к целевой аудитории – духовенству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальный корпус различных по жанру, стилю и форме текстов полемической направленности, относящийся к кратковременному периоду – Фронде 1648–1653 гг. – и существующий под единым названием «Мазаринады», стал одной из первых информационных кампанией в истории Франции. Понятие «общественное мнение», за которое сражаются все стратеги политической коммуникации во все времена, в XVII веке остается прагматической пресуппозицией, прагматическим основанием политического противостояния, и может быть актуализировано в терминах эпохи через понятие «шум для публики» в общественном месте, предназначенном для постановок спектаклей.

Проведенный дескриптивный дискурс-анализ в ретроспекции выявил социальный и прагматический контекст политической коммуникации в период гражданской войны во Франции через основные характеристики составляющих: время и место создания, заказчик, автор, адресат, канал, место и скорость распространения, оценочность, диалогичность.

Представленный в статье текстовый материал требует дальнейшего изучения в параметрах когнитивно-дискурсивного подхода, объединяющего анализ дискурсивных характеристик с категоризацией и концептуализацией картины мира, представляемой адресату контаминацией голосов политического субъекта (заказчика произведения) и автора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа. Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9–23.
2. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. Москва: Флинта : Наука, 2006.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. URL http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm
4. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 2002.

5. Jouhaud Ch. Propagande et action au temps de la Fronde. In Culture et idéologie dans la genèse de l'Etat moderne. Proceedings of the Round-Table Conference held in Rome, October 15-17, 1984, organized by the C.N.R.S. and the l'Ecole française of Rome. Collection de l'Ecole française de Rome, 82. Rome: L'Ecole, 1985. P. 337–352. URL: https://www.persee.fr/doc/efr_0000-0000_1984_act_82_1_2822
6. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 5–33.
7. Moreau C. Bibliographie des Mazarinades: 3 vols. Paris: Jules Renouard et Cie. URL: http://mazarinades.org/2015/04/introduction-de-la-bibliographie-des-mazarinades-par-celestin-moreau-1850/
8. Les Mazarinades dans les collections du Ministère des Affaires étrangères, Présentation et Catalogue. Centre des Archives diplomatiques de la Courneuve. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/catalogue_mazarinades_2019_07_19_cle03cf8e.pdf
9. Тулубеева Е. В. Оценочный компонент в текстах полемического характера: На материале французских произведений XVII века: дис. … канд. филол. наук. М., 2002.
10. Bertrand M. Les mazarinades d'Anthyme-Denis Cohon. Lyon: Université de Lyon, Presse universitaire, 2013.
11. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/rubler2_2.html
12. Agréables conférences de deux paysans de Saint-Ouen et de Montmorency sur les affaires du temps. URL: https://data.bnf.fr/fr/14404017/agreables_conferences_de_deux_paysans_de_saint-ouen_et_de_montmorency_sur_les_affaires_du_temps/
13. Bougy C. Une mazarinade méconnue. Dialogue de deux paysans normands au XVIIe siècle // Histoire & Sociétés. Rurales Année. 1996. Vol. 6. P. 143–164. URL: https://www.persee.fr/doc/hsr_1254-728x_1996_num_6_1_1005

REFERENCES

1. Budaev, E. V. (2010). Political metaphorology: focuses of contrastive analysis. Political Linguistics, 1(31), 9–23. (In Russ.)
2. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya kommunikatsiya = Political communication. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.)
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern political linguistics. Yekaterinburg. http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm (In Russ.)
4. Serio, P. (ed.). (2002). Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa = Quadrature of sense: French school of discourse analysis, foreword by Y. S. Stepanov. Moscow. (In Russ.)
5. Jouhaud, Ch. (1985). Propagande et action au temps de la Fronde. In Culture et idéologie dans la genèse de l'Etat moderne (pp. 337–352). Proceedings of the Round-Table Conference held in Rome, October 15–17, 1984, organized by the C.N.R.S. and the l'Ecole française of Rome. Collection de l'Ecole française de Rome, 82. Rome: L'Ecole. URL: https://www.persee.fr/doc/efr_0000-0000_1984_act_82_1_2822
6. Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs = Metaphor and Discourse. In N. D. Arutyunova, Teoriya metafory (pp. 5–33). Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Moreau, C. (2015). Bibliographie des Mazarinades: 3 vols. Paris: Jules Renouard et Cie. http://mazarinades.org/2015/04/introduction-de-la-bibliographie-des-mazarinades-par-celestin-moreau-1850/
8. Les Mazarinades dans les collections du Ministère des Affaires étrangères, Présentation et Catalogue. Centre des Archives diplomatiques de la Courneuve. https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/catalogue_mazarinades_2019_07_19_cle03cf8e.pdf
9. Tulubeeva, E. V. (2002). Otsenochnyy komponent v tekstakh polemicheskogo kharaktera: Na materiale frantsuzskikh proizvedeniy XVII veka = Evaluative component in the texts of a polemic nature (based on French works of the 17th century): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Bertrand, M. (2013). Les mazarinades d'Anthyme-Denis Cohon. Lyon: Université de Lyon, Presse universitaire.
11. Bakhtin, M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa = The creative work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/rubler2_2.html (In Russ.)
12. Agréables conférences de deux paysans de Saint-Ouen et de Montmorency sur les affaires du temps. https://data.bnf.fr/fr/14404017/agreables_conferences_de_deux_paysans_de_saint-ouen_et_de_montmorency_sur_les_affaires_du_temps/
13. Bougy, C. (1996). Une mazarinade méconnue. Dialogue de deux paysans normands au XVIIe siècle. Histoire & Sociétés, 6, 143–164. https://www.persee.fr/doc/hsr_1254-728x_1996_num_6_1_1005

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тулубеева Елена Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tulubeeva Elena Valerievna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 81'26
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_119

Культурно-специфические особенности языка медиации

Т. В. Ускова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
t-uskova@bk.ru

Аннотация. В статье описываются некоторые особенности языка медиации.Она представляет собой одно из средств внесудебного урегулирования спорных ситуаций. В статье рассматриваются также различные подходы к изучению языка медиации, в том числе теорию речевых актов и дискурсивный анализ. Использование данных методов позволяет понять интенции участников медиации, а также имплицитный смысл их высказываний.

Ключевые слова: медиация, дискурс, теория речевых актов, прагматика, лингвопрагматический анализ

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466.

Для цитирования. Ускова Т. В. Культурно-специфические особенности языка медиации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 119–126. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_119

Original article

Cultural and Specific Features of the Mediation Language

Tatiana V. Uskova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
t-uskova@bk.ru

Abstract. The article describes certain features of the mediation language. Mediation is one of the means of out-of-court dispute settlement. The article also considers different approaches to the mediation language studying among which discourse analysis and the speech act theory can be named. The usage of these methods provides understanding the mediation participants' intentions as well as the underlying meanings of their statements.

Keywords: mediation, discourse, speech act theory, pragmatics, linguistic and pragmatic analysis

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number N 20-01200466.

For citation: Uskova, T.V. (2022). Cultural and Specific Features of the Mediation Language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 119–126. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_119.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в России, как и во всем мире, растет интерес к внесудебным методам разрешения споров, одним из которых является медиация. Поскольку данный метод полемики возник в США во второй половине XX века, исследование англоязычного дискурса медиации, способов использования определенных лингвистических стратегий медиаторами с целью способствовать процессу медиации, а также организации процесса коммуникации в ходе медиации, представляют особый интерес. В настоящее время исследования проводятся в нескольких направлениях. Ставятся комплексные вопросы:

- как язык используется в процессе медиации,
- какие лингвистические особенности характерны для данного процесса, а также,
- как медиаторы адаптируются к динамически различным сессиям медиации посредством использования языковых средств [Моногарова, 2017; Куликова, Прохорова, 2016; Чернышенко, Алимурадов, 2014]. В некоторых работах анализируются также лингвистические инструменты, использующиеся медиаторами для того, чтобы стимулировать дискуссию о причине спора и вопросах, возникающих у сторон конфликта [Баребина, 2012; Чернышенко, 2014].

В своих исследованиях авторы обращаются к различным теориям лингвистического анализа, таким как дискурсивный анализ, лингвистическая прагматика или теория речевых актов. Перечисленные теории служат для анализа лингвистических и стилистических приемов, применяющихся в процессе медиации. Например, в результате исследований было выявлено то, что существует особая категория вопросов, которые медиаторы используют в разных сессиях медиации для достижения своих целей. Эти вопросы можно разделить на категории и применять к отдельным ситуациям [Моногарова, Кобышева, 2016; Haynes, 2004]. Более того, исследования показали, что существуют несколько лингвистических особенностей, которые указывают на инклюзивный характер медиации, равные права сторон, а также на неформальный характер процесса медиации [Haynes, 2004; Rieke, Sillars, Peterson, 2008].

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА МЕДИАЦИИ

В общих терминах медиация представляет собой примирительный, не налагающий обязательств процесс, в ходе которого стороны с помощью беспристрастного помощника пытаются достичь взаимоприемлемого решения своей проблемы. Медиация является примирительной в том смысле, что стороны разговаривают друг с другом в попытке найти компромисс, а не в попытке представить максимум доказательств своей правоты, как это происходило бы в ходе судебного разбирательства. В результате на стороны не накладываются обязательства, так как посредник не обладает никакими полномочиями по вынесению окончательного решения, как судья. Роль квалифицированного медиатора накладывает некоторые ограничения на вид информации, который медиатор может предоставить обеим сторонам. Медиация значительно отличается от судебного разбирательства. Например, многие медиаторы не имеют юридического образования, а если имеют, им запрещено предоставлять юридические консультации, т. е. давать юридические советы [Arrow et al., 1994; Mnookin, 1998]. Не только медиаторы имеют различное социальное происхождение, но и люди, с которыми им приходится работать, могут принадлежать к различным этническим или профессиональным группам, иметь различное образование. В связи с этим медиаторам приходится адаптировать свою речь к перцептивным возможностям и социальным запросам коллективных участников полемики. Более того, медиаторам рекомендуется избегать использования юридических терминов и даже слов типа *conflict, impasse* и даже *settlement*, так как они не всегда могут быть правильно поняты сторонами, не имеющими юридической подготовки или высшего образования [Goodman, 2005].

Помимо необходимости адаптировать свою речь в процессе медиации, медиатору необходимо адаптироваться к эмоциям, которые выражают стороны, поощрять стороны к сотрудничеству. Речевая ситуация может стремительно меняться в ходе сессии медиации, и медиатору необходимо использовать различные речевые стратегии для того, чтобы снизить напряжение и способствовать достижению согласия [Robbennolt, Sternlight, 2012; Моногарова, 2017].

Как говорилось выше, в целях улучшения процесса медиации и скорейшего достижения согласия между участникми конфликта отечественные и зарубежные авторы анализируют различные аспекты языка медиации, например, А. Кобб и Дж. Рифкин исследуют определения понятия «нейтральность», а также отношение к нейтральности со стороны самих медиаторов [Cobb, Rifkin, 1991]. Работа С. Джейкобса и М. Аархуса посвящена анализу лексики, использующейся медиаторами в своей работе, помимо этого анализируются подходы отдельных

медиаторов к разрешению спора и методов, использующихся для определения подходящего способа разрешения спора в определенной ситуации [Jacobs, Aarkhus, 2002].

МЕДИАЦИЯ КАК ВИД БЕСЕДЫ

Многие авторы рассматривают медиацию как вид беседы. По их коллективному убеждению, медиация – это вид беседы о конфликтах, спорах и решениях, связанных с широким кругом вопросов, включая правовые вопросы между двумя сторонами [Arrow et al., 1994, Mnookin, 1998]. Медиация фокусируется на правовых, на эмоциональных сторонах спора и на том, как достичь согласия. Целью медиации является найти «взаимоприемлемое решение» по одному или всем вопросам [Kovach, 2010]. Виды конфликтов (гражданских, ювенальных, семейных, деловых, между арендатором и арендодателем) могут различаться по стилю языка медиации, составу участников, по динамике. Медиация имеет гибкий формат, который изменяется в каждом отдельном случае в зависимости от того, что по убеждению медиатора требуется сторонам для достижения согласия [Goodman, 2005]. Беседа лежит в основе человеческого общения. Медиация использует беседы между сторонами конфликта для того, чтобы обсудить вопросы и прийти к совместному решению.

С. Миллер определяет беседу как неформальный обмен информацией, идеями и т. п., посредством слов, который требует участия по крайней мере двух человек. В ходе беседы стороны регулярно меняются ролями говорящий / слушающий и могут изменить динамику и характер беседы в любой момент. Другие лингвистические особенности беседы, молчание, просьбы и утверждения, могут иметь различные скрытые смыслы, которые обычно зависят от целей говорящего [Miller, 2006].

Таким образом, медиация представляет собой уникальный вид речевого события, при котором в беседе участвуют по меньшей мере три стороны, обсуждающие определенные правовые и личные проблемы. Организация процесса медиации отличается по динамике от повседневной беседы, но имеет те же цели: обмен информацией, просьба о действии и т. п. [Robbennolt, Sternlight, 2012].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА МЕДИАЦИИ

Лингвистические и прагматические аспекты представляют особую важность в медиации, поскольку конфликтующие стороны пытаются сгладить противоречия, а медиатор способствует созданию комфортной языковой среды для скорого и мирного разрешения конфликта [Kovach, 2010]. Беседы, которые происходят в процессе медиации, а также достигнутые соглашения могут иметь юридические последствия, что может препятствовать активному участию сторон в медиации. Для того, чтобы помочь участникам процесса вести продуктивный диалог, медиаторы используют различные дискурсивные стратегии. Изучение особенностей языка диалога, возникающего в процессе медиации, важно для понимания функционирования процесса медиации и того, как медиаторы создают позитивную среду в ходе медиации.

С одной стороны, медиация представляет собой продуктивный диалог, с другой – ее можно рассматривать как разновидность юридического дискурса. Хотя медиация не использует типичный юридический дискурс, который встречается в суде, зале заседания, и т. п., она являет собой форму юридического дискурса в том смысле, что она призвана решать остросоциальные вопросы и рассматривать конкретные ситуации [Galdia, 2014; Моногарова, 2017]. Исследования юридического дискурса выявляют характер, функции и последствия использования языка при обсуждении вопросов, имеющих значение для поддержания общественного порядка. Однако исследования языка медиации обычно сводятся к рассмотрению дискурса медиации, поскольку медиация, строго говоря, фокусируется не на «поддержании общественного порядка», а на общественных отношениях, вопросах личной жизни и юридических вопросах. Использование фразы «поддержание общественного порядка» (в данном контексте обозначающее правовые ограничения и правила, которые регулируют жизнь в обществе) неизбежно сбивает с толку, когда речь идет о медиации, поскольку она традиционно не ориентирована на полемику, служащую поддержанию общественного порядка; медиация оставляет возможность участникам социальной коммуникации самим найти подходящее для них решение. Таким образом, медиацию можно определить как обсуждение практических, реалистичных социальных контактов между сторонами. Виды бесед, обсуждений, переговоров и соглашений, составляющих дискурс медиации, сводятся к поиску реалистичных решений, на которые обе стороны могут согласиться и, следовательно, на основании которых они могут действовать [Galdia, 2014].

Беседы и другие формы диалога существуют в разнообразном контексте и касаются ежедневных вопросов и общественной жизни. Медиация традиционно рассматривается как континуум речевого события, в котором собеседники находятся

лицом к лицу. Однако современные технологии значительным образом изменили возможности вести беседу [Miller, 2006]. Уникальность медиации заключается в использовании традиционного метода общения лицом к лицу и обмена идеями и знаниями по определенной теме. Медиация также имеет тенденцию к созданию неформальной ситуации общения в отличие от большинства юридических процессов, использующихся для разрешения споров и обсуждения [Kovach, 2010; Моногарова, 2017]. К типичным признакам ситуации неформального общения можно отнести использование имен, а не фамилий всех присутствующих, возможность участников говорить по очереди в противоположность строгой форме «вопрос – ответ», принятой в ходе судебного заседания. В дискурсивном анализе для обозначения диалога, сосредоточенного на достижении определенной цели принят термин «solid conversation» (*масштабный разговор*) в ходе которого стороны фокусируются на отдельных продуктивных целях и достижении этих целей посредством их обсуждения [Miller, 2006]. Процесс медиации имеет определенный набор целей, которые определяются в ходе медиации. Все беседы в ходе медиации фокусируются на продуктивном обмене идеями, вопросами, соглашениями и возможными решениями, что указывает на вариативность видов диалога в ходе медиации. С другой стороны, медиатор стремится добиться успеха в отдельном акте беседы, т. е. на отдельном этапе в виде обмена информацией и созданием связей между отдельными участниками медиации, а не фокусироваться на достижении немедленного соглашения [Kovach, 2010].

Для анализа особенностей речевого общения в рамках медиации можно использовать методы лингвистической прагматики, которые позволят описать речевую деятельность отдельных лиц, выявить взаимозависимости между использованием языковых единиц и целеустановками говорящих. В лингвистической науке прагматика является направлением, в рамках которого ставятся вопросы функционирования языка: использование языка с целью воздействовать на слушающих; достижение определенной цели посредством использования языка; анализ имплицитного в языке; коммуникативную компетенцию, способность говорящего понимать язык и цели собеседника, а также успешно выполнять свои цели [Каразия, 2006].

Как уже отмечалось, медиация представляет собой беседу, в ходе которой медиатор использует различные языковые приемы, чтобы способствовать продвижению переговоров и поддерживать продуктивную беседу сторон. Использование разнообразных методов лингвопрагматического анализа дает возможность изучить то, как медиаторы содействуют развитию беседы, а также как медиатор перестраивает свою собственную речь для того, чтобы помочь сторонам, участвующим в медиации. Показательны, например, молчание, вопросы, призванные стимулировать процесс медиации или направить беседу в определенном направлении [Allot, 2010].

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА МЕДИАЦИИ

Теория речевых актов – это область исследования в рамках прагматики, которая сфокусирована на том, как язык используется для достижения определенных целей помимо простого обмена информацией. Предметом изучения в теории речевых актов является речевой акт, т. е. любое высказывание, сделанное адресантом и направленное адресату в определенной ситуации речевого общения, адресное речевое действие, осуществляемое согласно нормам речевого поведения, признанным в данном сообществе [Каразия, 2006]. Речевые акты могут быть представлены различными способами. Простые утверждения часто имеют имплицитное, подразумеваемое значение, которое требует определенной информации для его понимания: либо собеседник должен сделать умозаключение либо строить догадки на основании темы беседы или речевой ситуации. Более очевидные речевые акты включают в себя заключение пари, распоряжения, свадебные клятвы [Allot, 2010]. Исследования в рамках данной теории направлены на выявление того, как речевые акты используются в различных речевых событиях. Благодаря теории речевых актов выявляется то, какой эффект различные высказывания оказывают в различных коммуникативных обстоятельствах. Оказываемый эффект может иметь далеко идущие последствия (особенно если речь идет о медиации). Поэтому необходимо осознавать причинно-следственные цепочки, которые простираются от речевой ситуации ко внеязыковой реальности.

В коммуникативных ситуациях, влекущих за собой какие-либо юридические, в том числе договорные, обязательства, субъект речевого акта обычно обладает некоторыми властными полномочиями. Данное лицо ранее принимало участие в аналогичном речевом событии, оно имеет некоторый опыт социальной коммуникации. Следовательно, оно обладает особыми юридическими компетенциями. Например, лица, имеющие право сочетать браком в Великобритании или США, могут произнести слова «I now pronounce you man and

wife» (*объявляю вас мужем и женой*), которые будут иметь юридические последствия. Каждый речевой акт, который предполагает осуществление определенной степени власти над процессом, обычно означает наличие подготовки и / или включенности в определенную группу [Allott, 2010]. Это необходимо учитывать при анализе использования речевых актов медиаторами. Эффективность использования этих речевых актов показывает, какой властью медиатор обладает над процессом и этапами медиации. Центрально значим именно он, а не сами реальные решения и переговоры, проведенные в ходе медиации.

Речевые акты значимы не только в аспекте их воздействия на внеязыковую реальность, но также в аспекте их влияния на ход речевой ситуации или на ход беседы. Речевые акты могут изменять динамику беседы или межличностного взаимодействия, заставляя отдельные лица демонстрировать свой авторитет. Речевые акты могут также влиять на отдельные аспекты беседы и темы, которые необходимо обсудить. Речевые акты в качестве знаков авторитетности могут изменить фокус беседы, направленной в ту или иную сторону [Уланова, 2017]. Авторитетность исполнителя речевых актов обусловлена необходимостью поддерживать равенство сторон при медиации, тогда как авторитетность (власть) медиатора обусловлена его полномочиями арбитра или судьи в социально значимых прениях. Речевые акты – это необходимая составляющая социальной коммуникации. Они чрезвычайно значимы как в динамике социально резонансных бесед, так и в ходе проблемных речевых ситуаций, в которых уровень авторитетности того или иного говорящего субъекта заранее не ясен и требует практического прояснения.

Данная теория способствует выявлению намерения, которое лежит в основе каждого речевого действия, а также выявлению цели говорящего индивида, поскольку за каждым высказыванием стоит иллокутивное значение. Оно относится к действию или имплицитному утверждению, которое содержится в высказывании индивида. Иллокутивное значение также может быть связано с представлениями, сложившимися у индивида и утверждениями, основанными на этих предположениях [Allott, 2010]. С. Джейкобс и М. Аахус считают, что аргументы представляют собой косвенные речевые акты, осуществляемые в качестве поддержки или возражения в отношении некоего основного высказывания. Их мнение предполагает совершенно иной взгляд на практику обмена мнениями и аргументами [Jacobs, Aakhus, 2002]. Поскольку аргументы содержат скрытый, подразумеваемый смысл, возникает вопрос, как адресат в беседе может понимать иллокутивный акт, а также формировать подходящий ответ на предлагаемый аргумент [Allott, 2010]. Данные особенности, наблюдающиеся в речевых актах, рождающихся в процессе медиации, и обширные связи между высказываниями и различными имплицитными смыслами делают анализ речевых актов очень сложным, зависящим во многом как от высказывания, так и от ответа (реакции) на него.

АНАЛИЗ ВОПРОСОВ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА МЕДИАЦИИ

Другой особенностью прагматики, которая важна для анализа беседы и дискурса, является постановка целевых вопросов. Существует много видов вопросов, служащих разным целям. Вопросы могут использоваться не только для получения информации, но также для получения характеристики действия, для перемены мнения, для коррекции отдельного аспекта,аспектов предыдущего высказывания, для указания на изменение процесса или события. Вопросы варьируются в значительной степени в отношении как цели, так и структуры. Например, вопросы в утвердительной форме в виде высказывания могут быть использованы для стимулирования получения определенного ответа или, наоборот, для стимулирования свободного ответа без подсказок, без указаний на то, каким должен быть ответ. (Вопросы данного типа скорее стимулируют процесс обдумывания ответа.)

Два основных вида вопросов – это «открытые» и «закрытые». «Закрытые» вопросы предполагают либо ответ «да / нет» либо прямой ответ на вопрос с минимальными отклонениями от темы вопроса. «Открытый вопрос», напротив, позволяют отвечающему дать любой полный, развернутый ответ – такой ответ, какой он хочет, поскольку целью «открытого» вопроса является стимулирование полного, развернутого, максимально затрагивающего все аспекты ответа. Указанные типы вопросов могут использоваться по-разному и с разными намерениями [Каразия, 2006].

Помимо того, вопросы могут использоваться в качестве просьбы, запроса действия или носить риторический характер. Эти особенности не являются взаимоисключающими и часто встречаются в одном предложении. Риторические вопросы схожи с утверждениями, поскольку не предполагают ответа, хотя и на них может быть дан ответ при определенных обстоятельствах [Miller, 2006]. Семиотическая природа риторических вопросов может представлять определенный интерес при изучении языка медиации в связи с возможными

вариантами использования, ассоциирующимися с данными типами вопросов. Риторические вопросы также могут быть использованы для указания на иную точку зрения или иное отношение или понимание рассматриваемой ситуации. Риторические вопросы широко применяются и позволяют усилить динамику беседы. Вопрос о законности или возможности определенного образа действия часто выражается в форме риторического вопроса, но стимулирует отвечающего взглянуть на ситуацию с другой точки зрения или с позиции, отличающейся от его собственной. Вопросы часто ассоциируются с расширением знаний о теме беседы или более глубоком рассмотрении обсуждающихся вопросов, однако, вопросы могут быть использованы и с иными целями [Каразия, 2006].

Другим специфическим видом вопросов, использующихся в медиации, является вопрос оценки положения [Kovach, 2010]. Данный вид вопроса призван стимулировать рассмотрение ситуации не просто с разных точек зрения, а с реалистичной точки зрения лицами, участвующими в медиации. Медиаторы прибегают к данной стратегии, чтобы помочь участвующим в медиации сторонам узнать, насколько реально исполнить условия соглашения или, что еще более важно, оценить реальность ситуации [Goodman, 2005]. Осознание реальности ситуации часто является важнейшим элементом медиации, поскольку соглашение, которое заключают стороны, должно быть не только одобрено обеими сторонами, но также иметь юридическую силу. Если стороны не продумают все этапы и условия соглашения, оно не сможет быть реализовано, что приведет снова к судебному разбирательству или продолжению медиации. В связи с этим вопросы оценки реальности являются основой стратегии медиации и концентрируются на определенных аспектах соглашения, которые вызывают проблемы, а также на тех, которые кажутся недостижимыми медиатору и сторонам [Kovach, 2010].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык медиации многогранен и разнообразен, также разнообразны методы и стратегии, применяемые медиаторами.Они должны принимать во внимание тот факт, что медиация отличается от судебного разбирательства не только по форме и содержанию, но также по лингвистическому сопровождению. Подход к медиации как к феномену неформального общения, к беседе, позволяет медиатору адаптировать свою речь к сложившейся коммуникативной ситуации. Использование прагматического подхода позволяет проанализировать речевую деятельность участников социальной коммуникации и их целеустановки. Особый интерес представляет изучение того, как медиаторы применяют различные типы вопросов для стимулирования дискуссии и достижения конечного результата.

Медиация, как и другие методы внесудебного решения споров, только начинают развиваться в Российской Федерации. В связи с этим изучение методов и стратегий, использующихся медиаторами в странах, где эта практика имеет место уже несколько десятилетий, может оказать положительное воздействие как на подготовку медиаторов, так и на формирование положительного отношения граждан к данному способу урегулирования споров. Для достижения указанных целей необходимо продолжать изучения языка медиации, в первую очередь – языка медиации англоязычных стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Моногарова А. Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2017.
2. Куликова Л. В., Прохорова О. А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2 ч. Ч. 2. С. 100–104.
3. Чернышенко А. Г., Алимурадов О. А. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2014. С. 408–415.
4. Баребина Н. С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2012.
5. Чернышенко А. Г. Специфика дискурсивных стратегий. Стратегии дискурса медиации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики: межвуз. сб. науч. ст. 2014. № 7. С. 113–119.

6. Моногарова А. Г., Кобышева Е. И. Стратегическая организация речи медиатора в англоязычном дискурсе медиации // Juvenis scientia, 2016. № 5. С. 12–16.
7. Haynes J. M. Mediation: Positive conflict management. N. Y.: State University of New York Press, 2004.
8. Rieke R. D., Sillars M. O., Peterson T. R. Argumentation and critical decision making. 7th ed. Boston: Allyn & Bacon, 2008.
9. Arrow K. Information Acquisition and the Resolution of Conflict // Barriers to Conflict Resolution. New York, NY: W.W. Norton& Company Ltd, 1994. P. 184–191.
10. Mnookin R. Alternative Dispute Resolution // Harvard Law School John M. Olin Center for Law, Economics and Business Discussion Paper Series. Paper 232. 1998. URL: http://lsr.nellco.org/harvard_olin/232
11. Goodman A. H. Basic Skills for the New Mediator. Rockville, MD: Solomon Publications, 2005.
12. Robbennolt J. K., Sternlight J. R. Psychology for Lawyers: Understanding the human factors in negotiation, litigation, and decision making. Chicago, IL.: ABA Publishing, 2012.
13. Cobb A., Rifkin J. Practice and Paradox: Deconstructing Neutrality // Mediation. Law and Social Inquiry. 1991. Vol. 16 (1). P. 35–62.
14. Jacobs S., Aakhus M. What mediators do with words // Colloquy: Talking in and About Conflict-Discourse Studies of Conflict Processes. 2002. Vol. 20 (2). P. 177–203.
15. Kovach K. K. Mediation: principles and practice. St. Paul: West Group, 2010.
16. Miller S. Conversation: A history of a declining art. New Heaven, CT: Yale University Press, 2006.
17. Galdia M. Legal Discourses. Frankfurt am Main, DE: Peter Lang, 2014.
18. Каразия Н. А. Методика прагмалингвистического исследования: основные подходы и категории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. С. 1–27.
19. Allott N. Key Terms in Pragmatics. London, UK: Contiuum International Publishing Group, 2010.
20. Уланова Е. Э. Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения // Филология и человек. № 2. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-avtoritetnosti-v-sisteme-rechevogo-povedeniya?ysclid=l9ylgfzdql33841365

REFERENCES

1. Monogarova, A. G. (2017). Sovremennyi angloyazychyi discurs mediatsii: terminologicheskaya sostavlyauszhaya I sistema pragmaticheskih strategy = Modern English mediation discourse: terminological component and pragmatic strategy system: abstract of PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)
2. Kulikova, L.V., Prokhorova, O.A. (2016). Issledovatel'skie podhody k diskursu mediacii v fokuse mezhdisciplinarnosti = Research approaches to the mediation discourse through the prism of interdisciplinarity. Philological Sciences. Theory and practice issues, 2(56), 100–104. (In Russ.)
3. Chernyshenko, A. G., Alimuradov, O. A. (2014). The functional aspect of the applied terminology system: a terminological component of the English mediation discourse. The Bryansk State University Herald, 2, 408–415. (In Russ.)
4. Barebina, N.S. (2012). Kognitivnyi mekhanizm contrargumentatsii v diskurse mediatsii = Cognitive mechanism of counterarguments in mediation discourse: abstract of PhD in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
5. Chernyshenko, A.G. (2014). Spetsifika diskursivnykh strategy. Strategii diskursa mediatsii = Discourse strategy specific character. Mediation discourse strategies. Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki, 7, 113–119. (In Russ.)
6. Monogarova, A. G., Kobysheva, E. I. (2016). Strategic organization of the mediator's speech in the English mediation discourse. Juvenis scientia, 5, 12–16. (In Russ.)
7. Haynes, J. M. (2004). Mediation: Positive conflict management. New York: State University of New York Press.
8. Rieke, R. D., Sillars, M. O., Peterson, T. R. (2008). Argumentation and critical decision making. 7th ed. Boston: Allyn & Bacon.
9. Arrow, K. (1994). Information acquisition and the resolution of conflict. Barriers to conflict resolution. New York, NY: W.W. Norton & Company Ltd, 184–191.
10. Mnookin, R. (1998). Alternative Dispute Resolution. Harvard Law School John M. Olin Center for Law, Economics and Business Discussion Paper Series. Paper 232. http://lsr.nellco.org/harvard_olin/232
11. Goodman, A. H. (2005). Basic Skills for the New Mediator. Rockville, MD: Solomon Publications.
12. Robbennolt, J.K., Sternlight, J.R. (2012). Psychology for Lawyers: Understanding the human factors in negotiation, litigation, and decision making. Chicago, IL.: ABA Publishing.

13. Cobb, A., Rifkin, J. (1991). Practice and paradox: Deconstructing neutrality. Mediation, Law and Social Inquiry, 16(1), 35–62.
14. Jacobs, S., Aakhus, M. (2002). What Mediators do with Words. Colloquy: Talking in and About Conflict-Discourse Studies of Conflict Processes, 20(2), 177–203.
15. Kovach, K. K. (2010). Mediation: Principles and Practice. St.Paul: West Group.
16. Miller, S. (2006). Conversation: A history of a declining art. New Heaven, CT: Yale University Press.
17. Galdia, M. (2014). Legal Discourses. Frankfurt am Main, DE: Peter Lang.
18. Karaziya, N. A. (2006). Metodika pragmalingvisticheskogo issledovaniya: osnovnye podhody I kategorii = Methodology of Pragmalinguistic Research: Basic Approaches and Categories. Vestnik of KRAUNTs. Humanities, 1–27. (In Russ.)
19. Allott, N. (2010). Key Terms in Pragmatics. London, UK: Continuum International Publishing Group.
20. Ulanova, E. E. (2017). Kommunikativnaya kategoriya avtoritetnosti v sisteme rechevogo povedeniya = Communicative category of authoritativeness in the speech behavior system. Philology and Man, 2, 120–125. https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-avtoritetnosti-v-sisteme-rechevogo-povedeniya?ysclid=l9ylgfzdql33841365 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ускова Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uskova Tatiana Vladimirovna
PhD (Philology), tenured Associate Professor,
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 81.22
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_127

Синергия когнитивно-стилистического потенциала артефактов Высокого Возрождения Микеланджело Буонарроти

К. И. Шпетный
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kon5804@ yandex.ru

Аннотация. Исследуются наиболее характерные когнитивно-стилистические особенности взаимодействия явлений пластического и поэтического творчества итальянского мастера эпохи Высокого Возрождения Микеланджело Буонарроти. Предлагается определение понятия *синергии*. Стилистическая экспрессивность при прагматическом со-воздействии артефактов значительно возрастает при сочленении в синхронном срезе.

Ключевые слова: когнитивно-стилистический, синергия, артефакт, экспрессивность, скульптура, аллегория, поэзия

Для цитирования: Шпетный К. И. Синергия когнитивно-стилистического потенциала артефактов Высокого Возрождения Микеланджело Буонарроти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864) С. 127–135. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_127

Original article

Synergy of Cognitive-stylistic Potential in the Artefacts of High Renaissance Underlying in Michelangelo Buonarroti

Constantine I. Shpetny
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kon5804@ yandex.ru

Abstract. Core cognitive-stylistic features of interaction and intercorrelation of plastic and poetic artefacts of Michelangelo Buonarroti at the time of High Renaissance in Italy are laid down for scrutiny. The phenomena are considered against the background of synergy, and its definition is provided. The stylistic impact of expressiveness is pragmatically multiplied with imposition in the synchronic presentation.

Keywords: cognitive-stylistic, synergy, artefact, expressiveness, sculpture, allegory, poem

For citation: Shpetny, C. I. (2022). Synergy of cognitive-stylistic potential in the artefacts of High Renaissance underlying in Michelangelo Buonarroti. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 127–135. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_127

ВВЕДЕНИЕ

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются наиболее характерные когнитивные и стилистические особенности синергии в творчестве Микеланджело де Франческо де Нери де Миниато дель Сера и Лодовико де Буонарроти Симони / *итал.* Michelangelo di Francesci di Neri di Miniato del Sera i Lodovico di Leonardo di Buonarroti Simoni (1475–1564), итальянского скульптора, живописца, архитектора, философа и поэта, одного из великих мастеров эпохи Ренессанса [Condivi, 1746; Аникст, 1978]. В период Высокого Возрождения им были написаны около 300 поэтических дискурсов, не менее значимых, чем его известные произведения в области искусств изобразительных[1].

Синергия (*греч.* συνεργία «сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество» от *др.-греч.* σύν «вместе» + ἔργον «дело, труд, работа, (воз)действие») – это взаимодействие и взаимовлияние двух или более артефактов, вследствие чего результат со-воздействия превосходит эффект излияния каждого или нескольких из них.

Данное понятие распространяется как на сферу соработничества в творческой и духовной жизни, так и на области социально-экономической деятельности человека.

С концептом синергии коррелирует понятие «**экфрасис**» (*др.-греч.* ἔκ-φρᾰσις, ἐκ-φράσε-ως – *изложение, описание*), под которым обычно подразумевают вербальное описание артефакта изобразительного искусства или архитектуры в художественном тексте. Экфрасис не предполагает значимого проникновения в когнитивную сферу деятельности автора артефакта и не направлен на выявление ценностных последствий взаимодействия социальных и когнитивно-стилистических параметров рассматриваемых произведений.

Поскольку социальная коммуникация осуществляется на речевом (в устной и письменной формах), визуальном и аудитивном уровнях, в процессе ее осуществления используются различные семиотические ресурсы порождения смыслов [Bateman, 2011]. Их множественность позволяет утверждать, что социальная коммуникация носит полимодальный характер, включая в себя несколько семиотических модусов, или кодов.

Понятие полимодальности изначально затрагивается в трудах М. Хэллидея и его последователей, в которых язык рассматривается как система потенциального значения или как некая совокупность инструментов в социальном контексте [Halliday, 1978].

Термин «полимодальность» (*греч.* polus – многий и *лат.* modus – лад) был предложен в 1944 году французским композитором и теоретиком музыки Оливье Мессианом (*фр.* Olivier Eugène Charles Prosper Messiaen) (1908–1992); и под ним понимается вид полиладовости, где одновременно сочетаются лады ограниченной транспозиции [Мессиан, 1994].

Полимодальность в когнитивной лингвистике рассматривается как междисциплинарный феномен и ставится в ряд с речевыми механизмами и коммуникативными явлениями, она включает в себя понятие дискурса и способы его реализация как в вербальной форме, так и невербальной модусе (аудио-, видео- и изобразительной актуализация) [Ржешевская, 2019]. На уточнение и развитие данного понятия направлена идея перспективизации в контексте исследований по когнитивной лингвистике [Ирисханова, 2013].

Полимодальность, или **мультимодальность** (*англ.* multimodality) – это способность человека совмещать в процессе когниции и коммуникации несколько способов (модусов) освоения мира и общения — вербальный, визуальный, кинетический (жестовый)[2].

Термин и концепт *синергия* соотносимы с понятием полимодальности.

Представляется, что синергия подчеркивает и выделяет процесс и результирующую составляющую взаимодействия и взаимовлияния двух или

[1] URL: https://allpoetry.com/Michelangelo

[2] Полимодальность СКоДис. URL: scodis.ru›студентам/глоссарий/полимодальность/

более артефактов как на вербальном, так и на невербальном уровне. Она имеет целью передачу прагматического аспекта взаимно соположенных модусов. Понятие полимодальности фиксирует констатирующий и процессуальный характер когниции при действии различных артефактов или модусов деятельности.

Прагматическая установка феномена синергии артефактов имеет целью как порождение и передачу языковых и неязыковых средств особой **экспрессивности**, как модусов *per se*, так и их совокупного выразительного эффекта. Поэтому феномен синергии и напрямую сопряженные с ним феномены принадлежат непосредственно к сфере лингвистической (когнитивной) стилистики.

Экспрессивность в языкознании понимается как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы речи, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [Большая российская энциклопедия, 2004–2017].

Проблема экспрессивности привлекала внимание многих лингвистов в России и за рубежом. Экспрессивные свойства языка и речи рассматривались в трудах Ш. Балли, В. В. Виноградова, Т. Г. Винокура, Е. М. Вольф, В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, И. В. Арнольд, В. А. Звегинцева и других.

Характеризуя функции акта речевой коммуникации – коммуникативной (референтивной), апеллятивной, поэтической, экспрессивной, фатической, метаязыковой, Р. О. Якобсон утверждает, что экспрессивность реализует «так называемую эмотивную, или экспрессивную функцию» языка, сосредоточенную на адресате, которая имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит [Якобсон, 1975]. И это непосредственно соотносит ее с понятием вербальной и невербальной синергии.

Определение понятия *стилистический прием*, данное проф. И. Р. Гальпериным, показывает, что в центре направленного эффекта синергии находятся свойство и способ порождения экспрессивности, которые в языке часто реализуются через данное лингвистическое средство: “a stylistic device … is a conscious and intentional **intensification** of some typical structural and / or semantic property of a language unit (neutral or expressive) promoted to a generalized status and thus becoming a generative model” [Galperin, 1981, c. 30].

Данное усиление конечного эффекта взаимодействия, именно экспрессивности, становится особенно весомым, когда имеет место сочленение и взаимовлияние нескольких артефактов в одном модусе.

В качестве иллюстрации синергии рассмотрим дискурс мадригала Микеланджело Буонарроти – поэтический ответ на мадригал Джованни Строцца, где оба текста посвящены скульптуре-аллегории *Ночи* / *La Notte* великого итальянца эпохи Высокого Возрождения.

ПОЭЗИЯ И СКУЛЬПТУРА: НОЧЬ / LA NOTTE

Микеланджело Буонарроти был строителем и создателем Капеллы Медичей / Cappelle Medicee – мемориальной усыпальницы рода Медичи при флорентийской церкви Сан-Лоренцо. Для нее им были созданы аллегорические скульптуры «Утро» / *итал.* Aurora и «Вечер» / *итал.* Crepuscolo – Сумерки (1531), День / *итал.* Giorno и Ночь / *итал.* La Notte (1532–1534). Размеры скульптур составляют 155x150 см, а максимальная наклонная длина достигает 194 см.

«Утро (Аврора)»

«День»

«Вечер»

«Ночь»

«Michelangelo was a very able and learned poet and rose above the general level in poetry, as he did in visual arts», – утверждает известный эксперт Lorna de` Lucchi, характеризуя поэзию итальянца Микеланджело Буонарроти. – «His writing of poetry was not a mere diversion, and the poetry has the artistic quality, which marks his other works. He is considered by critics to be the "foremost madrigalist of the Italian Cinquecento" and "the greatest Italian lyrical poet of the sixteenth century" (https://allpoetry.com/Michelangelo).

Глядя на расположенные по обе стороны у стен Капеллы изящные саркофаги, на каждом из которых расположены по две фигуры — *Утра* и *Вечера*, *Дня* и *Ночи*, созерцая изваяние «Богоматери с Младенцем» у боковой стены, Микеланджело переживал в реализованном им в мраморе стремление передать концептуальное понимание смысла бытия, воплощенное позднее в поэтических строках мадригала.

Среди фигур в капелле Медичей особенно примечательна *Ночь* / *La Notte* в образе женщины, которая спит, опираясь локтем на согнутую ногу и поддерживая рукой низко опущенную голову. Пластически самая прекрасная из четырех статуй, она напоминает охваченную смутными предчувствиями Еву из росписей Сикстинской капеллы в Ватикане в Риме. Трагическая маска под левой рукой *Ночи* говорит о внутренней тревоге спящей женщины-аллегории.

Гробница Джулиано Медичи. Ночь.

В своей книге «Жизнь Микеланджело» Джорджио Вазари / Giorgio Vasari (1511–1574), который был первым биографом Микеланджело Буонарроти и первым, кто использовал термин *Rinàscita* (*Rinascimento*) / *Ренессанс* в печати, приводит строки мадригала Микеланджело на аллегорию *Ночи*, написанные им в ответ на эпиграмму Джованни Строцца / Giovanni Strazza (1818–1875) (разными поэтами было сочинено около ста сонетов, посвященных этим четырем статуям) [Vasari, 2018].

Академическое издание «An Anthology of Italian Poems. 13th–19th Century» 1922 года воспроизводит этот поэтический дискурс:

Caro m' è 'l sonno, e più l'esser di sasso,
Mentre che 'l danno e la vergogna dura:
Non veder, non sentir, m' è gran ventura;
Però non mi destar, deh! parla basso.

Michelangelo Buonarroti (1546)
[An Anthology of Italian Poems, 1922, c. 133]

La Notte che tu vedi in sì dolci atti
dormire, fu da un Angelo scolpita
in questo sasso e, perché dorme, ha vita:
destala, se nol credi, e parleratti.

Giovanni Strazza (1544) [Vasari, 2015, c. 132]

Приводим интерпретацию строфы Микеланджело на русском языке, предложенную поэтом и мыслителем России Ф. И. Тютчевым (1803–1873):

Отрадно спать – отрадней камнем быть.
О, в этот век – преступный и постыдный –
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Прошу: молчи – не смей меня будить.

Ф. И. Тютчев (1855)[1]

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАДРИГАЛА МИКЕЛАНДЖЕЛО

В структурно-композиционном отношении дискурс *Ночи* Микеланджело Буонаротти представляет собой небольшое поэтическое произведение: это 33 слова, оформленные в четыре рифмованные строки по модели *a b b a*. Мадригал Джованни Строцца включает 29 слов и рифмован по той же схеме. Стихотворный размер интерпретации текста у Ф. И. Тютчева составляет 24 слова, и рифма сохраняет такое же построение.

Это важное свидетельство когнитивно схожего восприятия пластического оригинала и содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации [Гальперин, 1981] мадригалов указанных авторов, вследствие чего в этой синергии происходит ощутимое со-воздействие скульптурного первообраза с его вербальным восприятием и наблюдается прирост экспрессивных смыслов.

В трактовке на русском языке обращает на себя внимание использование большого количества знака *тире* в каждой строке – пять случаев, в то время как в итальянских подлинниках этот знак отсутствует. Пунктуационный прием когнитивно-языковой компенсации при передаче содержательно-подтекстовой информации подлинника мадригала Микеланджело использован весьма удачно: автору транспозиции удалось передать ритмическую выразительность итальянского стиха на фоне пластической экспрессивности мраморного артефакта.

С позиции лексикографической семантики можно сказать, что состав используемых в мадригале Микеланджело лексических единиц позволяет отнести его к слою общественной литературной лексики – нейтральной или книжной [Oxford ESL Dictionary, 2004; Ракушина, Ивушкина, 2018] в соответствии с нормами речевого узуса XVI века.

В когнитивно-стилистическом ракурсе синергия артефактов великого итальянца Микеланджело Буонарроти предстает особенно зримо. Это со-воздействие становится еще более значительным при параллельном рассмотрении дискурса мадригала Джованни Строцца, а также интерпретации концептуального содержания подлинника у Ф. И. Тютчева [Тютчев, 1987].

Обратимся к первой строке дискурса Микеланджело.

Местоимение *m'* сливается с глаголом бытия *è* и артиклем *'l*, представленным в сокращенной форме, и они вместе могут образовать отдельный ударный слог для поддержания мелодического ритма четырехстопного хорея – двухсложного стихотворного размера (метра), стопа которого содержит долгий и следующий за ним краткий звуки:

Caro m' è 'l sonno, e più l'esser di sasso,
/ – / – / – , – / – / – – / –

Такой энергичный стихотворный метр / – / – / – может вызывать некую радостную улыбку. Она может возникнуть при звонком выбросе воздуха из груди из-за мгновенной радости созерцания совершенства женщины-аллегории. После радостного выдоха, вызванного эстетическим совершенством женщины, у созерцателя неминуемо последует вдох.

Использование стилистического приема аллитерации со звуком *s*, равно как и употребление равноударных и созвучных существительных (*s*onno, *s*sser, *sass*o) является дополнительным средством передачи экспрессии. Когнитивно-стилистическая синергия реализуется непосредственным соотнесением концептов *sonno* и *sasso*.

Вторая часть начальной строки открывается противительным союзом *e* (*рус.* и, всё же, всё-таки), который помогает соотнести радость земного переживания и ощущение блаженной вечности, запечатленной в мраморе.

Вторая строка, которая открывается союзом *mentre* (*рус.* между тем, несмотря на) поддерживает заданный ритм, однако когнитивно погружает мысль на основе метафорической антитезы в реальный мир сохраняющихся (*dura*) земных страстей – моральной порчи и нравственного позора:

Mentre che 'l danno e la vergogna dura:
/ – / – / – – – / – / -

В третьей строке автор мадригала ясно заявляет свою нравственную позицию и для этого прибегает к наращиванию экспрессивности дискурса посредством (1) частичного изменения метра четырехстопного хорея в первой половине строки, (2) использованием стилистического повтора с двойным лозунговым фразоначальным отрицанием при частотных глаголах *veder* (*vivere*) и *sentir* (*sentire*) и (3) употреблением

[1] URL: https://www.culture.ru/poems/45987/iz-mikelandzhelo?ysclid=l9zptzvdp6421568936

литературно-книжного слова *ventura* (*рус.* судьба, случай) в конструкции *m'è gran ventura* в общем значении «если повезет, если такова моя судьба». Третья строка произведения когнитивно перекликается с первой строкой:

Non veder, non sentir, m' è gran ventura;
/ / – , / / – , – / – / -

Заключительная 4-я строка дискурса мадригала Микеланджело подобно эпиграмматической строке в тексте сонета заключает и обобщает содержание концептуальной синергии мадригала.

Però non mi destar, deh! parla basso.
- / – – / – , / / – / -

Союз *però* (*рус.* поэтому, по этой причине) весьма точно открывает результирующую строку: автор артефакта от имени своего изваяния просит не беспокоить и не будить его от сна, повторно употребляет отрицание *non*, как и в предыдущей строке. В результате эффект экспрессивности значительно усиливается. При этом резко меняется размер стиха с переходом с хорея на ямб в первой части последней строки дискурса.

Использование междометия *deh!* с восклицательным знаком является кульминацией стилистического приема нарастания на пространстве всего текста. Далее происходит резкое уменьшение эмоционального подъема, которое реализуется посредством стилистически нейтральных глагола *parlare* (*parla*) и прилагательного *basso* (*рус.* тихий); прилагательное рифмуется с существительным 1-й строки *sasso*, и, таким образом, синергия увенчивается напевом *sasso – basso*.

СИНЕРГИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ

Взаимодействующими в синергии артефактами здесь являются текст Джованни Строцца / Giovanni Strazza (1544) и интерпретация мадригала Микеланджело Буонарроти (1546) на русском языке Ф. И. Тютчева (1855).

В отличие от четырехстопного хорея в дискурсе Микеланджело ритмический рисунок мадригала Строцца выполнен в целом в размере четырехстопного ямба (двусложный метр с сильным вторым слогом). А поелику ямбические песнопения были неотъемлемой частью праздников плодородия в честь древнегреческой богини *Деметры*, можно предположить, что ритм и размер дискурса Строцца следует народной языческой традиции стихосложения, в то время как Микеланджело отдает предпочтение скорее христианской модели стихосложения.

– / – / – / – – – / – / –
– / – / – – / – – – / –
– / – / – / , – / – /, – / – :
– / – / – / – , – / – / – .

Тогда становится более понятной, добавим, и концептуальная основа росписей Сикстинской капеллы Микеланджело Буонарроти. Налицо широкое проявление синергии поэтического и изобразительных артефактов Высокого Возрождения XVI века.

Можно предположить, что в этом случае великий итальянец вступает в некую концептуальную коллизию с Джованни Строцца.

Набор концептов у двух авторов не идентичен и различается.

Так, у Микеланджело обнаруживаем концепты *caro, sonno, saso, mentre, danno, vergogna, dura* (*durare*), *veder* (*vivere*), *gran, ventura, però, destar* (*deatare*), *deh!, parla* (*parlare*), *basso*. У Строцца встречаем *notte, vedi* (*vedere*), *dolci* (*dolce*), *atti* (*attimo*), *dormire, fu, Angelo, scolpita, sasso, perché, vita, destala* (*destare*), *se, credi* (*credere*), *e, parleratti* (*parlare*).

Общими концептами и лексико-семантическими единицами в обоих мадригалах являются четыре: *sasso, veder – vita* (*vivere*), *destar – destala* (*destare*), *parla – parleratti* (*parlare*) – *рус. камень, жить, будить, говорить*. Именно эти четыре концепта формируют у обоих авторов – Микеланджело и Строцца – единую базовую содержательно-концептуальную информацию в синергии артефактов. Здесь заключено и отражено, на наш взгляд, общее вселенское миропонимание смысла бытия человека в дихотомии «**жизнь** – **смерть**». Это вполне подтверждается употреблением номинации ***Angelo*** в мадригале Строцца.

В интерпретации мадригала на русском языке Ф. И. Тютчева заметен сдвиг в сторону социально-обличительной трактовки концептуальной информации, о чем свидетельствует лексико-семантический состав использованных концептов. Так, наряду с общими в итальянских дискурсах концептами ***камень***, ***жить***, ***будить***, ***молчать*** *vs.* ***говорить*** возникает дополнительная экспрессия через употребление определений *преступный* и *постыдный* при существительном *век*. Усилению речевой экспрессивности способствует использование инверсивного сочетания *удел завидный*, где в прилагательном присутствует стилистически негативный оттенок. Параллельно в заключительной строке возникает категоричный элемент требовательности, а не спокойной просьбы, как это наблюдается в итальянском подлиннике:

Però non mi destar, deh! parla basso (Michelandgelo). – Прошу: молчи – не смей меня будить [Тютчев, 1987].

Интерпретатор изменил порядок расположения концептов, иначе актуальное членение в высказывании, что частично искажает мысль итальянского оригинала, поскольку нарушена причинно-следственная связь событий; и это можно подтвердить предлагаемым здесь нами более адекватным соответствием: «И потому не буди меня, ох! Говори тихо».

Нечто весьма похожее было сделано, например, интерпретатором Сонета LXVI Уильяма Шекспира С. Я. Маршаком [Shakespeare, 1864; Шекспир, 1949]. В первой строке ослаблена временна́я причинно-следственная связь концептов оригинала:

Tired with all these, for restful death I cry (*W. Sh.*). – Зову я смерть, мне видеть невтерпеж (*С. М.*).

В целом как дискурс мадригала Джованни Строцца, так и интерпретация мадригала Микеланджело на русском языке у Ф. И. Тютчева на фоне экспрессивных стилистических приращений поддерживают и уточняют синергию обсуждаемых артефактов Высокого Возрождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синергия как взаимодействие и взаимовлияние артефактов скульптуры и поэзии Микеланджело Буонарроти на примере аллегории *Ночи* в Капелле Медичей становится еще более очевидной при ее рассмотрении в контексте широкой транспозиции объектов творения великого итальянца как изобразительных (скульптура, живопись, архитектура), так и поэтических.

Как образно свидетельствует известный исследователь творчества великого итальянца эпохи Возрождения, «art was the business and passion of his life, poetry its relaxation", а его поэтические дискурсы отличает "splendid virility" и "they seem rough-hewn out of enduring rock» [An Anthology of Italian Poems, 1922, с. 353].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Condivi A. Vita di Michelagnolo Buonarroti, pittore, scultore, architetto e gentiluomo fiorentino. Firenze, Per Gaetano Albizzini. Getti Research Institute. In French and Italian, 1746.
2. Аникст А. А. Четвертое призвание Микеланджело // Микеланджело и его время. Сборник статей. М.: Искусство, 1978.
3. Bateman J. A. The decomposability of semiotic modes // Multimodal studies: exploring issues and domains. New York, Routledge. 2011. P. 17–38.
4. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London, Arnold, 1978.
5. Мессиан О. Техника моего музыкального языка / Пер. с франц. и комментарии М. Чебуркиной. Науч. редакция Ю. Н. Холопова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994, 124 с. // Olivier Messiaen. Technique de mon Langage Musical. Bibiliotèque-Leduc. Ėditions Musicales, 175, rue Saint-Honorès, Paris. – 62 p.
6. Ржешевская А. А. О полимодальности и перспективе в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 7 (823). С. 43–51.
7. Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2013, № 15. С. 43–58.
8. Большая Российская энциклопедия: [в 30 т.] / Научно-редакционный совет: председатель – Ю. С. Осипов и др. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004–2017.
9. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / перевод с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
10. Galperin I. R. Stylistics. Third edition. Moscow: Vysšaja Škola, 1981.
11. Vasari G. The Life of Michelangelo. Introduction by David Hemsoll. The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, 2018.
12. An Anthology of Italian Poems. 13th –19th Century. Selected and translated by Lorna de` Lucchi, Alfred A. Knopf. New York, 1922.
13. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
14. Oxford ESL Dictionary. Oxford University Press. N.Y., 2004.
15. Ракушина А., Ивушкина Т. «Литературно-книжная лексика» в лингвистической литературе // Филология и культура. Philology and culture. 2018. № 2(52). С. 111–119.

16. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия / сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева; ред. В. С. Киселев; вступ. ст. Н. Я. Берковского. Л.: Сов. писатель, 1987.
17. Shakespeare W. The complete works of William Shakespeare / ed. by W. G. Clark and W. A. Wright ; with complete notes of The Temple Shakespeare by Israel Gollncz. New York: Grosset & Dunlap Publishers, 1864.
18. Шекспир В. Сонеты / пер. С. Я. Маршака // Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 8 т. / под ред. А. А. Смирнова. М.–Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 8.

REFERENCES

1. Condivi, Ascanio. (1746). Vita di Michelagnolo Buonarroti, pittore, scultore, architetto e gentiluomo fiorentino. Firenze, Per Gaetano Albizzini. Getti Research Institute. In French and Italian.
2. Anikst, A. A. (1978). Chetvyortoe prizvanie Mikelandzhelo. Mikelandzhelo i ego vremya = The fourth calling of Michelangelo. Michelangelo and his time (pp. 116–137): collection of articles. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
3. Bateman, J. A. (2011). The decomposability of semiotic modes. Multimodal studies: exploring issues and domains (pp. 17–38). New York, Routledge.
4. Halliday, M. A. K. (1978). Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Arnold.
5. Messian, O. (1994). Tekhnika moego muzykal'nogo yazyka = The technique of my musical language / Per. s franc. i kommentarii M. Cheburkinoj. Nauch. redakciya Yu. N. Holopova. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina. (In Russ.)
6. Rzheshevskaya, A. A. (2019). On Multimodality and Perspective in Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7 (823), 43–51. (In Russ.)
7. Iriskhanova, O. K. (2015). On Perspectivization in Cognitive Studies. Cognitive Studies of Language, 15, 43–58. (In Russ.)
8. Osipov, Yu. S. et al. (eds.). (2004–2017). Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya = The Great Russian Encyclopedia: in 30 vols. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russ.)
9. Yakobson, R. O. (1975). Lingvistika i poetika = Linguistics and Poetics, translated from English by I. A. Mel'chuka. In Strukturalizm: "za" i "protiv". Moscow. (In Russ.)
10. Galperin, I. R. (1981). Stylistics. Third edition. Moscow: Vysšaja Škola.
11. Vasari, G. (2018). The life of Michelangelo. Introduction by David Hemsoll. The J. Paul Getty Museum, Los Angeles.
12. Lucchi, L. de`. (1922). An Anthology of Italian Poems. 13th–19th Century, transl. by Alfred A. Knopf (pp. 100–109). New York.
13. Gal'perin, I. R. (1981). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Oxford ESL Dictionary (2004). N.Y.: Oxford University Press.
15. Rakushina, A., Ivushkina, T. (2018). "Literary and book vocabulary" in linguistic literature. Philology and culture, 2(52), 111–119. (In Russ.)
16. Tyutchev, F. I. (1987). Polnoe sobranie stihotvorenij. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya = The complete collection of poems. The poet's library. A large series, compiled by A. A. Nikolaeva; ed. by V. S. Kiselev; introduction by N. Ya. Berkovskogo. Leningrad: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
17. Shakespeare, W. (1864). The complete works of William Shakespeare, ed. by W. G. Clark and W. A. Wright. With complete notes of The Temple Shakespeare by Israel Gollncz. New York: Grosset & Dunlap Publishers.
18. Shakespeare, W. (1949). Sonety = Sonnets, transl. by S. Ya. Marshak. In Shakespeare, W. Polnoe sobranie sochinenij, (vol. 8) ed. by A. A. Smirnov: in 8 vols. Moscow–Leningrad: Goslitizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шпетный Константин Иванович
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shpetny Constantine Ivanovich
PhD (Philology), Assistant Professor,
Assistant Professor at the Department of English Stylistics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 821(3).09, 83.3(0)3
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_136

Что способствует изнеженности души? К вопросу об интерпретации фрагмента «ea quae ad effeminandos animos pertinent» (Цезарь. Записки о галльской войне 1.1.3)

М. С. Голикова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
golikofff@list.ru

Аннотация. Статья посвящена отрывку из «Записок о галльской войне» (Caes. B.G. 1.1.3), в котором Цезарь описывает вражеское племя белгов и упоминает об их крепком духе, сформированном удаленностью от Провинции и редкими контактами с торговцами. Они приносят «то, что способствует изнеженности душ» («ea quae ad effeminandos animos pertinent»). В статье проанализированы существующие трактовки и комментарии к данному фрагменту, приведены параллели с другими античными авторами, предложены возможные варианты толкования античного подлинника.

Ключевые слова: белги, дух, душа, Гай Юлий Цезарь, изнеженность души, интерпретация текста, расслабление ума, Записки о Галльской войне, Сенека, стоицизм, animus, effeminare, ad effeminandos animos, de bello Gallico

Для цитирования: Голикова М. С. Что способствует изнеженности души? К вопросу об интерпретации фрагмента «ea quae ad effeminandos animos pertinent» (Цезарь. Записки о галльской войне 1.1.3) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 136–142. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_136

Original article

What makes the soul weak? Interpretation of «ea quae ad effeminandos animos pertinent» (Caesar. Commentaries on the Gallic War 1.1.3)

Maria S. Golikova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
golikofff@list.ru

Abstract. The article studies an excerpt from the “Commentaries on the Gallic War” (Caes. B.G. 1.1.3) in which Caesar describes the Belgae enemy tribe and mentions their strong spirit, which is due to the fact that they are far from the Province and merchants seldom come there and bring “things that promote the effeminacy of souls” (ea quae ad effeminandos animos pertinent). The article analyzes existing interpretations and commentaries of this fragment, parallels with other ancient authors are drawn, possible interpretations are suggested.

Keywords: belgae, spirit, soul, Gaius Julius Caesar, effeminacy of the soul, text interpretation, debilitating of the mind, Commentaries on the Gallic War, Seneca, stoicism, animus, effeminare, ad effeminandos animos, de Bello Gallico

For citation: Golikova, M. S. (2022). What makes the soul weak? Interpretation of «ea quae ad effeminandos animos pertinent» (Caesar. Commentaries on the Gallic War 1.1.3). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 136–142. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_136

ВВЕДЕНИЕ

«Записки о галльской войне» (Commentarii de bello Gallico (далее – B. G.) содержат семь книг, в оторых Цезарь описывает свои военные походы в Галлию, Германию и Британию (58–52 г. до н. э.). Этот труд Цезаря – одно из самых известных произведений древнеримской литературы. Благодаря ясному и лаконичному стилю военного рапорта B. G. – первый текст классической латыни, традиционно читаемый в русле классического образования и изучения латинского языка. Этот уникальный статус текста, столетиями влияющего на формирование мировоззрения и культуры, делает задачу изучения и прояснения всех смысловых авторских нюансов особенно важной. Тема формирования человеческого духа, затронутая в произведении, не теряет актуальности.

Цель исследования – интерпретация отрывка 1.1.3 и, в частности, фрагмента «ea quae ad effeminandos animos pertinent». Задачи исследования – проанализировать грамматическую структуру выражения, переводы, комментарии, сопоставить с употреблением у других авторов, реконструировать историческую канву, определить аксиологию явления «изнеженности» с позиции Цезаря и в ракурсе античной культуры. Понимание этого отрывка требует комбинирования разных способов анализа: грамматического, сравнительного, герменевтического.

Материал исследования – оригинальные тексты Цезаря, Цицерона, Саллюстия, Сенеки, Авла Геллия, данные словарей и лексических баз. Исследование этого отрывка требует опоры на различные варианты интерпретации, представленные в комментированных изданиях Цезаря: С. И. Соболевского [Цезарь, 1946], J. A. Spenser [Gaius Julius Caesar, 1848], Ch. Anthon [Gaius Julius Caesar, 1862], J. H Allen, W. F Allen, J. B. Greenough [Gaius Julius Caesar, 1874], J. B. Finch [Gaius Julius Caesar, 1898], F. W. Kelsey [Gaius Julius Caesar, 1918].

Материалы и результаты исследования могут использоваться как для научных изысканий в сфере истории, культурологии, античной философии, так и в обучающем процессе в рамках курсов по латинскому языку, античной культуре и литературе.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ B.G. 1.1.3

B.G. I.1.3:

> «horum omnium fortissimi sunt Belgae, propterea quod a cultu atque humanitate provinciae longissime absunt minimeque ad eos mercatores saepe commeant atque ea, quae ad effeminandos animos pertinent, important, proximique sunt Germanis, qui trans Rhenum incolunt, quibuscum continenter bellum gerunt» [PHI Latin Texts, 2015].

В переводе академика М. М. Покровского:

> «Самые храбрые из них – белги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа, наконец они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны» [Цезарь, 1993, с. 29].

Для понимания интересующего нас фрагмента важен контекст предложения, которое можно разделить на четыре части.

1. *Из этих всех самые храбрые белги*. Галльское племя родственное кельтам и германцам населяющие область Северной Галлии. Во времена Цезаря белги разделялись на 16 триб-народов [Gaius Julius Caesar, 1848, с. 174]. По свидетельству древнеримского историка Тацита, белги считались самыми свирепыми из галльских племен (*Тацит 4.76*) [Тацит, 1993].

2. *Кроме того, так как от культуры и просвещенности Провинции они очень далеко отстоят*. Здесь речь идет о Провинции Нарбонская Галлия, организованной около 120 г. до н. э.) – это юго-западная часть Gallia omnis с главными городами Массилией (сейчас – Марсель), процветающий древнегреческий торговый город с морским портом, и столицей римской колонией Нарбо (Нарбонна) [Gaius Julius Caesar, 1874, с. 3]. «Cultus означает здесь образ жизни, утонченность быта и культуру материального свойства, по отношению к одежде и жилищу; humanitas — культуру духовную, по отношению к образованию, к умственному совершенствованию» [Цезарь, 1946, с. 38]. J. A. Spenser уточняет: «Cultus – относится к заботе о комфорте, элегантности жизни, humanitas – к интеллектуальной культуре, изучению лучших писателей» [Gaius Julius Caesar, 1848, с. 174]. «Образ жизни, несущий отпечаток цивилизации, утонченность в интеллектуальных интересах и чувствах» [Gaius Julius Caesar, 1918, с. 2].

3. *И менее часто к ним купцы захаживают* (*реже всего проникают*). Mercatores – это торговцы или разносчики из Массилии. Глагол *commere* имеет значение «движение назад и вперед по ходу движения». Такое передвижение указывает на оживленную торговую магистраль, которая в этой местности проходила по реке Луара [Gaius Julius Caesar, 1874, с. 3]. Купцы доставляли товары вглубь

области, путешествуя на вьючных лошадях, мулах и повозках. Однако в этот отдаленный регион они проникали очень редко [Gaius Julius Caesar, 1862, с. 220–221].

4. *И ближайшие к германцам, которые живут за Рейном, и с которыми постоянно ведут* войну. Белги непрерывно сражались с не менее свирепым противником – зарейнскими германцами.

Словосочетание *ad effeminandos animos* образовано от существительного ***animus***, ***i***, *n*. (дух, душа, разум, жизненное начало, характер или конкретно в лексиконе Цезаря: ум, нрав, чувства, мужество, дух, темперамент, решимость, веселье) и связанного с ним герундива effeminandos «(от глагола *effeminare* (от *ex* + *femina*) расслаблять, изнеживать, делать женоподобным, превращать в существо женского пола, позорить, осквернять)» [Lewis, 1879; Дворецкий, 1976, с. 357; Creak, 1870, с. 8]. Лучший вариант перевода этой герундивной конструкции, распространенной у классических авторов, – герундий с прямым объектом [Цезарь, 1946, с. 33; Gaius Julius Caesar, 1898, с. 4].

Комментаторы переводят данное словосочетание как

1) то, что развращает характер [Gaius Julius Caesar, 1874, с. 3];
2) то, что может изменить чью-то природу [Gaius Julius Caesar, 1898, с. 4];
3) то, что ослабляет характер, разум, приводит к изнеженности душ [Gaius Julius Caesar, 1862 с. 221];
4) то, что ослабит кураж, сломит их воинственный дух [Gaius Julius Caesar, 1918, с. 2];
5) то, что поспособствует уменьшению их храбрости [Creak, 1870, с. 30];
6) то, что сделает нежным, женоподобным, расслабленным [Gaius Julius Caesar, 1848, с. 326];
7) показателен также в семантическом отношении перевод этого фрагмента на древнегреческий язык: «то, что делает людей разбитыми и мягкими» (τὰ φιλοῦντα τοὺς ἀνθρώπους θρύπτειν και ἐκθηλύνειν ἄγειν εἰωθότες) [Gaius Julius Caesar, 1862, с. 188].

ВЕЩИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И СОСТОЯНИЯ, КОТОРЫЕ ПРИВОДЯТ К «ИЗНЕЖЕННОСТИ ДУШИ» В ДРЕВНЕРИМСКИХ ТЕКСТАХ

Данные сравнительного анализа латинских текстов I–II вв. показывают, что сочетание *effeminare* + *animus* также встречается у Сенеки, Саллюстия, Цицерона и Авла Гелия. Это позволяет провести параллели с текстом Цезаря и интерпретировать местоимение *ea*.

1. *Местность*. Сам Цезарь в этом же отрывке указывает на влияние местности как на важный фактор укрепления или расслабления духа. Упоминание негативного воздействия «приятной местности» на формирование безвольного и хилого характера встречается у Сенеки (*Письма 51.10*): «Чрезмерная приятность расслабляет душу, и местность, без сомнения, не лишена способности развращать души (effeminat animos)» [Сенека, 1977, с. 86]. От человека, живущего в суровом климате или в малонаселенных удаленных местах, природа требует напряжения сил для обустройства быта и поиска пропитания. Уход от сложностей суровой жизни, бегство в города и слияние с толпой, по мнению Сенеки, ничего хорошего принести не может (*Сенека. Письма 99. 17*) [PHI Latin Texts, 2015].

2. *Предметы роскоши и наслаждения*. Купцы, упомянутые в этом отрывке, – основа для самого распространенного толкования местоимения *ea* как *опьяняющие напитки*, *алкоголь*, *вино*. Данная интерпретация опирается на два места, в которых Цезарь так же использует глагол effeminare с более подробным комментарием. О характере и обычаях нервиев (одного из племен белгов) Цезарь узнал, что «к ним нет никакого доступа купцам; они категорически воспрещают ввоз вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость; эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных белгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость» (*B.G. 2, 15, 3*) [Цезарь, 1993, с. 57]. В IV главе Цезарь пишет про германцев: «Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары… Они вообще не позволяют ввозить вино, так как по их мнению оно изнеживает человека и делает его неспособным выносить лишения (потому что из-за этого мужчины считаются утомленными и женоподобными) (quod ea re ad laborem ferendum remollescere homines atque effeminari arbitrantur)» (*B.G. 4.2.1; 4, 2, 5*) [Цезарь, 1993, с. 74–75; PHI Latin Texts, 2015].

Какие «другие предметы роскоши» может подразумевать Цезарь? Исследователи феномена древнеримской роскоши отмечают, что ее атрибутами в конце I в. до н.э. могли быть слоновая кость, драгоценные камни, янтарь, жемчуг, шелк, миррина (вероятно, камень флюорит), экзотическая древесина и мебель (особенно лимонное дерево (туя) и черное дерево), мрамор, духи, благовония (преимущественно ладан и мирра), украшения, перец и другие специи, драгоценные металлы (особенно

дорогая посуда), экзотические звери (в основном привозимые для арены), рабы, образованные или имеющие особые навыки (включая поваров, врачей и учителей), экзотические фрукты, разнообразная рыба и произведения искусства (особенно бронзовая скульптура) [Dalby, 2000; White, 2014]. Все, что является следствием богатства: «золото, серебро и все то, чем отягощены счастливые дома» (*Сенека. Письма 34*). Наиболее емким и точным определением будет «то, что чрезмерно» или «то, что приносит наслаждение». «Прежде всего, надо отвергнуть наслаждения: они ослабляют, изнеживают и многого требуют (voluptates; enervant et effeminant)» (*Сенека. Письма 104. 34*) [PHI Latin Texts, 2015].

Идея влияния комфорта и роскоши на общество высказывалась еще в древнегреческой философии. Концепция Платона, изложенная им в «Государстве» заключается в том, что духи, золото, вино и шелк делают общество слабым / женоподобным [Deweese-boyd, DeWeese-Boyd, 2007]. Контекстные примеры показывают актуальность этой концепции и для древнеримской культуры.

3. *Пороки*. Приятная местность, не требующая напряжения сил, предметы роскоши, приносящие наслаждение, порождают пороки и одновременно сопутствуют расслаблению ума. В текстах древнеримских авторов как следствие роскоши в широком смысле указываются жадность (avaritia), пьянство (ebrietas), разврат (stuprum, flagitium), прелюбодеяние (adulteria), похоть (libido, voluptas), обжорство-гурманство (gula, ganea), вульгарность, хвастовство (extra modum sumptu et perfectia prodere), коррупция (licentia), экстравагантность, расточительство (sumptus), часто ведущее к банкротству, и – общая всеобъемлющая форма римского злоупотребления – вялость, слабость, распущенность, изнеженность (mollitia) [White, 2018, с. 114]. В сочетании *animus* + *effeminare* особенно выделяются авторами:

1) жадность; скупость порождает жажду денег, которая пропитывает и отравляет все злым ядом, превращает мужское тело и ум в изнеженное (corpus animumque virilem effeminat) (*Саллюстий. Заговор Катилины 11,3,3*) [PHI Latin Texts, 2015];
2) расслабленность, безделье, лень. «Понемногу душа делается дряблой и бессильной (effeminatur animus atque in similitudinem), под стать тому безделью и лени, в которых она погрязла» (*Сенека. Письма 82. 2*) [PHI Latin Texts, 2015].

История Саллюстия о войске Суллы – яркий пример трехчастного цикла изменения души, который начинается с роскошной жизни в «приятной местности» и заканчивается падением нравов. Чтобы сохранить верность войска Сулла позволил солдатам жить в приятной местности, которая способствовала праздности и развитию в воинской среде пьянства, стремления к роскоши и неподобающему поведению, в результате которого юноши бросились грабить, тратить, пренебрегать совестливостью, стыдливостью, ни в чем не знать меры и нарушать божеские и человеческие законы (*О заговоре Катилины 11. 5–12. 1*) [Саллюстий, 1999].

Результатом «изнеженности души» становиться неподобающее для римского мужа поведение: избегание трудностей, «опасностей», «страданий» и «всего неприятного», которое, согласно древнеримским представлениям, формирует и закаляет дух. Проявление слабости в страдании: «есть некие требования, даже законы мужества, запрещающие мужчинам проявлять слабость в страдании (quae effeminari virum vetant in dolore)» (*Цицерон. О пределах блага и зла 2. 29. 94*) [PHI Latin Texts, 2015]. «Я хотел жить, но так, чтобы быть избавленным от всего неприятного. Такие по-женски расслабленные (effeminata) речи мужу не пристали!» (*Сенека 96. 4*) [Сенека, 1977]. Итогом неправильного поведения, обусловленного расслаблением духа, становиться, по мнению Сенеки, приоритет жизни в любом качестве, даже если она не благая или требует нарушения нравственных установок. В стоическом понимании такой подход равнозначен потери жизни, ведь «жить нужно только правильно, а в противном случае, вообще не стоит» (*Сенека. Письма 70. 6; 96. 4; 101. 10*) [Сенека, 1977]. Противоположность, такого негативного состояния – сдержанность и стойкость. «Жить – значит нести воинскую службу, не знать покоя, кто идет вверх и вниз по трудным кручам, кто совершает опаснейшие вылазки, – те храбрые (fortes) мужи» (*Сенека. О благе 67.4*) [Сенека, 1977].

ВЗАИМОСВЯЗЬ «ИЗНЕЖЕННОСТИ ДУШИ» И СОСТОЯНИЯ ТЕЛА

Возникает вопрос, почему характеристика духа противника так важна для Цезаря? Логично предположить, что, прежде всего его должно интересовать физическое состояние врага: рост, вес, сила, выносливость. Внимание Цезаря именно к этому нематериальному аспекту отражает античную концепцию непосредственной связи души и тела. Прямую взаимосвязь физического и душевного состояния отмечает Сенека: «у кого в душе томность (si ille effeminatus est), тот волочит ноги и двигается лениво» (*Письма 114. 3*) [Сенека, 1977]. Информация о твердости духа белгов для автора и его

античных читателей указывает на их крепкое физическое состояние даже без реального визуального наблюдения.

Объяснения этой взаимосвязи духовного и физического находится у Авла Геллия. Он описывает дискуссию между философами по поводу возможности влиянии алчности на изнеженность не только души, но и тела: насколько порок (алчность) может влиять на изменения тела? «Саллюстий сказал, что корыстолюбие не только мужскую душу, но и само тело делает женственным. Каким образом корыстолюбие делает женственным тело человека? Ведь я, кажется, понимаю, что он хотел сказать, утверждая, что мужская душа делается из-за него женственной, но каким же образом оно делает женственным и тело человека, я пока не понял» (*Авл Геллий. Аттические ночи 3. 1. 13. 4-5*) [Авл Геллий, 2008, с. 166]. Далее следует разъяснение: образ жизни порочного человека – неправильный. Корыстолюбивому человеку свойственна нездоровая «кабинетная жизнь», которая влияет на его умонастроение и, как следствие, на тело.

В этой дискуссии прослеживаются древнеримские воззрения на взаимосвязь души и тела. Крепость души влияет на крепость тела и наоборот, крепость тела, местность, природные причины влияют на крепость духа. Глагол *effiminare* употребляется как показатель антиномии и несоответствия тела и духа. В этом видны характерные идеи стоической философии. Философ А. Ф. Лосев писал: «То, что душа и тело отождествляются у стоиков, это понятно. И что душа остается при этом руководящим началом, это тоже понятно». «Тело есть образ души; а душа есть порождающий смысл для тела, осуществляющая потенция тела, то есть его энергия, его результат, его осуществление» [Лосев, 1992, с. 575].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе информации, полученной при сопоставительном анализе текстов латинских писателей I–II вв., мы приходим к заключению, что в древнеримской культуре бытовало представление о нескольких основных факторах, влияющих на изнеженности души.

1. Обстоятельства. Местность проживания, природные условия, климат, простота быта.
2. Материальные факторы: алкоголь, комфорт, предметы роскоши, вещи, приносящие наслаждение.
3. Пороки: лень, расслабленность, алчность.

В состоянии «изнеженности души» человек не находит в себе сил преодолевать жизненные трудности и уходит от «благой жизни». В этом отрывке прослеживается различное понимание в древнеримской культуре мужского и женского поведения, диктующего мужчине особые правила отношения к жизни.

Словосочетание существительного *animus* и глагола *effeminare* в различных грамматических формах «расслабление души, изнеженность духа, ослабление разума» – это распространенное клише, характерное для стоической философии и отражающее античные представления о дихотомии души и тела. Выражение «*ea quae ad effeminandos animos pertinent*» не является случайным, оно отражает комплекс философских и культурно-исторических представлений и используется автором для репрезентации сложных семантических значений и смысловых связей. Показательно, что Цезарь оставляет простор для интерпретаций и не считает нужным говорить о том, какие вещи способствуют изнеженности. Развернутая фигура умолчания указывает на то, что позднеантичная концепция души должна быть известна просвещенным читателям».

Одновременно эллипсис подчеркивает значимость белгов как достойного противника. Он придерживается представлений, к которым как к идеалу стремится большая часть римлян. Соответственно, весь отрывок 1,1,3 можно интерпретировать как сообщение об опасности врага. Цезарь в описании белгов дает положительную оценку их нравам и обычаям, а не порицает или принижает их за отстраненность от культуры Провинции. Суровая жизнь, единение с природой делают их души закаленными и сильными. Таким образом, переводы *fortissimi* как «дикие, свирепые» в отрицательном ключе, не являются адекватными и уместными. Цезарь признает опасность противника, но относится к нему с уважением. Удаленность от культуры и комфорта городской жизни нельзя считать недостатком с точки зрения Цезаря, отмечающего негативное влияние, которое роскошь и чрезмерность оказывают на общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цезарь Гай Юлий. Записки о войне с галлами. Книга первая / пер. и комм. С. И. Соболевского. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1946.
2. Gaius Julius Caesar. Commentaries on the Gallic War / ed. J. A. Spencer. New York: D. Appleton & Company, 1848.

3. Gaius Julius Caesar. Caesar's Commentaries on the Gallic War and the First Book of the Greek Paraphrase. ed. Anthon, Ch. N.Y.: Harper & Brothers, 1862.
4. Gaius Julius Caesar. Caesar's Gallic War: Four Books / ed. J. H. Allen, W. F. Allen, J. B. Greenough. Boston: Ginn and heath, 1874.
5. Gaius Julius Caesar. Caesar's Gallic War: Book I / ed. J. B. Finch. New York: Hinds & Noble, 1898.
6. Gaius Julius Caesar. Caesar's Commentaries / ed. F. W. Kelsey. New York: Allyn and Bacon, 1918.
7. PHI Latin Texts. Classical Latin Texts / A Resource Prepared by The Packard Humanities Institute (PHI), Packard Humanities Institute (ed.), 2015. URL: http://latin.packhum.org/index (accessed: 20.05.2022).
8. Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне / пер. и комм. академика М. М. Покровского. М.: День, 1993.
9. Тацит Корнелий. Сочинения: в 2 т. М.: Ладомир, 1993. Том II. История. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1347104000 (дата обращения: 20.05.2022).
10. Lewis C. T., Short C. A Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press. 1879. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=effemino&fromdoc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059 (accessed: 20.05.2022).
11. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
12. Creak A. A. Complete Dictionary to Caesar's Gallic War. London: Hodder & Stoughton, 1870.
13. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / пер., прим., подготовка издания С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1346570000 (дата обращения: 20.05.2022).
14. Dalby A. Empire of Pleasures: Luxury and Indulgence in the Roman World. London: Routledge, 2000.
15. White R. T. Luxury at Rome: avaritia, aemulatio and the mos maiorum // Ex Historia. 2014. №6. P. 117–143.
16. Deweese-boyd I., DeWeese-Boyd M. The Healthy City Versus the Luxurious City in Plato's Republic: Lessons about Consumption and Sustainability for a Globalizing Economy // Contemporary Justice Review. 2007. № 10. P. 115–130.
17. Саллюстий Гай Крисп. Заговор Катилины. М.: Ладомир, 1999. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1365203748#12 (дата обращения: 20.05.2022).
18. Авл Геллий. Аттические ночи. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008.
19. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искуство, 1992.

REFERENCES

1. Cezar`, Gaj Yulij. (1946). Zapiski o vojne s gallami = Caesar's Gallic War: Book I, ed. by S. I. Sobolevskiy. Moscow: Publishing house of literature in foreign languages. (In Russ.)
2. Gaius Julius Caesar. (1848). Commentaries on the Gallic War, ed. by J. A. Spencer. New York: D. Appleton & Company.
3. Gaius Julius Caesar. (1862). Caesar's Commentaries on the Gallic War and the First Book of the Greek Paraphrase, ed. by Ch. Anthon. N.Y.: Harper & Brothers.
4. Gaius Julius Caesar. (1874). Caesar's Gallic War: Four Books, ed. by J. H. Allen, W. F. Allen, J. B. Greenough. Boston: Ginn and heath.
5. Gaius Julius Caesar. (1898). Caesar's Gallic War: Book I, ed. by J. B. Finch. New York: Hinds & Noble.
6. Gaius Julius Caesar. (1918). Caesar's Commentaries, ed. by F. W. Kelsey. New York: Allyn and Bacon.
7. PHI Latin Texts. Classical Latin Texts. (2015). A Resource Prepared by The Packard Humanities Institute (PHI), Packard Humanities Institute (ed.). http://latin.packhum.org/index (accessed: 20.05.2022).
8. Cezar`, Gaj Yulij. (1993). Zapiski Yuliya Cezarya i ego prodolzhatelej o Gall`skoj vojne = Caesar's Gallic War: Book I, ed. by M. M. Pokrovskiy. Moscow: Den. (In Russ.)
9. Kornelij Tacit. (1993). Sochineniya = Works : in two volumes (vol. II. Istoriya). Moscow: Ladomir. http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1347104000 (accessed: 20.05.2022). (In Russ.)
10. Lewis, C. T., Short C. (1879). A Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press. http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=effemino&fromdoc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059 (accessed: 20.05.2022).
11. Dvoreczkij, I. X. (1976). Latinsko-russkij slovar` = Latin-Russian Dictionary. Moscow: Russian language. (In Russ.)
12. Creak, A. A. (1870). Complete Dictionary to Caesar's Gallic War. London: Hodder & Stoughton.
13. Lucij Annej Seneka. (1977). Nravstvenny`e pis`ma k Luciliyu = Moral letters to Lucilius, ed. by S. A. Osherov. Moscow: Nauka. http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1346570000 (accessed: 20.05.2022). (In Russ.)
14. Dalby, A. (2000). Empire of Pleasures: Luxury and Indulgence in the Roman World. London: Routledge.
15. White, R.T. (2014). Luxury at Rome: avaritia, aemulatio and the mos maiorum. Ex Historia, 6, 117–143.

16. Deweese-boyd I., DeWeese-Boyd M. (2007). The Healthy City Versus the Luxurious City in Plato's Republic: Lessons About Consumption and Sustainability for a Globalizing Economy. Contemporary Justice Review, 10, 115–130.
17. Gaj Sallyustij Krisp. (1999). Zagovor Katiliny` = The Conspiracy of Catiline. Moscow: Ladomir. http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1365203748#12 (accessed: 20.05.2022). (In Russ.)
18. Avl Gellij. (2008). Atticheskie nochi = Attic nights. St. Petersburg: Humanitarian Academy. (In Russ.)
19. Losev, A. F. (1992). Istoriya antichnoj e`stetiki. Itogi ty`syacheletnego razvitiya = History of ancient aesthetics. The results of a thousand years of development. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голикова Мария Сергеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры классической филологии
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golikova Maria Sergeevna
PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of Classical Philology,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 821.111
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_143

Сравнительный анализ «Автобиографии» Б. Франклина и «Автобиографии» М. Твена

О. А. Титова[1], **О. И. Кирдяева**[2]
[1,2]*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*
[1]*titovaOA@mgpu.ru*
[2]*kirdyaevaOI@mgpu.ru*

Аннотация. В данной статье предлагается сопоставительный анализ исследования жанра автобиографии в американской литературе на примере «Автобиографии» Бенджамина Франклина и «Автобиографии» Марка Твена. Авторами статьи выделяются как общие черты, так и отличительные особенности, присущие анализируемым художественным произведениям. Каждый из автобиографов в исследуемых текстах излагает свою собственную систему ценностей, которая является результатом индивидуального опыта и продуктом культурной и социальной среды своего времени.

Ключевые слова: жанр автобиографии, автобиографизм, Б. Франклин, М. Твен, американская литература

Для цитирования: Титова О. А., Кирдяева О. И. Сравнительный анализ «Автобиографии» Б. Франклина и «Автобиографии» М. Твена // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 143–150. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_143

Original article

“Autobiography of Benjamin Franklin” and “Autobiography” by Mark Twain: a Comparative Study

Olga A. Titova[1], **Olga I. Kirdyaeva**[2]
[1,2]*Moscow City University, Moscow, Russia*
[1]*titovaOA@mgpu.ru*
[2]*kirdyaevaOI@mgpu.ru*

Abstract. This article offers a comparative analysis and study of the two literary works belonging to the genre of autobiography in American literature: “Autobiography” by Benjamin Franklin and “Autobiography” by Mark Twain. The authors highlight the main common aspects and focus on the distinctive features inherent in the analyzed works of fiction.
Each of the autobiographers has their own set of values, which is the result of individual experience and the product of the cultural and social environment of the time.

Keywords: autobiography, autobiographism, B. Franklin, M. Twain, American literature

For citation: Titova, O. A., Kirdyaeva, O. I. (2022). “Autobiography of Benjamin Franklin” and “Autobiography” by Mark Twain: a comparative study. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 143–150. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_143

ВВЕДЕНИЕ

В современном литературоведении жанр автобиографии остается наиболее полемичным и сложным, так как подобно дневникам, мемуарам и биографиям он, с одной стороны, однозначно обозначает жанровую отнесенность сочинения; с другой стороны, для жанра автобиографии характерно в равной степени обращение как к философии и психологии, так и к собственно истории, беллетристике и публицистике. Всё это создает определённые трудности при его детерминации.

Исследователь вышеозначенного жанра Ф. Лежен дает ему следующее определение: «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [Лежен, 2006, с. 261–262]. Из данного определения явствует, что жанр автобиографии отличает целый ряд характерных черт: языковая форма (прозаическое произведение, ретроспективное повествование), тема (история личности), позиция автора (тождественность рассказчика и автора, который является реально существующей или существовавшей исторической личностью), отождествление исторического лица, автора нарратива, с главным героем. Из вышесказанного следует, что в фокусе произведения, созданного в данном жанре, оказывается внутренний процесс развития личности героя-рассказчика. А описанные события рассматриваются читателем как факты биографии автора и как вехи его внутреннего развития. Эти характерные особенности и отличают жанр автобиографии от принципа автобиографизма, под которым понимается принцип «сопоставлении и соотношения личности автора с героем / героями его произведений» [Кирдяева, 2022, с. 158], соотнесения текстовой и внетекстовой реальности. Автобиографизм в творчестве писателя выражается «в виде использования им собственного мировоззрения в качестве опоры для создания художественных текстов» [Коструб, 2022, с. 167].

Начало XX века характеризуется особым пониманием психологии человека, результаты активно развивающейся в этот период науки по-новому осмысливают сознательное и бессознательное, сложность человеческой личности. Человек рефлексирующий оказывается в фокусе науки и литературы, что незамедлительно дает новый импульс для небывалого ранее развития автобиографического жанра. Более того, с предыдущего столетия берет начало традиция создания автобиографий политиками и государственными деятелями, среди которых особое место в американской литературе занимают два художественных произведения исследуемого жанра, созданные Б. Франклином и М. Твеном соответственно.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОБИОГРАФИЙ Б. ФРАНКЛИНА И М. ТВЕНА

Франклиновское жизнеописание, написанное им самим, является самым значимым сочинением американского политика, философа и исследователя. Оно было начато автором в 1771 г. в Англии, создавалось на протяжении целого ряда лет, но так и не было завершено просветителем. Первая часть «Автобиографии» описывает детство и жизнь автора до женитьбы в 1730 г. Вторая часть, написанная уже во Франции в 1784 году, менее значительная по объему, пронизана дидактизмом и наполнена рассуждениями автора о способах усовершенствования своей личности с целью достижения идеала. Третья и четвертая части, написанные в Америке и повествующие о периоде до 1757 года, обрываются на моменте приезда просветителя в Англию как представителя Пенсильвании. Однако дошедшие до нас заметки плана произведения свидетельствуют о намерении автора охватить в сочинении историю всей своей жизни.

В «Автобиографии» Б. Франклина нашли отражение существенные особенности просветительского реализма. Авторская концепция личности формировалась в таких исторических условиях, которые предоставляли возможность проявить себя, более того, побуждали к действию, чему способствовал активный процесс становления американской государственности, и нарождавшаяся буржуазия приветствовала прогрессивные начинания во всех сферах жизни. Герой «Автобиографии» Б. Франклина – патриот, ратующий за социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспокоенный своим личным делом и организацией академии, увеличением количества печатных денег в стране, и созданием в городе пожарных команд.

В своем жизнеописании автор не стремится представить идеализированное повествование о самом себе и своих поступках, но достоверно и объективно излагает события и описывает испытания, которые ему предстояло преодолеть на жизненном пути. Герой-рассказчик без страха и сомнения борется с жизненными трудностями и сложными обстоятельствами. Б. Франклин ведет повествование о внешней событийной стороне своей жизни. Автобиографический нарратив эпохи XVIII века еще лишен глубокого психологического анализа, к нему обратятся авторы жизнеописаний в XX веке. А пока открытая тенденциозность,

свойственная просветительскому реализму, призвана создать образ героя эпохи, в которой автору суждено было появиться на свет.

Твеновскую «Автобиографию» постигла непростая литературная судьба, поскольку при жизни автор не решался на ее публикацию, разрешая печатать ее лишь частично спустя 50, 75, 100 и даже 500 лет после своей смерти. Попытки публикации отрывков «Автобиографии» предпринимались при жизни М. Твена, а также в последующие годы: в 1912, 1924, 1940 и 1959. Распоряжение писателя возможно истолковать как проявление артистизма его натуры и как признание разоблачительного характера, созданного им произведения, поскольку в нем открыто высмеивался помимо прочего ряд франклиновских сентенций и присутствовала острая критика современных политических устоев.

На протяжении 35 лет (с 1870 по 1905 гг.) с перерывами в работе М. Твен предпринимал многочисленные попытки написать собственную автобиографию, однако каждый раз откладывал рукопись в сторону. К 1905 году в распоряжении автора было более тридцати набросков разрозненных глав, часть которых была пронумерована, и отдельных эпизодов с указанием их места в будущей книге. Тем не менее, начиная с 1906 года, М. Твен принимает решение регулярно надиктовывать свои воспоминания стенографистке, таким образом, избирая собственный оригинальный метод создания автобиографии, отказываясь от строгого хронологически линейного построения повествования. Главы «Автобиографии», таким образом, по воле ее автора располагаются в порядке появления диктовок рассказчика, а заголовки, заключенные в квадратные скобки, в основном не принадлежат самому автору.

В «Автобиографии» отчетливо прочерчиваются две сферы изображаемой реальности: прошлое, особенно годы детства, юности, молодости, о которых М. Твен пишет с нежным ностальгическим чувством, и современность, воспринимаемая им преимущественно критически. В композиционном плане главы, относящиеся к двум временным планам, «перетасовываются», сменяя друг друга.

Гражданская война между Севером и Югом окончена, рабство отменено, наблюдается быстрое развитие экономики, успешное развитие промышленности и технического оснащения – все эти процессы способствовали превращению аграрной Америки в страну парового двигателя и электричества. Столкновение с новым миром нарождающегося урбанизма и индустриализма не могло не выдвинуть на первый план новые, еще не изведанные проблемы. Понимание долга гражданина, масштаб личности авторов исследуемых автобиографий, особенности их писательской манеры, разные исторические эпохи, в которых творили Б. Франклин и М. Твен, – все эти аспекты определили своеобразие художественного метода авторов.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ИССЛЕДУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Идея решающего влияния среды на человека – это одна из ведущих идей твеновского жизнеописания. Б. Франклин, будучи выразителем эстетической концепции просветительского реализма, объясняет моральный выбор и мотивы поступков своего героя «разумом», здравым смыслом, целесообразностью, а отнюдь не средой. Для великого просветителя идеи, мнения, просвещение в целом – вот мощнейший стимул для образца героя эпохи. Б. Франклин убежден, что судьбоносные перемены по плечу даже одному талантливому человеку при условии, что он посвятит всё внимание воплощению в жизнь своих планов:

> I have always thought that one man of tolerable abilities may work great changes, and accomplish great affairs among mankind, if he first forms a good plan, and, cutting off all amusements or other employments that would divert his attention, makes the execution of that same plan his sole study and business [Franklin, 1916].

Точка зрения М. Твена на данный вопрос прямо противоположна точке зрения Б. Франклина. М. Твен в памфлете «Покойный Бенджамин Франклин» («The Late Benjamin Franklin», 1870) полемизирует с писателем и даже открыто смеется над его наставлениями:

> When I was a child I had to boil soap, notwithstanding my father was wealthy, and I had to get up early and study geometry at breakfast, and peddle my own poetry, and do everything just as Franklin did, in the solemn hope that I would be a Franklin some day. And here I am! [Twain, 1870, с. 80].

Франклиновская «Автобиография» начинается с подробного освещения судьбы его предков, с огромным пиететом относится автор к каждой детали повествования, пытаясь поступательно рассмотреть и определить фамильные черты:

> This obscure family of ours was early in Reformation, and continu'd protestants thro' the reign of queen Mary… [Franklin, 1916].

> Back of the Virginia Clemenses is a dim procession of ancestors stretching back to Noah's time. I have not

> examined into these traditions myself, partly because I was indolent [Twain, 1906a].

Иронически замечает М. Твен, откровенно высмеивая стремление буржуазии любой ценой представить свое происхождение в как можно более респектабельном ракурсе, как если бы их предки были родственниками самого Ноя, в то время как для Б. Франклина американцы – это воплощение трудолюбия, скромности и сдержанности. М. Твен не щадит своих соотечественников. Писателю претит лжепатриотизм и агрессивное высокомерие американцев новой эпохи. Так, например, во фрагменте «Мы – Англосаксы» («The Anglo-Saxon Race») речь заходит об одном собрании, на котором председательствующий, отставной военный в высоком чине, провозглашает с большим воодушевлением:

> We are of the Anglo-Saxon race, and when the Anglo-Saxon wants a thing he just takes it [Twain, 1906б].

Слоган вышеназванного «вдохновенного пророка» породил такой энтузиазм, что участники банкета, штатские и военные, в течение двух минут не могли «истощить свой восторг по поводу вышеназванной великолепной декларации» [Твен, 1980]. Комментируя подобный эпизод, М. Твен с резкой прямотой добавляет, что лозунг было бы справедливо переиначить, что «мы, англичане и американцы, – воры, разбойники и пираты, чем и гордимся» [Твен, 1980, с. 45].

Данное высказывание связано не только с обличительной направленностью «Автобиографии» М. Твена, но и с проявлением философской позиции писателя, одна из граней которой – включенность личности в атмосферу международной жизни. Если пространственное мышление Б. Франклина, человека XVIII века, ограничено рамками своей страны, то М. Твен в начале XX века мыслит как космополит. Метод сравнения помогает писателю глубже познать свою страну и определить ее место в мире. Не вызывает сомнений тот факт, что Марк Твен – патриот своей страны, однако он видит и ее недостатки, позиция гражданина и реалистическое восприятие действительности заставляют его признать тлетворное влияние США на Европейские страны. Европейская циничная пресса, грабительские налоги, страховые компании, паразитирующие на мало защищенных слоях общества – все это, как считает писатель, Европа переняла от Соединенных Штатов Америки.

Б. Франклин и М. Твен занимают полярные позиции по отношению к государственности. С фигурой великого американского просветителя ассоциируется становление американской государственности. А М. Твен – ее беспощадный критик. Автор признает наличие глубокого конфликта между собственным мнением и официально существующими на тот момент доктринами, что делает невозможным публикацию его произведения при жизни:

> In this Autobiography I shall keep in mind the fact that I am speaking from the grave. I am literally speaking from the grave, because I shall be dead when the book issues from the press. At any rate — to be precise — nineteen-twentieths of the book will not see print until after my death [Twain, 1904, c. 80].

В центре нарратива Б. Франклина находится не только рассказ о становлении собственной личности. Читатель обнаруживает у Б. Франклина также стремление рассказчика измениться, чтобы соответствовать обозначенному в его видении моральному образцу и гражданскому идеалу. Таким образом, автор намечает путь, по которому надлежит развиваться человеку, чтобы избавиться от несовершенств в своем характере.

В «Автобиографии» Б. Франклин повествует о том, как человек не знатного происхождения поднимается по социальной лестнице на самую вершину, добивается успеха благодаря своему трудолюбию, таланту, способности к нравственному совершенствованию. Безусловно, читатель открывает для себя здесь историю исключительной личности. При всей исключительности личности героя, в его судьбе видятся закономерности исторического развития страны. Как мы уже установили ранее, автор этого сочинения не проникает в глубину противоречий человеческой натуры, в «диалектику души», не рефлексирует о противоречии между рациональным и чувственно-эмоциональным началом. Все эти вопросы еще не были поставлены перед автором XVIII века. Но Б. Франклин – думающий и анализирующий автор, он честно признает, что его собственная система самовоспитания не совершенна и не лишена недостатков.

Человек, достойный уважения, для Б. Франклина – это человек, занятый честным трудом. Он способен достичь высокого положения в обществе исключительно в результате приложения больших усилий. На первый план для автора выходит работа по созиданию собственной совершенной личности. Таким образом, идея трудолюбия возводится в концептуально значимую величину. Просветитель намечает путь к достижению самосовершенствования и достатка на основе воздержания, экономии и бережливости. Центральная идея исключительной важности труда на благо себя и своей семьи логически выдвигается на первый план,

а в дальнейшем становится важнейшей составляющей американского характера.

Б. Франклин создает в своем жизнеописании образцовую личность, тогда как М. Твен в своем произведении предлагает образ «маленького человека». М. Твен явно демонстрирует античеловеческую сущность американской государственности и иллюстрирует свое отношение к США на примере судьбы обыкновенного человека. Писатель создает грустный, а порой и щемяще трогательный образ своего брата Ориона, честного, способного человека, не готового к жесткой борьбе за так называемый успех. Отнюдь не практичный, добродушный Орион противопоставлен у М. Твена рациональному и деловому Б. Франклину. Бедняга перепробовал множество занятий: был редактором, стремился стать адвокатом, владел газетой и типографией, пробовал себя на государственной службе, даже изобретал паровой котел и разводил кур, без достаточных денег и железной деловой хватки Ориону ни на одном поприще не удалось добиться успеха. М. Твен повествует о жизни брата то с иронией, то с элементами драматизма, но в конце истории тон повествования изменяется, он звучит даже трагически:

> ...and there he died, with the pencil in his hand and resting against the paper in the middle of an unfinished word – an indication that his release from the captivity of a long and troubled and pathetic and unprofitable life was mercifully swift and painless [Twain, 1898, с. 80].

Посредством образа Ориона писатель как бы полемизирует с литературой эпохи Просвещения, герой которой побеждает обстоятельства силой своего разума. М. Твен описывает современную ему реальность, которая отличается такой жестокостью: для того чтобы преуспеть, только разума уже недостаточно.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ И СТИЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ

Тексты сочинений Б. Франклина и М. Твена характеризуются наличием мозаичного сюжета [Баранова, 2010]. Интересным представляется спор, который возникает между Б. Франклином и Джоном Коллинзом о необходимости предоставлять женщинам право на получение образования и их способности к обучению в целом:

> ... the propriety of educating the female sex in learning, and their abilities for study [Franklin, 1916, с. 65].

Спор возникает во время жизни Бенджамина у своего брата, куда он был определен отцом на обучение. Данный эпизод напоминает мини-рассказ. Необходимость письменно излагать свои мысли и аргументы можно считать его завязкой. Плотная переписка друзей – это развитие действия. А представление отцовского мнения о ясности и логичности аргументов сына можно считать кульминацией рассказа. Развязка – это принятое Бенджамином решение работать над изяществом своего слога.

Однако подобное нарушение стройности изложения становится, скорее, исключением из правил.

В свою очередь, М. Твену присуща более свободная манера обращения с материалом. Так, например, писатель объясняет читателю, почему оставляет одну тему и берется за другую или предлагает несколько вариантов изложения воспоминаний об одних и тех же фактах и событиях. Признаки подобного импровизационного подхода несет в себе и композиция «Автобиографии» М. Твена, поскольку, как известно, автор надиктовал свой текст, заранее не определяя его темы, что мотивировало мозаичность композиции художественного произведения: «диктовки», тематически не связанные между собой, приобретают «свободу передвижения» внутри авторского текста. Данный принцип свободного обращения с материалом проявляется и в композиционной незавершенности самих «диктовок», так как большинство из них написаны в жанре зарисовки.

Сравнивая «Автобиографию» Б. Франклина с сочинениями его современнников (например, богословов), можно констатировать, что Б. Франклину присуща стравнительная простотаизложения, хотя его «Автобиография» изобилует иногда весьма неожиданными эпитетами, синонимическими и антонимическими парами, пословицами, притчами и афоризмами. Очевидно, автор угадывал свою читательскую аудиторию в молодых людях будущих эпох. Тем не менее авторская манера повествования на протяжении всего произведения остается наставнической и дидактичной, а значит, – литературно старомодной.

Одним из наиболее часто используемых стилистических приемов в произведении Б. Франклина является антитеза, что усиливает дидактичный и менторский тон повествования:

> ...tho' an *elegant* Preacher he was but a *poor* Writer... I rather approv'd his giving us *good* Sermons composed by others, than *bad* ones of his own Manifacture [Franklin, 1916][1].

[1] Выделено нами. – *О.Т., О.К.*

В стилистическом отношении текст «Автобиографии» выглядит значительно проще, чем сочинения современников ее автора, но это определяется, на наш взгляд, замыслом писателя доступно и доходчиво предоставить потенциальным читателям «пошаговую инструкцию», как достичь морального совершенства. Франклиновское жизнеописание наполнено дидактизмом и в меньшей степени рефлексией, нежели твеновское, хотя также не лишено самоиронии. Франклин неоднократно отмечает, что намерен передать историю своей жизни максимально правдиво, не утаивая свои непривлекательные поступки. Такое авторское решение позволяет в некотором роде дистанцироваться от собственного мнения и посмотреть на свои собственные плюсы и минусы со стороны.

В отличие от повествования в «Автобиографии» Б. Франклина, повествование в «Автобиографии» М. Твена личностно и исповедально, поскольку построено в форме живой беседы, где личные воспоминания перемежаются с отступлениями, в которых автор рассуждает на злободневные темы литературного и политического характера. Внутренние состояния и переживания автора (он же – герой-повествователь) излагаются не в прямом описании, а воплощаются в тех или иных эпизодах, или даже персонажах, т. е. передаются скорее драматическими средствами, нежели повествовательными, скорее сатирически-комически, нежели аналитически и интроспективно.

Интонационный диапазон автобиографических зарисовок М. Твена довольно широк; он простирается от иронического настроения до сатирического и даже лирического. Воспоминания писателя о далеком прошлом выполнены, главным образом, в лирических тонах, ему более дороги ощущения и ассоциации, нежели события как таковые. По мнению М. Твена, жизнеописание, автор которого игнорирует неважные на первый взгляд события и фокусируется только на важных, создает превратное впечатление о жизни героя:

> An autobiography that leaves out the little things and enumerates only the big ones is no proper picture of the man's life at all; his life consists of his feelings and his interests, with here and there an incident apparently big or little to hang the feelings on [Twain, 1906в, с. 50].

Высказывая данное суждение, М. Твен вступает в полемику с Б. Франклином, для которого именно событие, а не переживание, составляет основу повествования. «Бурю мыслей», откровенность признаний, как уже было сказано выше, Б. Франклин оставляет за пределами своей автобиографии.

Нет в «Автобиографии» Б. Франклина и свойственной М. Твену пронзительной грусти по минувшему. На склоне лет Б. Франклин, как будто не подозревая о приближающейся смерти, выказывает неожиданный оптимизм. М. Твен, напротив, неоднократно отзывается о своей кончине с иронией и даже предисловие к «Автобиографии» называет не иначе, как «предисловие из могилы» («Preface. As From the Grave»). Однако в голосе его слышится не лиризм, а разочарование человека, вступающего в новое столетие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя сопоставительный анализ двух автобиографических произведений Б. Франклина и М. Твена, мы пришли к выводу о том, что, в значительной степени совпадая по жанру и форме, два сопоставляемых жизнеописания существенно отличаются друг от друга содержательно и композиционно, а также характеризуются отличным стилем изложения. Дидактический тон и последовательность изложения «Автобиографии» Б. Франклина контрастируют с несистемностью, некой хаотичностью и свободой повествования М. Твена, текст которого во многом напоминает живую, непосредственно звучащую речь. Данное обстоятельство обусловлено желанием автора прибегнуть к методу «диктовки», а не самостоятельному написанию автобиографического текста.

Принципы импровизации и мозаичности, не столь выразительно представленные в «Автобиографии» Б. Франклина, получают яркое воплощение в произведении М. Твена, во многом определяя стиль повествования.

В противовес назидательности Б. Франклина, твеновское повествование характеризуется особой исповедальной тональностью. Писатель сравнивает свою автобиографию с признанием в любви, в его манере повествования чувствуется раскованность, позволяющая ему писать свободно, откровенно и без внутренних преград, как пишут любовное письмо. Свобода изложения во многом также зиждется на глубоком убеждении и уверенности автора, что его труд будет опубликован только после его смерти:

> It has seemed to me that I could be as frank and free and unembarrassed as a love letter if I knew that what I was writing would be exposed to no eye until I was dead, and unaware, and indifferent [Twain, 1906г, с. 60].

Марк Твен называет свободу принципом автобиографии. Для него это честность самовыражения,

он намеренно игнорирует всё, что является препятствием для искреннего выражения собственных суждений о жизни и о себе. Единственное, чему автор готов подчиняться, – это непроизвольно наплывающий поток воспоминаний и собственный темперамент.

В целом для «Автобиографии» М. Твена характерна та временная объемность, которая практически отсутствует в «Автобиографии» Б. Франклина и которой суждено стать, по мнению ряда исследователей, неотъемлемой чертой произведений автобиографического жанра в литературе XX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. Москва: ИМЛИ РАН, 2006. С. 261–275.
2. Кирдяева О. И. Автобиографизм в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Человек в фокусе лингвистики, литературоведения и языкового образования: международный сборник научных трудов по лингвистике, литературоведению, лингводидактике / Московский городской педагогический университет; науч. ред. К. М. Баранова, О. Г. Чупрына; сост., отв. ред. Е. В. Суворина. М.: Языки народов мира, 2022. С. 157–166.
3. Коструб Е. В. Автобиографизм романа Дж. Гришема «Покрашенный дом» // Человек в фокусе лингвистики, литературоведения и языкового образования: международный сборник научных трудов по лингвистике. литературоведению, лингводидактике / Московский городской педагогический университет; науч. ред. К. М. Баранова, О. Г. Чупрына; сост., отв. ред. Е. В. Суворина. М.: Языки народов мира, 2022. С. 167–175.
4. Franklin B. Autobiography of Benjamin Franklin. New York: HENRY HOLT AND COMPANY. 1916. URL: https://www.gutenberg.org/files/20203/20203-h/20203-h.htm
5. Twain M. The Late Benjamin Franklin. 1870. URL: https://www.crummy.com/writing/hosted/The%20Late%20Benjamin%20Franklin.html
6. Twain M. Chapters from My Autobiography. North American Review: 7 September 1906a. URL: https://www.gutenberg.org/files/19987/19987-h/19987-h.htm
7. Twain M. The Anglo-Saxon Race. 1906б. URL: https://cryptome.org/2013/10/mark-twain-takes-it.pdf
8. Твен М. Автобиография. В кн. Собрание сочинений : в 8 томах. Москва: Правда, 1980. Т. 8. URL: http://lib.ru/INPROZ/MARKTWAIN/autobiog.txt
9. Twain M. Autobiography by Mark Twain: Second Preface in Three Parts, 1904. URL: http://www.marktwainproject.org
10. Twain M. Chapters from My Autobiography. North American Review: Sidenote 1898. URL: http://www.gutenberg.org/zipcat.php/19987/19987.txt
11. Twain M. Autobiography. Banquet-Speeches, 10 January 1906в. URL: http://www.marktwainproject.org
12. Баранова К. М. XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина): монография. М.: Издательство МГОУ, 2010.
13. Twain M. Autobiography by Mark Twain: As From the Grave, 1906г. URL: http://www.marktwainproject.org

REFERENCES

1. Lejeune, Ph. (2006). Kogda konchaetsya literatura? = When does literature end? Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Francii (pp. 261–275). (In Russ.)
2. Kirdyaeva, O. I. (2022). Kirdjaeva O. I. Avtobiografizm v romane O. Uajl'da "Portret Doriana Greja" = Autobiogrpahism in O. Wilde's novel "The Picture of Dorian Gray". Chelovek v fokuse lingvistiki, literaturovedeniya i yazykovogo obrazovaniya (pp. 157–166): The digest of articles: Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov po lingvistike, literaturovedeniju, lingvodidaktike. (In Russ.)
3. Kostrub, E. V. (2022). Autobiographism in J. Grishem's novel "A Painted House". Chelovek v fokuse lingvistiki, literaturovedeniya i yazykovogo obrazovaniya (pp. 167–175): The digest of articles: Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov po lingvistike, literaturovedeniju, lingvodidaktike. (In Russ.)
4. Franklin, B. (1916). Autobiography of Benjamin Franklin. New York: HENRY HOLT AND COMPANY. https://www.gutenberg.org/files/20203/20203-h/20203-h.htm
5. Twain, M. (1870). The Late Benjamin Franklin. https://www.crummy.com/writing/hosted/The%20Late%20Benjamin%20Franklin.html

6. Twain, M. (1906). Chapters from My Autobiography. North American Review: 7 September 1906. https://www.gutenberg.org/files/19987/19987-h/19987-h.htm
7. Twain, M. (1906). The Anglo-Saxon Race. https://cryptome.org/2013/10/mark-twain-takes-it.pdf
8. Twain, M. (1980). Avtobiografiya (vol. 8). Sobranie sochinenij = Collection of works: in 8 vols. Moscow: Pravda. http://lib.ru/INPROZ/MARKTWAIN/autobiog.txt (In Russ.)
9. Twain, M. (1904). Autobiography by Mark Twain: Second Preface in Three Parts. http://www.marktwainproject.org
10. Twain, M. (1898). Chapters from My Autobiography. North American Review: Sidenote. http://www.gutenberg.org/zipcat.php/19987/19987.txt
11. Twain, M. (1906). Autobiography by Mark Twain: As From the Grave. http://www.marktwainproject.org
12. Baranova, K. M. (2010). XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty (tvorchestvo Dzh. Edvardsa i B. Franklina) = 18th century. The Birth of the American Dream (the works of J. Edwards and B. Franklin). Moscow: MGOU. (In Russ.)
13. Twain, M. (1906). Autobiography. Banquet-Speeches, 10 January 1906. http://www.marktwainproject.org

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Титова Ольга Анатольевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации
Института иностранных языков Московского городского педагогического университета

Кирдяева Ольга Ивановна
старший преподаватель кафедры английской филологии
Института иностранных языков Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Titova Olga Anatolyevna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Methods of Teaching English and Business Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City University

Kirdyaeva Olga Ivanovna
Senior Lecturer at the Department of English Philology,
Institute of Foreign Languages, Moscow City University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 008 + 327
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_151

Эволюция цивилизационной идентичности в приграничных государствах Евразии и Латинской Америки

А. И. Емельянов
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anton.politolog@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – определение черт эволюционных преобразований культурно-исторических типов в России и государствах Латинской Америки. В качестве методов исследования были использованы цивилизационный подход, методы индукции и дедукции, сравнения и аналогий. Ресурсной базой написания статьи стали исследования отечественных и зарубежных ученых. Автор пришел к выводу, что пограничные цивилизации обладают культурными чертами, способными сформировать уникальные политические институты и цивилизационную сущность.

Ключевые слова: государство, Латинская Америка, субэкумена, Россия, ценности, цивилизации

Для цитирования: Емельянов А. И. Эволюция цивилизационной идентичности в приграничных государствах Евразии и Латинской Америки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 151–155. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_151

Original article

Evolution of Civilizational Identity in the Border States of Eurasia and Latin America

Anton I. Emelianov
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anton.politolog @yandex.ru

Abstract. The research aims to determine the features of evolutionary transformations of cultural and historical types in Russia and Latin American states. The methods used were the civilizational method, induction and deduction, comparison and analogy. The resource base included the research of domestic and foreign scientists. The author came to the conclusion that border civilizations have cultural traits capable of forming unique political institutions and civilizational essence.

Keywords: state, Latin America, sub-ecumene, Russia, values, civilizations

For citation: Emelianov, A. I. (2022). Evolution of Civilizational Identity in the Border States of Eurasia and Latin America. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 151–155. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_151

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время всё большую популярность приобретает представление о том, что государства перестают быть доминирующими акторами в мировой политике и на их месте приходят совершенно новые по типу и сущности субъекты цивилизации. Существует вероятность, что именно от них будет зависеть политическая и геополитическая ситуация в мире, поскольку они объединяют множество социокультурных групп, включающих в себя целые нации. Если одна из цивилизаций, например, англосаксонская, объединяется с целью доминирования, то другие, такие как русская, латиноамериканская, объединяются внутри своих массивов, несмотря на лингвистические и культурные различия. В случае возобладания в мире цивилизационных тенденций, вполне вероятно изменение норм международных отношений и международного права, а, стало быть, и прекращение гегемонии некоторых стран в мировом сообществе.

ПОГРАНИЧНЫЕ МИРОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В противовес традиционному пониманию цивилизации как высшей культурной точки развития человечества укрепляются позиции сторонников понимания цивилизаций как предельно широкой социокультурной общности, существующей в определенных пространственно-временных координатах. Характеризуя современные цивилизации, А. Тойнби писал, что цивилизация – это «образование более широкое, чем нация, но менее широкое, чем всё человечество» [Тойнби, 1991, с. 148].

В противоположность традиционному пониманию цивилизованного мироустройства укрепляются позиции сторонников пограничности мировых цивилизаций. Они зиждутся на том, что столкновение западного и восточного цивилизационных центров мирового развития привели к появлению дихотомии «Запад – Восток», к периферии которой сформировались пограничные цивилизации России и Латинской Америки [Померанц, 1995]. Они впитали в себя различные установки этих тысячелетних цивилизаций, которые успешно укрепились на базе собственных культурных и духовных ценностей. Великие же цивилизации Востока и Запада, которые, несмотря на свою неоднородность, обладают сходными чертами, сближающими их на геополитической карте мира, обладают также определенной целостностью и консервируются в виде социокультурных макрообщностей. Известный отечественный исследователь Г. С. Померанц выделил на базе этих макрообщностей ряд «субэкумен»: западно-христианскую, южно-азиатскую, индо-буддистскую, исламскую [Померанц, 1995]. В результате синтеза и беспрерывного взаимодействия как внутри этих субэкумен, так и на грани соприкосновения Востока с Западом, оформились традиционные для нас духовные исторические целостности, схожие по мировоззренческим параметрам и подходу к онтологическим проблемам.

«Классические» цивилизации имеют ряд отличий от «пограничных» цивилизаций, оформившихся на периферии мирового сообщества. Они испытывали на себе различные воздействия. В результате формировались цивилизации многополярного типа. Они подразумевали наличие качественно-различных частей крупного целого. Подобные конструкции могут оказаться неустойчивыми. Однако именно они обеспечивают иммунитет к негативной центробежной реакции малых территориальных образований на глобальные цивилизации. В ряде случаев защищенность пограничных цивилизаций от влияния извне помогает им стать средоточиями центростремительных тенденций, лежащих в основе институционализации в рамках совокупностей государств. В настоящее время принято выделять ряд подобных цивилизаций: иберо-европейскую, балканскую, российско-евразийскую и латиноамериканскую [Шемякин, 2001, с. 13].

Таким образом, на территории пограничных субэкумен происходили процессы симбиоза и синтеза, взаимодействия и противостояния основных типов межцивилизационного воздействия. На этой основе выработались герменевтические барьеры, которыми, в частности, можно охарактеризовать границы русского мира. Они продолжают существовать, несмотря на свои противоречия государственным границам [Сеа, 1984, с. 287]. При этом не формируются новые качества цивилизационной общности, не видоизменяется самоидентификация, создается четкая шкала «свой – чужой», которая оформляет чужеродные элементы и старается либо поглотить их, либо отвергнуть. Подобный механизм является ничем иным, как внутренним механизмом функционирования цивилизационной системы. Подобный механизм ведет к тому, что у России, как представительницы пограничной цивилизации, выработана функция по калибрации ростков чужеродных цивилизаций по отношению к своей цивилизационной матрице. Подобная трактовка справедлива и в отношении Латинской Америки [Померанц, 1995, с. 152; Шемякин, 2001].

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ РОССИЙСКОЙ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Системообразующая роль пограничных цивилизаций в мировом масштабе подразумевает глобальную значимость как российской, так и латиноамериканской цивилизации. Несмотря на близость Латинской Америки к иберийской Европе, существует ряд черт, сближающих наши цивилизации. Во-первых, это значимость природного фактора цивилизаций пограничного типа и вытекающая из природного начала слабая способность формирования инновационных элементов, ведущая к пограничности между цивилизацией и варварством (в западном понимании). В условиях пограничных цивилизаций очевидно преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры. Постоянно возникает отсеивание нового через нормы бытия человека и общества. Обе эти пограничные цивилизации сложились и формировались в условиях противостояния глобализации, ставящей своей целью преобладание человека над природой.

В результате можно выделить антиномичность, т. е. контрадикционное столкновение полярностей бытия. При попытках включения наших цивилизаций в фарватер развития западной цивилизации происходило столкновение подходов к решению экзистенциальных проблем, которое влекло за собой желание освободиться и абстрагироваться от негативных внешних факторов цивилизационного воздействия. Этнокультурная амбивалентность, т. е. одинаково выраженная направленность одновременно в противоположные, взаимоисключающие стороны стала одной из определяющих характеристик цивилизационного пограничья.

В то же время доминирование одной из позиций в рамках пограничных цивилизаций весьма условно, так как они строятся на базе врожденных противоположностей, которые, с одной стороны, создают условия для расшатывания всей структуры, с другой – создают систему сдержек и противовесов, которая порождает устойчивость этой аморфной структуры. Характерным примером особого баланса хаоса и порядка можно назвать Византию, которая, по словам исследователя С. С. Аверинцева, имела черты пограничья, существуя на границе Востока и Запада. В этом государстве «существовало единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующих равновесие своим взаимоупором» [Аверинцев, 1997, с. 118]. Таким образом, балансирование на грани распада и постоянного желания в укрупнении пространства субэкумены порождает вектор развития, который, в свою очередь, порождает устойчивость как государства, так и цивилизации.

Таким образом, в российской цивилизации не раз формировались линии раскола, которые можно разграничить на следующие периоды. Во-первых, противостояние славянофилов и западников, которое отразило столкновение различных ценностей западного толка, навязанных России Петром I и традиций Московской Руси, идентифицировавших большую часть населения России. Во-вторых, имел место раскол на базе распространения православия и сохранения языческих мифологических корней, некоторые из которых были в дальнейшем переплетены с канонами православной церкви, придав русскому православию определенные черты. В-третьих, стоит отметить столкновение никонианцев со старообрядцами, которое носило в большей степени социально-политический, нежели духовный характер. В-четвертых, показательно обилие вероисповедований на территории России.

В условиях подобных разнородностей должна быть единая линия восприятия действительности, которая создает базис для защиты национальных интересов государства. Допустимо существование общих ценностей и основ, к ним относится, например, защита своей отчизны и своей земли. На западе родина представляет собой место, где человек пребывает в безопасности и достатке, несмотря на прокламации политиков и общественных деятелей, у них отсутствует сильное чувство тоски по родине. У ряда народов данный императив синтезирован на базе черт неформальных политических институтов этатизма. Как показывает история, иные формы культурно-просветительской экспансии, идущие извне, зачастую оказываются отвергнуты российской культурой, равно как и российским обществом [Шемякин, 2001].

В случае столкновения плюрализма и роста бюрократии формируется новая система сдержек и противовесов. Давление Запада и желание независимости, победа капитализма и уравнение граждан по степени материального достатка, желание справедливости, нежелание принимать решения, неприятие индивидуализма. Происходит столкновение власти и собственности, в особенности – собственности западного типа.

Связь между всеми системами у нас ослаблена благодаря противоречиям внутри цивилизации. Поэтому стал необходим компенсаторный механизм. Он выражается в наличии социальной группы, которая провозглашает государство высшей ценностью и поддерживает единообразные традиции русской цивилизации. Альтернативная социальная группа формируется из числа желающих

ограничить проникновение государства во все сферы жизнедеятельности общества. Если задача первых – поддержание и укрепление институтов государственной власти, то задача вторых – использование воли для единения государства без привлечения центральной власти и ограничение принуждения. Эту тенденцию нельзя назвать простой с учетом контекста русской истории. Достаточно вспомнить общины казаков, староверов, анархистов, крестьянских коммун. Всё это является доказательством конгруэнтности национальных традиций и признаком российских цивилизационных парадигм, так как во всех вышеуказанных образованиях существовали институциональные формы, которые имели все перспективы развиться в нечто большее.

В то же время существует другая крайность, которая выражается в резервах авторитарности русского общества. В критические моменты истории в обществе всегда находится группа, которая инициирует и ведет с особым пристрастием деятельность по обнаружению внутреннего и внешнего врага, изысканию всё новых мобилизационных возможностей нашего государства.

Примером существования всех вышеуказанных процессов является революция 1917 года, историческая веха, когда все течения смогли вырваться наружу. Россия в тот период истории оказалась наполнена множеством разнообразных движений, базировавшихся на принципах воли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, связь между подсистемами в российской цивилизации гораздо слабее, чем, например, в западной, где каждая часть общества преследует свои интересы и стремится сохранить тот строй, который будет максимально способствовать сохранению площадок для дискуссий элит. Они делят сферы влияния как внутри государств, так и за пределами таковых. Подобная унификаторская функция всех мировых цивилизаций отсутствует у нашей цивилизации (и латиноамериканской). Провал любых попыток унифицировать отечественный социум вытекает из заложенного в русской цивилизационной парадигме принципа противовеса. Он реализуется, начиная с эпохи монголо-татарского нашествия, когда формируемая славянская семья впервые принимает в свой состав представителей новых народов. Как раз этот барьер многообразия, заключающийся в большом количестве наций, существующих внутри русской цивилизации, объясняет невозможность преодоления того или иного барьера нашего общества. Ментальные барьеры в свою очередь формировались, укреплялись автономиями человеческого сознания разных народов, социальных групп и религиозных течений [Шемякина, 2011].

Необходимо также помнить о желании народов самосохраниться. Физическое и социальное выживание является базовым желанием любой социальной группы, существующей в рамках цивилизации. Так, согласно пирамиде Маслоу, если первоочередное желание живого индивида – находиться в безопасности, то для общества в рамках цивилизационного противоборства потребность в безопасности связывается со стремлением сохранить себя, затем закрепиться, увеличиться, распространиться. Далее может последовать тенденция к распаду, а затем – снова к собиранию. В результате создается замкнутый круг. Из него можно выйти в случае изменения цивилизационного ареала или его манкуртизации, а также в случае трансформации цивилизованной матрицы народа.

В цивилизациях «классического» типа важнейшая функция социальных институтов – обеспечить организационное закрепление в социальной жизни и практике определенной совокупности ценностных ориентаций на базе того или иного подхода к решению тех или иных экзистенциальных проблем. В пограничных же цивилизациях по мере развертывания процессов взаимодействия качественно различных культурных традиций социальные институты приобретают и иную функцию, а именно функцию обеспечения организационных рамок благоприятного соседства различных точек зрения. При интенсификации взаимодействия или внешнего негативного цивилизационного воздействия классических цивилизаций происходит усиление этой функции; она необходима для того, чтобы гармонизировать социальную среду внутри цивилизации и обеспечить условия мобилизации граждан. Последнее подразумевается при наличии угрозы для пограничной цивилизации.

После исчезновения СССР прерванный процесс возобновился вновь. Часть населения (большая) переняла принципы дореволюционного царского строя, когда существовал триумвират (царь, народ, церковь), а предприниматели переняли принципы рынка. Третья сила (государство) начало в последнее время выступать (в особенности институт президентства) за сохранение финансов в стране, способствовать вложению денежных средств в экономику страны.

Во всех перечисленных политико-экономических тенденциях выражается парадокс пограничных цивилизаций – одновременное стремление к максимальной открытости миру и ревностной защите собственной самобытности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
2. Померанц Г. Выход из транса. М.: Юрист, 1995.
3. Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
4. Сеа Л. Философия американской истории. М.: Прогресс, 1984.
5. Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997.
6. Шемякина О. Д. Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: дис. ... канд. истор. наук. М., 2011.

REFERENCES

1. Tojnbi, A. (1991). Postizhenie istorii = A Study of History. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Pomeranc, G. (1995). Vyhod iz transa = Coming out of a Trance. Moscow: Yurist. (In Russ.)
3. Shemyakin, Y. G. (2001). Evropa i Latinskaya Amerika. Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vsemirnoj istorii = Europe and Latin America. Interaction of civilizations in the context of world history. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Sea, L. (1984). Filosofiya amerikanskoj istorii = Philosophy of American History. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Averincev, S. (1997). Poetika rannevizantijskoj literatury = Poetics of Early Byzantine literature. Moscow: Coda. (In Russ.)
6. Shemyakina, O. D. (2011). Civilizacionnyj podhod k istorii Rossii kak fakt istoriografii i metod poznaniya = The Civilizational Approach to the History of Russia as a Fact of Historiography and a method of Cognition: PhD in History. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянов Антон Игоревич
кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emelianov Anton Igorevich
PhD (Political Science), Associate Professor,
Head of the Department of the Theory of Regional Studies,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty),
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

Научная статья
УДК 327
DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_156

Культурная грамотность как необходимое условие межъязыковой коммуникации

К. С. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
xenia_kulikova@inbox.ru

Аннотация. Грамматические конструкции и лексические единицы не отражают в полной мере картину мира, заложенную в языке и передаваемую через менталитет, а именно, через культурные концепты, привычные для того или иного этноса. Культурная грамотность является необходимым условием межъязыковой коммуникации, всестороннее обеспечивая взаимопонимание и формирование гармоничных эмоциональных связей между собеседниками и служа инструментом предотвращения возможных конфликтов.

Ключевые слова: лингвистика, культура, коммуникация, культурная грамотность, социализация, стратегии общения

Для цитирования: Куликова К. С. Культурная грамотность как необходимое условие межъязыковой коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 156–162. DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_156

Original article

Cultural Literacy as a Necessary Condition for Inter-Language Communication

Xenia S. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
xenia_kulikova@inbox.ru

Abstract. Grammatical constructions and lexical units do not fully reflect the worldview embedded in the language and transmitted through the mentality, namely, through cultural concepts shared by a particular ethnic group. Cultural literacy is a prerequisite for interlingual communication, providing a comprehensive understanding, helping form harmonious emotional ties between interlocutors and serving as a tool for conflict prevention.

Keywords: linguistics, culture, communication, cultural literacy, socialization, communication strategies

For citation: Kulikova, X. S. (2022). Cultural Literacy as a Necessary Condition for Inter-Language Communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 156–162. 10.52070/2542-2197_2022_9_864_156

ВВЕДЕНИЕ

Каждый человек, обладающий лингвистической грамотностью, признает, что безупречная грамматика и богатый словарный запас, несомненно, важны, однако сами по себе недостаточны для успешного межъязыкового общения. Ответом на закономерный вопрос, почему, является следующий факт: в процессе коммуникации мы не только интерпретируем используемые собеседником собственно языковые единицы с точки зрения их лексического значения, но и отмечаем общую манеру держаться и выражать свои мысли и эмоции. К тому же мы всегда обращаем внимание на то, соблюдает ли наш собеседник социальные нормы, принятые в обществе на основании его культурных ценностей и отображенные в языке в виде формул вежливости, выраженных как с помощью грамматических категорий, так и посредством лексических единиц, в виде различных речевых клише, используемых при приветствии, прощании, поздравлениях, в виде шуток, аллюзий т. д. Разумеется, данное правило действует и в обратную сторону: носители изучаемого нами языка оценивают наше речевое поведение с тех же точек зрения.

Иными словами, язык не является лишь разговорником, которым мы пользуемся в путешествиях, и не дает четких инструкций по «сборке» заведомо правильного текста и не сводится исключительно к статусу аналогового корпуса. Конечно же, понятие языка несравненно шире, ведь основной смысл его изучения – уметь использовать язык не только для общения с преподавателями и коллегами-учащимися, употребляя заранее подготовленные темы и готовые фразы из учебника (бесспорно, данный метод существует, но применяется лишь на первом этапе овладения языком). Главной целью коммуникации является умение взаимодействовать с носителем языка в «естественной среде» – в аутентичном лингвистическом окружении, чтобы обмениваться информацией, давать эмоциональную оценку всему окружающему нас и формировать гармоничные интеллектуальные и духовные связи с другими членами социума. Именно для формирования подобных связей необходимо соблюдение правил поведения и уважение к культурным ценностям, пропагандируемым в социуме и отраженным в языке.

Следовательно, чтобы понимать и быть понятым, необходимо обладать не только знаниями грамматических конструкций и лексических единиц, но и иметь полноценное представление о правилах коммуникации, соблюдаемых носителями того или иного языка, исторически и культурно обусловленных и традиционно используемых для выражения отношения к окружающей реальности через призму национального менталитета.

Недостаточная осведомленность о культуре страны изучаемого языка практически всегда приводит к неудачам как в деловой сфере, так и в сфере неформального общения. В рамках межъязыкового общения грамматические и речевые ошибки могут не вызывать ярко выраженных негативных реакций, поскольку любой человек, обладающий тактом и широким кругозором, понимает, что изучение иностранного языка является сложной задачей, и проникается уважением к тем, кто стремится овладеть этим навыком. Однако нарушение культурных и социальных норм способно привести не только к отсутствию взаимопонимания и возникновению предрассудков, но даже к этнической конфронтации, ведь в данном случае участники коммуникации могут решить, что нормы были нарушены намеренно. Если незнакомец держится грубо, даже тот факт, что он является иностранцем, не заставит носителей языка автоматически думать, что человек просто не знает, как себя вести. Мы запрограммированы на собственные нормы хорошего поведения, и любое нарушение будет негативно воспринято иноязычным адресатом, потому что далеко не все из нас являются специалистами в области лингвистики и межъязыковой коммуникации, знающими о возможных культурных отклонениях в социальной сфере.

Знание культурных реалий того или иного этноса, общества и / или государства также подразумевает осведомленность о двух важных фактах, о которых не следует забывать ни одному человеку, изучающему иностранный язык. Во-первых, любому представителю этноса, члену общества и гражданину в той или иной мере могут быть свойственны проявления этноцентричности, другими словами, склонности считать свою культуру исключительной, а культурные традиции иных народов в какой-то мере вторичными. Зачастую гипертрофированные и временами даже оскорбительные представления о других культурах – чрезмерная скупость шотландцев, крайняя праздность болгар или медведи, свободно бродящие по улицам российских городов – порождаются именно этноцентрично ориентированными или недостаточно образованными и духовно развитыми людьми.

Острая проблема в данной связи заключается в том то, что люди, стремящиеся изучать иностранный язык и по неопытности обращающиеся к низкокачественной справочной литературе и сомнительным информационным источникам, принимают эти выдуманные стереотипы как данность, таким образом формируя в своем мировоззрении искаженную картину мира другого народа.

Давая оценочные характеристики иным культурам, мы всегда должны учитывать тот факт, что различия – это не раздражающие факторы и не препятствия к коммуникации, а естественные явления, возникающие благодаря целому ряду условий, оказавших особое влияние на тот или иной образ жизни, иногда даже таких простых, как географические особенности и климат. Следует также помнить, что мир многополярен, и ни одна система значений не универсальна, как не универсальны и грамматические критерии (к слову, последний факт никогда не вызывает у обучающихся недоумения). Иными словами, каждая культура имеет своеобразный набор национальных и социальных характеристик, всецело отраженных на сегментном и супрасегментном уровнях языка, и для продвинутого и всестороннего владения языком знания обозначенных характеристик являются необходимым условием.

Таким образом, успешность межъязыковой коммуникации основывается не только на собственно языковых навыках, но подразумевает осведомленность в иноязычной культуре и (ключевое слово) непредвзятость, способность принимать образ жизни носителей иного языка, социальные убеждения, национальные и культурные особенности и в целом адаптироваться к новому стилю поведения – образно выражаясь, умение оставлять свой устав дома, собираясь посетить чужой монастырь, и при этом чувствовать себя в полной мере комфортно [Многообразие культур в англоязычных странах, отраженное в языке и речевом поведении, 2017; Simpson, 2006; Truss, 2009; Ambrose, 2015; Clarke, 2015; Fox, 2015; Lafayette De Mente, 2015; Mikes, 2015].

Разумеется, наиболее полное представление о местной культуре и нравах человек получает, путешествуя в «целевую» страну и проводя время среди носителей языка. Однако если путешествовать не представляется возможным в силу ряда причин, необходим другой способ приобретения культурных знаний. Таким источником необходимых знаний становится чтение оригинальной литературы на изучаемом языке, как художественной, так и общеобразовательной, и просмотр аутентичного кинематографического материала. Культура – это не только имена и исторические даты, но и специфические формулировки, крылатые фразы, разговорные конструкции, просачивающиеся в художественный текст (включая диалоги в фильмах), чтобы сделать его более живым, а также прекрасная возможность наблюдать за бытовой жизнью носителей изучаемого языка и устройством их социума. Изучение культурного потенциала иностранного текста (как письменного, так и устного) представляет собой весьма увлекательную научную задачу, поскольку половина смысла скрыта именно в элементах, содержащих культурное воздействие:

- культурная информация: безэквивалентная или частично эквивалентная лексика, аллюзии и т. д.;
- идиома: стандартный способ выражения в конкретной коммуникативной ситуации;
- стереотипы: убеждения, ценности, мировоззрение и поведение, присущие определенному национальному сообществу;
- культурные темы, например, британские метрические единицы, австралийская фауна и т. д.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для определения влияния, которое знание культурных реалий социума, говорящего на изучаемом языке, оказывает на способность давать объективную эмоционально-интеллектуальную оценку личности собеседника и на способность к гармоничному осуществлению межъязыковой коммуникации, был проведен экспериментальный опрос.

Участниками опроса стали 40 студентов обоих полов (с приблизительным сохранением гендерного баланса – 22 девушки и 18 молодых людей), обучающиеся на четвертом курсе лингвистических факультетов московских вузов и изучающие следующие дисциплины в рамках английского, французского, болгарского, китайского и японского языков: «практика иностранного языка», «история иностранного языка» и «чтение литературы». Студентам было предложено описать случаи из непосредственно личного опыта или практики людей из их окружения, когда незнание культурных реалий страны изучаемого языка привело бы к взаимному непониманию и, таким образом, препятствовало коммуникации. Участникам опроса был предоставлен выбор – «круглый стол» или беседа один на один с автором статьи для сохранения анонимности. Студенты единогласно выбрали формат «круглого стола», аргументировав свой выбор тем, что полученный ими культурный опыт может оказаться полезным для коллег как с профессиональной, так и с духовной точек зрения.

КУЛЬТУРНАЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проведенный опрос выявил то, что подавляющее большинство участников хотя бы один раз в своей языковой практике сталкивались с ситуациями, когда недостаточная культурная осведомленность

приводила к неловкостям, отчего многим из студентов в дальнейшем приходилось не только восполнять пробелы в знаниях обычаев, традиций, норм и правил, принятых в том или ином языке, но и в дальнейшем преодолевать психологические барьеры в коммуникации, возникшие из-за допущенных оплошностей. Несколько студентов поделились опытом ошибок, совершенных вследствие незнания «языка тела», принятого в той или иной стране, а конкретно, характерных жестов. Студент, только начавший изучать болгарский, был увлечен разговором со своими спутниками за ужином в одном из ресторанов Софии и покачал головой в ответ на вопрос официанта, может ли тот унести недоеденное блюдо. К его полному недоумению, официант сразу же забрал тарелку – в болгарской культуре кивок головой означает «нет», а качание головой означает «да». Остальные участники опроса отметили, что слышали о подобных курьезных случаях, возникающих у многих людей во время путешествий в Болгарию. Студентка рассказала, что, будучи ученицей старших классов, отправилась со своими сверстницами в Англию в рамках программы языкового обмена в ее школе с английским уклоном. Во время пребывания в Лондоне они были неприятно удивлены тем, что их попросили покинуть ресторан, хотя они не заметили за собой никакого нарушения общественного порядка. Причину данного поступка администрации заведения они поняли только по возвращении домой. Рассказав о случившемся, они упомянули, что попросили у официантки принести два сока, но в ресторане было шумно, и «для страховки» они подкрепили свои слова жестом, подняв вверх указательный и средний пальцы одной руки, при этом держа ладонь тыльной стороной к собеседнице. Узнав это, учительница английского объяснила им, что подобный жест в Великобритании берет свое начало во времена Нормандского завоевания и считается крайне непристойным, имеющим целью оскорбить национальное достоинство англичан. Студенты-китаисты, выслушав эту историю, отметили, что в китайской культуре оскорбительным считается жест, несущий положительную коннотацию в подавляющем большинстве культур, – поднятый вверх большой палец.

Далее участники опроса-англофоны вспомнили, что были вынуждены из вежливости смеяться одновременно с остальными членами аудитории при просмотре эпизода знаменитого британского юмористического телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона». Новаторский юмор команды артистов был практически непонятен студентам, в то время крайне мало знакомым с реалиями британского быта. В дальнейшем они совершенно не могли поддержать разговор при обсуждении просмотренного эпизода с их коллегами – носителями языка. Один из студентов упомянул, что начав обучение в одном из языковых лицеев Лондона, попал в неловкую ситуацию: отвечая на вопрос, каким именно способом была казнена Мария Стюарт, он предположил, что она была повешена, поскольку не знал того факта, что казни через повешение подвергались лишь преступники, в то время как особ королевской крови казнили через отсечение головы.

Знаменитая английская недосказанность практически во всем также вызывала трудности, а иногда и обескураживала и даже раздражала русскоязычных студентов и студентов-франкофонов, поскольку представители этих культур привыкли изъясняться довольно прямо. Наиболее контекстной является японская культура; студенты-японисты подтвердили, что и они в начале своей языковой карьеры порой приходили в изумление от таких проявлений японской вежливости, как стремление возвеличить собеседника, принижая при этом себя, чтобы сделать ему приятное. Некоторые из студентов отметили, что чувствовали себя при этом крайне неуютно и не знали, как правильно реагировать на собеседника в данной ситуации, следовательно, терялись при поддержании разговора.

Как упоминалось выше, хорошие манеры являются довольно обширным понятием, и вещи, которые мы считаем универсальными, могут варьироваться от культуры к культуре. Даже такое понятие, как улыбка, расценивается по-разному. Например, в России практически отсутствует так называемая «вежливая улыбка». В контексте русского менталитета улыбка – это эмоционально значимый жест, мало относящийся к этикету, вот почему мы можем испытывать удивление или даже беспокойство, видя улыбающихся нам незнакомцев. Однако такая улыбка является общепринятой во многих культурах, носителям русского менталитета следует помнить об этом и не обижать улыбающегося человека, демонстрируя недоверие или неприязнь, что опять же может стать серьезным препятствием гармоничному межъязыковому общению.

Существенной для подавляющего большинства культур является вежливая форма обращения к женщинам и мужчинам. Студенты-англофоны рассказали о случаях, когда их попытки обратиться к людям при помощи слов *Mister* и *Missis* встретили неодобрение и критику, поскольку данные слова должны употребляться только вместе с фамилией и в противном случае звучат оскорбительно; вместо них в Великобритании употребляются слова *Sir* и *Madam*, тогда как слово Miss является совершенно правильным в обоих случаях – с фамилией или

без нее. То же самое касается слова *Lady*, которое должно использоваться исключительно в отношении женщины благородного происхождения или жены лорда, а употребленное самостоятельно, оно также считается оскорбительным. Студенты, которым довелось побывать на севере Англии, упомянули особую диалектную форму обращения к женщине любого возраста, которая давно сложилась, в частности, в Йоркширском графстве – слово *love*, которое является не более чем простым выражением дружелюбия и употребляется местными автоматически, никоим образом не подразумевая фривольной двусмысленности.

Еще одна вещь, грамматически присутствующая в русском, французском, болгарском и японском языках, но отсутствующая в английском – это формальное и неформальное местоимение второго лица. При наличии в языке спряжения глаголов проблем не возникает, однако студенты-англофоны не всегда могут определить, является отношение собеседника к ним официально-вежливым или скорее дружеским, если не знают о культурной особенности: когда человек представляется или его представляют только по имени, отношения будут неформальными, а если по фамилии, то официальными. Также в английском языке особо значима категория модальности, однако не все изучающие английский язык знают несколько парадоксальную закономерность: чем сложнее модальная конструкция, тем грубее она будет звучать. Вдобавок, студенты-англофоны, франкофоны и японисты отметили, что в этих странах слово «спасибо» употребляется гораздо чаще, чем в Болгарии и России, и об этом следует помнить, вступая в беседы с носителями вышеперечисленных языков, дабы не произвести впечатления невоспитанного человека. Что касается речевых формул, выражающих извинение, то наиболее часто они употребляются опять же в Великобритании и являются неотъемлемой частью имиджа достойного человека.

Допустимые темы для разговора в различных языковых сообществах также разнятся. Во Франции вполне уместно обсуждать политические вопросы с малознакомыми людьми, в то время как в Британии это нежелательно, лучше говорить о погоде, а в Японии обычно беседуют о театре или образовании. Параллельно существует универсальное табу на обсуждение зарплаты или дохода каждого из собеседников. Данные темы могут обсуждаться только тогда, когда вы действительно сблизились с человеком, с которым разговариваете.

Один из участников опроса, изучающих болгарский, вспомнил забавный случай, связанный с реакцией на чихание. Чихнув, он был удивлен ответом носителя языка, сказавшего ему «на щастие» и далее назвавшего трехзначное число, и не мог понять, к чему это сказано. Оказывается, чихнувший должен пересложить цифры названного ему числа, получить номер буквы алфавита и вспомнить имя знакомого на эту букву – именно этот человек и «наслал чих». Не менее забавным является англоязычный ответ на чихание – *Bless you*, проистекающий из суеверия, что чихнув три раза подряд и не получив благословения, человек попадет в рабство к лепрекону и будет вынужден стеречь его горшок с золотом. Студенты-франкофоны отметили, что и русский, и французский ответ на чихание, «Будьте здоровы!» и *A tes amours!*, соответственно, также многое говорят о данных менталитетах.

Курьезные ситуации проистекали и от незнания «ресторанного этикета». В России и Болгарии вполне можно попросить официанта упаковать недоеденную еду, чтобы гости могли унести ее, но в Великобритании такая практика неслыханна, и мысль о том, что человек желает забрать с собой «объедки», вполне может вызвать отвращение, а в Японии, соглашаясь упаковать для гостей остатки еды, ресторан нарушает закон, поскольку существует риск, что разогретая еда потеряет свои вкусовые качества или даже приведет к пищевому отравлению.

Участники опроса справедливо отметили, что еда играет значительную роль в межкультурном общении и также может служить идеальным отражением образа жизни и даже истории страны, как, например, безалкогольные напитки и фастфуд в США. Быстрому расширению предприятий по производству безалкогольных напитков способствовали несколько факторов: установка автоматов газированной воды в аптеках, «сухой закон» и появление первой сети быстрого питания, которая обслуживала автовладельцев (в начале 1950-х гг. американская экономика позволяла владеть автомобилем большинству семей среднего класса). Понятие «быстро» имманентно американской культуре, в ней всегда высоко ценились скорость и эффективность. В противоположность американцам французы предпочитают долгие и неторопливые трапезы, они неравнодушны к изысканно накрытым столам и красивой посуде, поэтому поедание бургера из упаковочной бумаги вызывает у многих представителей этой нации недоумение, а рестораны «быстрого питания» во Франции популярны в основном у молодежи и туристов, желающих сэкономить; у болгар и японцев отношение к еде тоже является трепетным. Таким образом, американское отношение к еде является радикально иным – оно прагматично и наполнено интенсивной динамикой. К тому же, быстро подаваемая еда,

богатая углеводами и жирами, очень нравится детям, и игровые площадки и игрушки, продаваемые у прилавка в ресторанах фастфуда в США, являются изящным воплощением американской идеологии «консумеризма». Иными словами, культурная грамотность представляет собой еще один способ глубже познать изучаемый язык.

ВЫВОДЫ

Информация, предоставленная участниками опроса, позволяет прийти к заключению, что отсутствие культурной грамотности может в действительности служить препятствием для осуществления межъязыкового общения – мешать его протеканию в спокойной и дружественной атмосфере и приводить к возникновению недосказанностей и недопониманий или, того хуже, к серьезной конфронтации на культурно-этнической почве. Чтобы быть настоящим профессионалом и желанным собеседником, при осуществлении коммуникации следует полагаться как на языковую, так и на культурную информацию. При всестороннем изучении иностранного языка в течение достаточно продолжительного времени у говорящего начинает формироваться вторичная языковая личность с менталитетом носителя данного языка и глубокое понимание чужой культуры со всеми ее совершенствами и недостатками в данном случае ускоряет процесс полного погружения в иностранный язык. Непосредственная причастность к иной культуре обеспечивает человеку, говорящему на иностранном языке, психологический и эмоциональный комфорт и уверенность в собственных лингвистических компетенциях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Многообразие культур в англоязычных странах, отраженное в языке и речевом поведении / Шевченко Т. И. и др. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017.
2. Simpson H. The Ritz London Book of Afternoon Tea: The art and Pleasures of Taking Tea. London: Ebury Press, 2006.
3. Truss L. Eats, Shoots, and Leaves. London: Fourth Estate, 2009.
4. Ambrose J. Dining Table Manners in Europe: a Short Guide for Americans. Amazon: Kindle Edition, 2015.
5. Clarke S. 1000 Years of Annoying the French. London: Black Swan, 2015.
6. Fox K. Watching the English. London: Hodder&Stoughton, 2015.
7. Lafayette De Mente B. Etiquette Guide to Japan: Know the Rules that Make the Difference! Boston: Tuttle Publishing, 2015.
8. Mikes G. How to be a Brit. London: Penguin, 2015.

REFERENCES

1. Shevchenko, T. I. et al. (2017). Mnogoobraziye kultur v angloyazychnykh stranakh, otrazhennoye v yazyke i rechevom povedenii = Cultural diversity in the English-speaking countries as reflected in language and speech behavior. Moscow: MSLU. (In Russ.)
2. Truss, L. (2009). Eats, Shoots, and Leaves. London: Fourth Estate.
3. Simpson, H. (2006). The Ritz London Book of Afternoon Tea: The art and Pleasures of Taking Tea. London: Ebury Press.
4. Ambrose, J. (2015). Dining Table Manners in Europe: a Short Guide for Americans. Amazon: Kindle Edition.
5. Clarke, S. (2015). 1000 Years of Annoying the French. London: Black Swan.
6. Fox, K. (2015). Watching the English. London: Hodder&Stoughton.
7. Lafayette De Mente, B. (2015). Etiquette Guide to Japan: Know the Rules that Make the Difference! Boston: Tuttle Publishing.
8. Mikes, G. (2015). How to be a Brit. London: Penguin.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Ксения Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Xenia Sergeevna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.06.2022
одобрена после рецензирования 15.06.2022
принята к публикации 16.06.2022

The article was submitted 12.06.2022
approved after reviewing 15.06.2022
accepted for publication 16.06.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 9 (864)

Ответственные за выпуск
Манухина Алла Олеговна,
кандидат филологических наук, доцент
Моисеенко Лилия Васильевна,
доктор филологических наук, доцент

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 30.11.2022
Усл. печ. л. 20,3. Формат 60x90/8
Заказ № 83/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 9 (864)

Editors
Manuhina Alla Olegovna,
PhD, Associate Professor
Moiseenko Lilia Vasilievna,
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Editor В. А. Геронимус
Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 30.11.2022
Conventional printed sheets: 20,3. Layout format 60x90/8
Order 83/22

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2022

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».